

Валерий Мясников

Неизвестная солдатская война

Из потаённых тетрадей фронтового разведчика (1944-1945 гг.)

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

18+

Валерий Фёдорович Мясников

Неизвестная солдатская война

Во время Второй мировой войны в Красной Армии под страхом трибунала запрещалось вести дневники и любые другие записи происходящих событий. Но фронтовой разведчик 1-й Танковой армии Катукова сержант Григорий Лобас изо дня в день скрытно записывал в свои потаённые тетради всё, что происходило с ним и вокруг него. Так до нас дошла хроника окопной солдатской жизни на всём пути от Киева до Берлина. После войны Лобас так же тщательно прятал свои фронтовые дневники. Но несколько лет назад две полуистлевшие тетради совершенно случайно попали в руки военного журналиста, который нашёл неизвестного автора в одной из кубанских станиц. Буквально перед самой своей смертью Григорий Лобас, благодаря исключительно цепкой, профессиональной памяти разведчика, предельно откровенно прокомментировал каждую запись своих фронтовых дней. По восстановленным дневникам и фонограмме воспоминаний Г.Т. Лобаса написана эта книга. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Воскрешение правды.....	0004
#1.....	0004
Рассказывает Григорий Тимофеевич Лобас.....	0008
Учёба в тылу.....	0011
#1.....	0011
1944 год.....	0027
Дорога на фронт.....	0031
На передке.....	0047
Отдых в деревне Хвалибога.....	0060
Прощай Хвалибога.....	0069
Сандомирский плацдарм.....	0075
Командировка в Киев.....	0088
В Галиции.....	0095
На главном направлении.....	0119
#1.....	0119
1945 год.....	0119
Бои в Германии.....	0138
#1.....	0138
Перед броском на Берлин.....	0158
Последний бой.....	0163
В госпитале.....	0166
Домой!.....	0174
#1.....	0174
ОБРАЩЕНИЕ АВТОРА.....	0176

Воскрешение правды

Две толстые тетради с остатками черного дерматинового переплётa и пожелтевшими, рассыпающимися по углам листами. Когда они впервые попали в мои руки, я долго привыкал к мысли, что на этих полуистлевших страницах химическим карандашом писал солдат именно в те дни – 1943–1945 годов.

Аккуратно переворачиваю листы, а с их краёв, словно мишура, сыплются кусочки бумаги с фиолетовыми буквами и даже целыми словами, из которых сложились два трудно постижимых года между жизнью и смертью.

Да, это – дневник рядового той войны.

Казалось бы, какие причины для особых волнений? Солдатские письма военного времени можно увидеть под витринным стеклом многих краеведческих и школьных музеев. А уж боевых эпизодов, подробностей фронтового быта достаёт и в художественной, и в мемуарной литературе. Сейчас мы, люди послевоенных поколений, считаем, что о той войне знаем почти всё.

По крайней мере, гораздо больше, чем о девятилетней войне в Афганистане. А когда мы будем знать всё об афганской войне? Сколько ещё лет правде пробиваться к нам сквозь прочные стенки сейфов, запреты цензоров и ревнивых хранителей "принципов", сквозь официальные мнения и трусость чиновников?

Если об этом судить по дневникам разведчика Григория Лобаса, то – ни одно десятилетие. Потому что и сегодня ни в каком музее не увидишь столь обнажающего фронтовую действительность документа 1941–1945 годов. Потому что и сегодня ещё никто из авторов мемуаров (а среди них, как правило, нет рядовых) не решился сказать то, что было записано рукой Григория Лобаса полвека назад. Потому что окопная правда, так трудно, по толике доходящая до нас вместе с книгами Сергея Смирнова, Ивана Акулова, Вячеслава Кондратьева, Василия Гроссмана – это ещё не вся правда.

Не знаю, удастся ли где-нибудь опубликовать дневник и воспоминания Григория Тимофеевича Лобаса без купюр. Уж слишком в необычном, точнее сказать, непривычном для нас свете предстаёт Великая Отечественная война с его слов. Принять такую войну сразу трудно. Трудно не только тем, кто, пройдя через неё, зная её и такой, тем не менее в печати и на трибуне никогда не выходил за рамки «массового героизма», «беззаветной преданности» и «стойкости».

Трудно принять войну Григория Лобаса и нам, родившимся после неё и знавшим о ней только то, что освящало её, только то, что порождало трепетное отношение к «отцам»-командирам всех рангов, только то, что возводило эту войну в некое чистилище особой «советской» нравственности и особого строя, единственного в своём роде, способного вынести такие испытания.

Возможным первым издателям и первым читателям вначале покажется, что солдатский дневник разрушает святыне для нас понятия. Действительно, война, воспроизведённая на обыденном уровне – страшная вещь. Цинизм и обнажённость страстей, нескрываемая боль и доступность сиюминутного, густо замешанные грязь и кровь – всё это, в солдатском сознании гипертрофированное и в то же время прощаемое обречённостью завтрашнего дня, конечно, ничего не добавит к известным моральным ценностям.

Но при этом солдатская правда поможет нашему современнику в трёх значительных обретениях.

Первое. Начертав на своем знамени демократизации слово «правда», как одно из важнейших ее завоеваний, нельзя идти к правде через фарисейство. Оно не может быть оправдано никакими высокими целями. Наш современник знает об одном из самых трагических периодов истории своей страны во многом из учебников и воспоминаний маршалов, генералов, командиров различных степеней, если не всегда конъюнктурно написанных, то практически всегда конъюнктурно отредактированных. И сегодня уже нельзя лишать права знать о войне из уст простого солдата.

Правда, неотобранная и неклишированная, не приспособленная к официальным установкам и оценкам авторитетов, а именно ОБЪЁМНАЯ правда возвращает современнику утерянное ДОВЕРИЕ.

Второе. Мне кажется совершенно несостоятельным распространённое мнение, будто невозможно прийти к пониманию высоких целей и моральных ценностей через материал, воспроизведённый на уровне обыденного сознания. Вспомним об исторической онтологии – учении об ускорении мысли в основах бытия.

Убеждён, что страшные и безобразные натуралистические картины в восприятии рядового солдата, не имевшего понятия об онтологии, но тем не менее стоящего к истине зачастую ближе, чем иные всё объясняющие философы, помогут современнику сделать свой непредвзятый нравственный выбор. И выбор этот будет не в пользу войны, не в пользу насилия, не в пользу бездушия и бездуховности.

И, наконец, третье. В дневнике немало таких мест, которые истинному патриоту и просто совестливому человеку невозможно будет прочесть вслух. Но сколь бы неоднозначными показались суждения и поступки автора дневника, проницательный читатель, в конечном счете, увидит главное. Нравственная позиция простого русского солдата, его отношение к Отечеству являют собой тот глубинный, неодолимый патриотизм, о котором русский писатель и мыслитель Василий Розанов сказал так: «До какого предела мы должны любить Россию? ... До истязания самой души своей. Мы должны любить её до «наоборот нашему мнению», «убеждению», голове. Сердце, сердце – вот она любовь к родине – чревная».

Как же воскрес дневник из полувекового небытия?

Однажды на пороге дома моих родителей в Севастополе появился пожилой человек. Он сказал, что знает их сына по двум книгам очерков и поэтому решил передать для него записки своего брата. Это был Павел Тимофеевич Лобас, который с 1945 года хранил тетради брата Григория у себя дома. Когда один раз в год – 9 мая у него за столом собирались однополчане-фронтовики, они всегда просили Павла Тимофеевича почитать эти записки. Слушали, смеялись, горевали и вспоминали то, другое у войны лицо, о котором сами они тоже никому и никогда не рассказывали. «Вот если бы всё это опубликовать...» – неизменно говорили фронтовики, но никто из них даже мысли не допускал, что такое возможно.

До 1985 года я работал корреспондентом газеты Черноморского флота "Флаг Родины". В военное время флоту выпала трудная судьба. Если бы немцы смог-

ли взять последние две базы – Потти и Батуми, он прекратил бы своё существование.

Что было под Одессой, Севастополем, Керчью, Новороссийском, когда сдавали их и когда брали вновь, – об этом "Флаг Родины" писал много. Вообще выступлениям фронтовиков газета отводила целые полосы. Но на летучках журналисты сами часто критиковали их за однообразие материалов: сплошные героические эпизоды. А что же было под Одессой, Севастополем, Керчью, Новороссийском кроме героических эпизодов? Об этом ещё не написано ни одной правдивой книги. Нам, журналистам, многое становилось известным не из присланных в газету писем, а от разговорившегося после «неформальной» чарки фронтовика, не от тех, кто сверкая наградами и ветеранскими значками, в День Победы стоял поближе к кумачовой трибуне, а от одиноко приютившегося в тени каштана старика с одной-единственной на поношенном пиджаке медалью «За отвагу»...

Так, чисто случайно, эпизодически прорывалась солдатская правда, о которой нельзя было написать. Слушали мы этих людей, и стыд жёг сердце от собственного бессилия. Теперь, когда многое можно воскресить, осталось слишком мало времени.

Прошли годы как умер бывший черноморский матрос, позволявший себе после чарки говорить не «для печати». Давно уже не приезжает в Севастополь кавалер медали «За отвагу». А часы стучат. Сколько ударов они оставили тем, кто ещё в состоянии поведать, как ЭТО БЫЛО?..

Обо всём этом я хотел сказать и автору фронтового дневника Григорию Тимофеевичу Лобасу, когда ехал к нему в приазовскую станицу Гривенскую. Честно говоря, очень опасался, что старый солдат испугается своих фронтовых откровений и не решится вместе со мной ещё раз прочесть свои записи, но теперь уже – и между строк.

К счастью, мои опасения оказались излишними. У бывшего разведчика сохранилась цепкая память, открытый взгляд, военная прямота. Очень часто, не стесняя себя в выражениях и сравнениях, он говорил так решительно и твёрдо, словно казацкой шашкой отсекал ложь от правды. Жизнь он прожил такую, в которой ему кроме доброго имени нечего терять. До войны рыбачил с отцом на Азове, после войны и до 19 апреля 1981 года, когда исполнилось шестьдесят, шоферил в местном рыбколхозе. В 1947 году у Павла Тимофеевича и Марии Ивановны здесь же, в Гривенской, родилась дочь Нина. Спустя шестнадцать лет в их семье появилась двухмесячная Наташа, которую они подобрали ночью на одной из станичных улиц и назвали своей дочерью – в то голодное время нередко находили подкидышей.

Сейчас вся семья (ещё два зятя и трое внуков) по выходным и праздникам собирается за одним столом. Встречает их Григорий Тимофеевич всегда у калитки своего дома. Годы ещё не надломили стать высокого, могучего в плечах и физически сильного кубанца. Он часто улыбается, и кончики поседевших, закрученных кверху усов поднимаются до самых глаз. Искрящийся, с чертовщинкой взгляд выдаёт большого жизнелюба. Он и сейчас посмотрит вслед красивой женщине. Похожие на сапёрные лопаты руки в основном крутили баранку, вытаскивали из вентерей крупную рыбу и били по морде гадов. Этого последнего занятия Григорий Тимофеевич не стесняется. Пока сила есть, и сегодня в любой момент готов вступить за обиженного. Зло в душе никогда

не носил. Размахнулся раз, другой – и вылилось всё зло.

Для счастливой жизни, как сам считает, у него всё есть – дети, внуки и рыбалка. Однако с каждым днём, словно мартовский снег, тает здоровье. Напомнили о себе фронтовые раны. А ранен был трижды. Кстати, с ранениями совпадает и количество наград: два ордена Отечественной войны I и II степени и медаль «За отвагу».

Привёз я с собой в Гривенскую не только полуистлевшие тетради, но и с большим трудом восстановленный машинописный текст. Из-за утраченных, как правило, уголков страниц и выцветших чернил (автор иногда изменял химическому карандашу) не всё удалось разобрать дословно, многие места в записях просто непонятны, а многие кажутся прерванными и незавершёнными. Поэтому решили так. При включённом диктофоне читаем восстановленный текст, и попутно Григорий Тимофеевич комментирует свои краткие записи и отвечает на мои вопросы о том, что осталось между строк. Именно в таком порядке я и воспроизвожу весь материал, ничего не меняя по содержанию в комментариях и не единого слова – в тексте дневника, который цитируется в честных кавычках.

Часто хронология событий будет нарушаться. Дело в том, что сохранились записи только с 11 сентября 1943 года, а дневник был начат зимой 1942-го. Поэтому пришлось расспрашивать о том, что произошло до сентября 1943 года, об отношении автора к отдельным событиям военной поры в связи с упоминающимися в дневнике эпизодами.

Иногда аналогии и воспоминания значительно отдаляются от основного повествования, но их кажущаяся фрагментальность, в конечном итоге, служит воссозданию целостной картины жизни, быта, настроений рядовых солдат войны через восприятие одного из них.

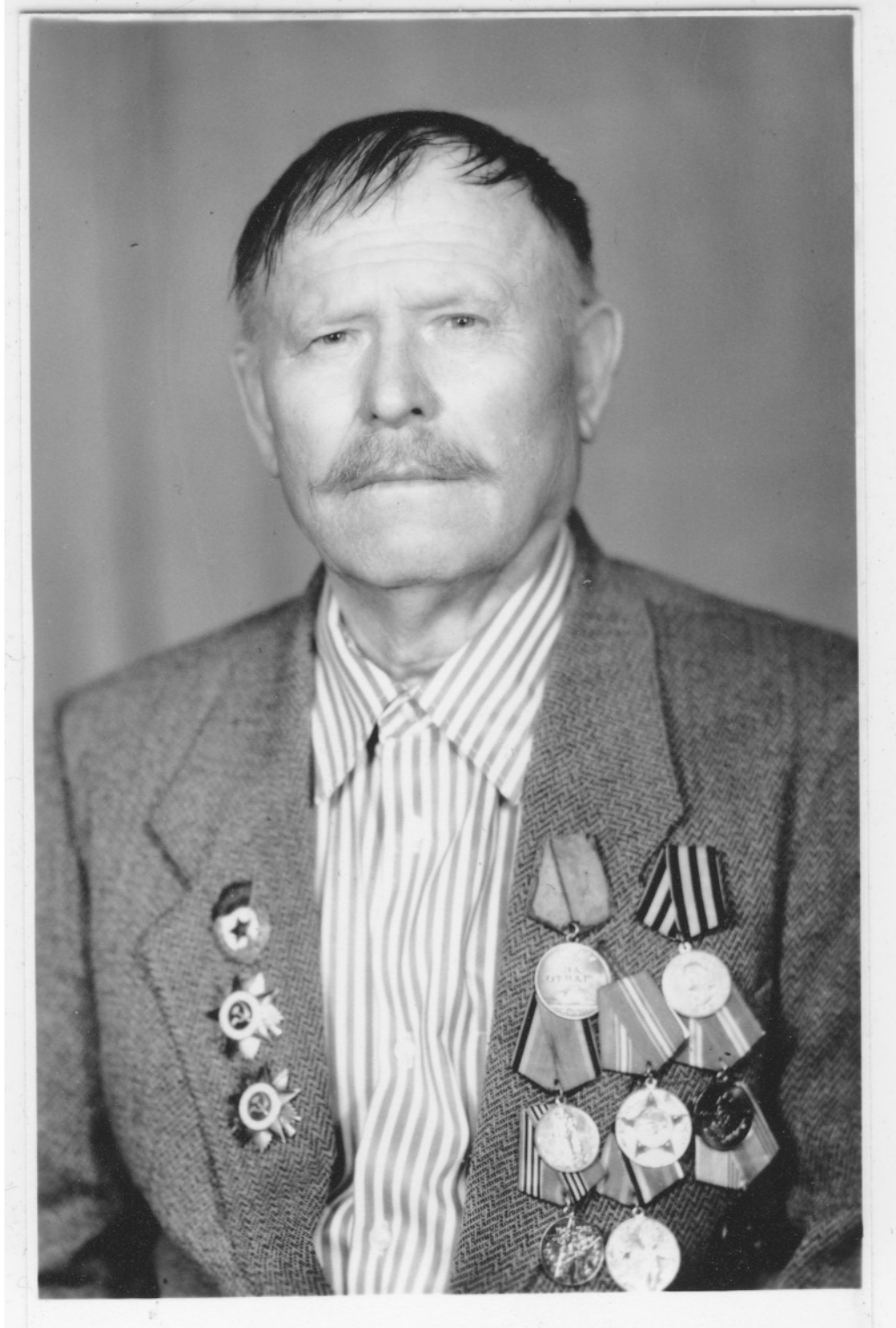
Ещё больше уйти от эпизодичности, лучше увидеть всю панораму той великой войны помогут воспроизводимые сводки Советского информационного бюро, привязанные к конкретным датам и фактам из дневника фронтового разведчика (цитируются по изданию «Сообщения советского информбюро». Издание Совинформбюро. Москва, 1945, в 8-ми томах).

Итак, начнём с первых неизбежных вопросов.

– Как появилась идея вести дневник? Ведь, насколько известно, во время войны это было категорически запрещено. Где хранил тетради? Попадали они в руки командиров? Как к этому относились товарищи и как удавалось делать записи почти каждый день?

Рассказывает Григорий Тимофеевич Лобас

— Зимой 42-го под Сталинградом взяли контрольного пленного. У ефрейтора никаких важных документов оказаться не могло, поэтому никто не обратил внимания на толстый блокнот, который я тут же конфисковал и показал переводчику. Это был дневник. И что меня поразило: бои почти не прекращались ни днём, ни ночью, а записи ефрейтор делал каждый день. Может быть, он меня и подтолкнул к этой идее...

Лобас Григорий Тимофеевич, станица Гривенская, Краснодарский край, 1990 г. (Из семейного альбома Г.Т. Лобаса)

Хотя толком объяснить, почему я стал вести дневники, не смог бы тогда и

не могу сейчас. Просто была тетрадь, была полевая сумка, где тетрадь можно хранить, и был химический карандаш. Как в блиндаже согреюсь, так под видом письма домой начинал писать. Чтобы тетради не попали в плохие руки или к командирам, я всегда носил их при себе – даже когда ходил в разведку, за «языком». Но разведчики в это время сами, случилось, становились «языками», и тетради, таким образом, могли оказаться у немцев. Поэтому я многие подробности в дневник не заносил. Писал намёками или условными сокращениями.

В моём отделении все следили за тем, как я делал записи, и к вечеру обязательно кто-то напоминал: ты не забыл записать? Во время сильных боёв или длительных марш-бросков вести записи каждый день, конечно, не удавалось. При первой возможности мы с ребятами восстанавливали события всех предшествующих дней. Иногда записи делали самые близкие друзья из моего отделения разведки – Шитиков, Лозуков, Шуралёв, Коба.

Лозуков и Шуралёв до Берлина не дошли, погибли. Шитиков погиб уже в Берлине. Следы Кобы после войны затерялись. Все вместе берегли тетради от командиров, а особенно от нашего особиста. Однажды командир взвода, которого все называли Ванька-взводный (фамилию его не помню, звали Иваном), углядел-таки. Подходит ко мне, когда рядом никого не было, и предупреждает: «А ты Лобас, не боишься со своей тетрадкой попасть куда-нибудь далеко?..». Нелюдимый был этот Ванька-взводный, всё как-то сам по себе, молчит. Понадеялся я, что никому не скажет, и пообещал выбросить тетрадь. Не знаю, от него или от кого-то другого узнал-таки о моих тетрадках особист – начальник особого отдела нашего полка. Можно только предполагать, что было бы со мной, а дневники, конечно, пропали бы навсегда. Но помогли обстоятельства.

Как раз в это время, летом 43-го, мы находились на отдыхе в одном украинском селе. Постирались и развесили мокрую одежду на плетень. А тут бомбёжка. Хата горит, плетень тоже загорелся, и вся одежда наша, конечно, сгорела. Осталась у меня одна полевая сумка, с которой я даже голый не расставался.

Пока старшина после бомбёжки искал нам одежду, решил написать домой письмо. Ну и написал в письме: «Лежу голый...». На следующий день вызывает меня особист капитан Трусов: «Ты почему пишешь в тыл, что в армии ты служишь голый?». Я ему все объяснил. Тогда он говорит: «Мне стало известно, что ты ведёшь какие-то записи. Где они?». Если, думаю, буду отпираться, всё равно дознается и арестует меня. Решил сознаться, а потом «чистосердечно» сообщил, что тетрадь сгорела вместе с одеждой под тем плетнём. Особист поверил и больше не приставал.

Не думал я тогда, что Трусов вспомнит о моём дневнике через два года, уже после войны. В июне 45-го долечивался я в харьковском госпитале. Точнее, это был совсем не госпиталь, а какой-то техникум. Раненых и искалеченных тогда столько было, что нас размещали во всех школах, техникумах, институтах... Однажды, во дворе встречаю капитана Трусова, на костылях, без ноги. Обрадовался он мне как родному: «Гриша, мне с тобой поговорить надо. Нет ли тут укромного местечка? Выпивку беру на себя».

Была у меня тогда кралюшка Маруся. Пошли к ней на квартиру. Выпили. И когда остались наедине, он мне предлагает: «Посвидетельствуй в том, что во время боёв ты видел, как я поднимал солдат в атаку... И вот, когда в очередной раз я поднимал роту или, нет, лучше батальон – как меня ранило в ногу». Я

ему: «Какая атака? Когда поднимал? Я ничего не видел. Тем более, что меня ранило раньше, чем вас...». «Да кто будет разбираться, раньше или позже. Главное, что ты видел и можешь подтвердить».

Тогда я подумал, что Трусов говорит всё это несерьезно, по пьянке. Он правда сильно пьяный был. Но через два дня снова нашёл меня в техникуме: «Ну как, подтвердишь?..». Как я мог подтверждать, если встречался с Трусовым только в штабе полка, а на передке его ни разу не видел. Вот тогда Трусов и вспомнил про мои дневники. И так мне стало подло на душе. Если бы ни рана на спине, брызнул бы я ему, чтобы костыли в разные стороны... У меня это не задерживалось. В общем, послал его, на том и расстались. Но, очевидно, Трусов никуда не докладывал о моих дневниках, потому что ни в госпитале, ни потом никто меня по этому поводу не вызывал.

Когда меня ранило в последний раз, под Берлином, тетради остались у Амоса Шитикова. После того, как погиб Шитиков, они оказались у Роговского Мишки – водителем у нас служил. Он-то мне и написал в госпиталь, что они у него. Я как вылез из больницы, сразу поехал к Роговскому в Донбасс, забрал тетради и переправил их брату Павлу, который в то время служил на флоте в Севастополе.

О нашем разговоре с капитаном Трусовым в харьковском госпитале я не забыл...

Учёба в тылу

И вот первая страница дневника.

«11 Сентября 1943 г. Курская обл. с. Борысовка Сегодня я покидаю 549-й ОСБ в котором прослужил с 1941 г. 25 мая Жаль розтаваться с друзьями с которыми прошол с Польши до Волгы А особенно жаль земляка Скицкого Мишку. Все нас провожали со слезами на глазах хотя никто и неплакал С Мишкой я простился в санчасти так как он не смог выйти меня проводить он больной бледный как свеча. Я пян ели на ногах держусь барахло гоню На сегодня все машына ождае».

(Текст дневника воспроизводится с сохранением авторской орфографии и пунктуации. Встречающиеся в тексте многоточия – там, где более трёх точек, – это не редакторские сокращения, эти точки также воспроизведены по оригиналу. Только троеточие будет означать невосстановленный текст дневника.-В.М.)

– Чтобы объяснить, почему перед войной я попал в этот необычный 549-й отдельный сапёрный батальон, рассказ надо начинать с дедовских времен.

Отец мой Тимофей Павлович Лобас из кубанских казаков. А мать Гликерия Алексеевна из иногородних. Её отец Алексей Алексеевич Беспалько был красным партизаном. Когда в 1920 году в станицу пришли десантировавшиеся в Приморско-Ахтарской станице улагаевцы, кто-то из местных казаков, которые не любили иногородних, выдал деда. Его повесили. Сейчас во дворе нашей гривенской школы стоит памятник, на котором высечены фамилии 13-ти партизан, казнённых в 1920 году улагаевцами. Первая фамилия на памятнике "А. А. Беспалько". Мой отец часто жалел, что не успел спрятать тестя в плавнях.

А позже в нашу семью пришла ни одна смерть. Из девяти детей нас выжило четверо – только те, кто родился до 1928 года. Остальные померли в "изобильные" сталинские годы от голода. И когда в 37-м отца арестовали, никто не вспомнил, что он из семьи красного партизана, что у самого бригадира гривенского рыбколхоза умерло пятеро детей. Какой же он враг народа?

В ту ночь арестовали и его родного брата Павло Павловича Лобаса, тоже бригадира рыболовецкой бригады. А наутро – ещё троих их братьев. Вырубали род под корень. Всего за два дня из Гривенской забрали человек 200 – станица и тогда уже была большой. За что забрали и куда их увезли, никто не знал. Только перед самой войной в станицу приезжал представитель прокуратуры и сообщил матери: «Ваш муж осуждён без права переписки». Мать спрашивает: «На сколько лет?». Ответ был такой: «На много, так на много, что можешь снова выходить замуж».

И только в годы первой реабилитации, после смерти Сталина, мы получили официальное извещение о том, что «Тимофей Павлович Лобас умер в 1944 году в тюрьме от кровоизлияния в мозг». Какая же это реабилитация?..

После ареста отца мне было очень трудно. И не потому, что пришлось бросить школу и идти на Азов рыбачить. Я стал сыном «врага народа». Местные активисты мне издали кричали: «Враг народа! Враг!..Враг!..». Многие не здоровались, не разговаривали. Затравили меня как волка. Вот тогда я и научился

без спросу бить по морде.

В армию со своими сверстниками не пошёл. Как сына «врага народа» меня не брали до особого распоряжения. И взяли только в марте 41-го. Но таких, как я, в боевые части не направляли. В Новороссийске из нас сформировали этот особый 549-й сапёрный батальон. Процентом на тридцать батальон состоял из чеченцев. Было в нём много немцев, эстонцев, греков... В общем, все – «опальные стрельцы».

– Почему «прошёл с Польши до Волги»?

– Западные области Украины, присоединённые в 40-м году, тогда называли Польшей. Местные жители так и говорили: «Наша Польша». 8 июня наш батальон выгрузился на станции Ожени, это километрах в 120 западнее Шепетовки. Жители встречали нас хорошо. Была как раз троица. К нам подходили разнаряженные в национальные одежды украинцы, поздравляли с праздником, угощали.

Но вскоре всё резко изменилось. В то время ходили слухи, что ожидаются крупные маневры. Это чепуха, что мы не готовились к нападению немцев. В июне нагнали в Западную Украину тучи войск. В каждом селе стояла часть. Особенно много было кавалерии. В то же время призвали на службу мужчин из местных областей, что вызвало бурное недовольство местных жителей.

Когда потом мы в беспорядке отступали и встречали группы этих мобилизованных западноукраинцев, они нам говорили, что своих комиссаров они уже «забили». Если же встречали русских, как они называли нас «москаль, курва засрата», они их тут же убивали. А нас, кубанцев, спасал украинский диалект – «польща» принимала нас за жителей восточной Украины. С тех пор мы, кубанцы, старались держаться вместе. В этом же сапёрном батальоне провоевали два года, поэтому и расставались со слезами. Земляк на фронте был роднее родного брата.

– Почему пришлось расставаться? Куда вас провозжали?

– Тогда приехали в наш батальон «покупатели», агитировали в разведку. Но не всех. Вызывали по одному, кого укажет командир роты. Я сразу согласился. Тогда в 234-й фронтовой запасной полк кубанцев попало немало. Однако впоследствии я остался только с одним земляком – Гришкой Ляхом из станицы Ивановской.

– Гришка Лях и Мишка Скицкий тоже были сыновьями «врагов народа»?

– Лях нет, а Скицкий да. С Мишкой мы выросли в одной станице. Он так и прошёл всю войну в этом батальоне, который уже после первых потерь и пополнений перестал быть «особым». На фронте Скицкий стал коммунистом – ему удалось скрыть, что он сын «врага». О вступлении в партию мы с ним говорили не раз. Но я отказывался: «Знаешь, Мишка, скрывать что-нибудь – подлое дело. Как бы нам потом не было то же самое, что нашим батькам...».

Закончил войну Скицкий на Японском фронте, имел много наград, даже такой редкий в военное время орден, как «Знак Почёта». Вернулся в Гривен-

скую, был рыбинспектором, потом капитаном сейнера. А когда партийным властям стало известно о его «вражьем» прошлом, Мишку вызвали в райком. Приехал он туда выпивши и бросил партбилет на стол: «Раз мои боевые заслуги для вас ничего не значат, то и эта книжка для меня теперь тоже ничего не значит...». Спасло Мишку то, что времена уже были хрущевские, да старый его друг директор рыбзавода помог. Отделался только исключением из партии. Но до пенсии доработал капитан-бригадиром. Умер в 1986 году.

«12 сентября Прыбыли в новую часть 234-й Ф. 3.СП (фронтовой запасной полк. – Г. Л.) в село Красная Яруга и ночью здесь в одной вдовушки у которой вшей набрался столько что я за всю солдатскую жизнь не видел больше примерно 1000000 было.

13 сентября Идем в село Святославку – 5 кл. от Красной Яруги шли целый день Через каждые 200 метров прывал и сплошная пянка Прышли к вечеру и меня направили в мин-бат (миномётный батальон.-Г.Л.) з другом Ляхом с ним же в эту ночь попали на губу».

– Почему так много пили?

– О, солдат не упускал ни одну возможность выпить. Какие ещё радости ему на этом свете оставались? Тем более, когда ушёл с передка. Всё, что было на передке – грязь, холод, кровь, смерть – всё заливали водкой. Больше нечем душу согреть. А ведь от передка далеко не уйдёшь. Может статья, что завтра уже не выпьешь – и твою долю разделят на других.

– Почему попали на «губу»? Что из себя представляла фронтовая гауптвахта?

– В 234-м запасном полку нас с Ляхом направили в учебный миномётный батальон. Мы, конечно, не думали начинать учёбу здесь с гауптвахты. Но такая вышла история. Вечером этого дня надо было своё солдатское барахло сдавать в «вошобойку» – так мы называли дезинфекционные камеры. У Ляха новая шинель, которую из «вошобойки» уже не получишь, поэтому он отказался её сдавать. А дезинфектор стал силой отнимать. Началась потасовка. У меня для хорошей драки все данные были: сила, рост, а главное опыт – в станице с 37-го хорошую школу проходил. Тут я Ляха быстро отбил. Нас двоих посадили в курятник – это и была фронтовая гауптвахта. А на передке гауптвахт не было.

«14 сентября Жарю вшей которых набрался в Красной Яруге Жаричка проходит с успехом и я возвращаюсь без автоматчиков».

– Ночь провели в курятнике на холоде и помете. Конечно, без сна. Теперь пришлось уничтожать вшей без «вошобойки», на костре, чем всегда занимались на передке. Выворачиваешь одежду наизнанку и держишь над прогоревшим костром. Не над пламенем, чтобы не сжечь, а над жаркими углями. Главное, надо хорошо прожарить швы. И если слышишь потрескивание, значит они, подлые, жарятся.

Конечно, это дезинфекция примитивная, но в основном ей спасались. Летом клали одежду на муравейники. За несколько минут муравьи растаскивали всех вшей. На передке, если позволяли условия, этим занимались чуть ли не каждый день. Какая баня под пулями, да под снарядами? Поэтому бельё не снимаешь с себя, пока оно на тебе не порвётся. Правда, старшина иногда привозил смену. Но менять никто не хотел, потому что перед отправкой на передовую всегда выдавали новое бельё, а на смену привозили застиранное рваньё.

На вшивость проверяли регулярно. Рубаху на спине заворачиваешь, подходит санитарка и смотрит в основном швы под мышками. В затишье на передке, бывало, организованно варили вшей. Ставили на огонь бочку из-под бензина, кипятили в ней воду, а перед тем, как бросить в бочку белье, каждый связывал своё тугим узлом – чтобы не потерялось. У кого бельё было подлое, тот бросал сразу. А потом, когда бочку с этим грязным, вонючим варевом опрокидывают на траву, все набрасываются как озверевшие собаки, и каждый спешит палкой вытащить своё, чтобы кто-то не умыкнул. Случалось, эти палки и по головам ходили. Зато потом смеху было. Бельё-то сварено грязным и после этого не постирано. Надевали его как маскхалаты – оно становилось пятнистым.

«15 сентября Хоз день строим нары а под вечер часть ребят отправляют на фронт».

– А каким был фронт в июне 1941-го? Первый бой? Первая кровь? Первая смерть?

– Первая смерть, которую я увидел, глупая. 22 июня или, может, днём позже был отдан приказ: из расположения части не отлучаться. А нашему полковому военврачу зачем-то понадобилось в соседнее село. На улице встретил его патруль. Он через плетень и убежать. Солдат выстрелил. Пуля попала в позвоночник, и сразу наповал. Не понимал я иных наших. В своего же, да в безоружного пульнёт, не задумываясь, как в мишень. А в немца долго целиться будет...

Война началась для меня первым боем 27 июня. Ночью с 21 на 22 июня слышали в отдалении стрельбу, видны были зарева. Никакого значения этому не придали. Все думали, что начались маневры, о которых так много говорили накануне. В пять или в шесть часов утра 22 июня нашу роту построили, и командир роты Кравченко объявил: началась война. Хотя от командования не поступало никакой информации. Наш ротный Кравченко к такому заключению пришёл сам и сделал объявление о начале войны без чьего-либо позволения.

Мы доверяли своему ротному. Он финскую прошёл. Запомнились его слова: «Знаете, почему победили в этой войне? Да мы своих бойцов положили больше, чем в Финляндии жителей. Все огневые точки солдатскими телами закрыли».

Какая была первая реакция? Я бы сказал, спокойная. Между собой говорили: «Ну что, хлопцы, воюем? – Воюем...».

В этот день нам выдали по пятнадцать патронов к нашим трёхлинейкам,

ещё и предупредили, чтобы все стреляные гильзы сдавали старшине. А когда стали отступать, уже многих потеряли убитыми и пленными, все смешалось, мы сутками оставались голодными. Однажды солдат наш, помню, Сашкой его звали, такой шустрый, пронырливый, решил зайти в село, выпросить хоть какой еды. А в селе его патруль поймал: «Откуда ты?». Сашка отвечает: «Немцы нас разбили, есть нечего...». В комендатуре, куда его отвёл патруль, на Сашку набросились: «Откуда немцы?! Ты что, спятил?! Паникёр, трус!».

Первое официальное объявление о войне мы услышали, когда всюю уже бежали на Восток. На одной танкетке была включена рация, танкисты выставили шлемофон с наушниками. По радио выступал Сталин. Если бы не Кравченко, первый бой пришлось бы принять, не зная о том, что началась война.

Не называя войну войной, а лишь «боевыми действиями», политруки в первые дни стремились поднять наш боевой дух. Часто собирали нас на беседы и выкрикивали, что на одном направлении наши войска продвинулись на 150 километров, на другом – ещё больше. Но мы им не верили. Через нас шли в тыл раненые. Они говорили правду.

А первый бой случился около станции Ожени, рядом с аэродромом, строительство которого наш 549-й отдельный сапёрный батальон уже заканчивал. На него и приземлились с десантом большие немецкие самолёты. И кстати, весьма необычным способом. У каждого под крыльями были прицеплены маленькие танкетки на колесном ходу, которых я потом никогда не видел. Вооружена такая танкетка одним станковым пулемётом, а броневым щитком прикрыт только механик-водитель. Самолёты садились на эти танкетки как на свои шасси, потом отцепляли их.

Мы в лес побежали. А танкетки и пешие немцы – за нами. Как резанули из пулемётов и автоматов. Мы сразу попадали. Немцы что-то орут, стреляют, а среди наших тишина. Никто не крикнет, не ойкнет, как вроде бы никого ещё не задело. Тут командир роты Кравченко кричит: «Хлопцы, не бойтесь, он разрывными стреляет». А разрывная пуля в лесу солдата редко доставала. Она как за первую веточку зацепится, так сразу разрывается. Поэтому нас только корой обсыпало.

В общем прижали немцы нас огнём в этом лесу. И пошли на нас в полный рост. Мы лежим. Кто в ямке, кто за кустом. А стрелять боялись, да и винтовки не у всех были. Думали, если стрелять в них будем, они потом дознаются, кто стрелял, и тогда уж точно не пожалеют, убьют. Отбиться – и мысли не было. Мы видели, что пришла сила, против которой с трёхлинейкой да саперной лопатой не погрёшь.

Заходят в лес, как к себе домой. Кричат: «Рус швайн!» («русские свиньи») и пинками поднимают наших солдат. Их винтовки тут же об деревья разбивают. Собрали немцы наших по лесу человек триста. Остальным, в том числе и мне, удалось убежать в глубину леса. Построили пленных в колонну – впереди танкетка, сзади танкетка – и ходом погнали к станции. Кто падал, раненый, обессиливший или просто споткнулся – подниматься уже не давали. Стреляли или давили танкеткой.

В этой колонне бежал и мой земляк, гривенский Василь Махно. Рассказывал потом: когда близко до опушки были, сосед толкнул его плечом и говорит: «Давай в лес!!!» и побежал. А Махно не решился. По тому солдату застрочили немецкие автоматы. Он упал. Махно думал, всё, убили парня. Вдруг он подни-

мается, весь окровавленный. Все видят, что у него перебито горло, оттуда фонтаном кровь хлещет, а он бежит назад, догоняет колонну. Жутко было смотреть. Казалось, мертвец за нами гонится...

Эта колонна вскоре наткнулась на нашу засаду. Отбили всех пленных.

«16 сентября Меня направляют учиться в полковую школу где протекает остальное время до 27 сентября Подем в 5–00 занятия до 9–00 вечера отбой в 9–30 Я падаю как сноп и сплю до 5–00 не переворачиваясь с бока на бок Учения в меня идут с успехом».

– В полковой школе готовили младших командиров артиллерийских разведотделений. В мирное время такая учёба рассчитана на семь месяцев, а нас готовили за два. Учились засекать цели в дневное и ночное время, определять расстояния до цели без приборов, пристреливать цели, скрытно проникать в расположение противника, брать «языка». Учителями нашими были те, кто боялся попасть на передовую. Они насаждали строгость и муштру, чтобы оправдать своё место в тылу. Многие нам просто было непонятно. Например, зачем тренировать подход и отход к командиру, если на передке мы никогда и руки к пилотке не поднимали. Там, если уж в голову не попали, то в поднятую руку попадут.

Такие школы действовали всю войну. Воевали одни, а учили другие.

«28 сентября Получаю задачу достать лошадей во чтобы то ни стало гдеб не было ато иначе мат-часть прыйдетя на горбу таскать Я эту задачу выполнил с успехом в троём я Шаповалов и Чорный достали пару лошадей».

– *Что означал странный приказ «достать лошадей»?*

– Только одно – украсть. Без лошадей миномётчикам худо, ибо всю мат-часть – тяжеленные стволы и станины, боеприпасы – всё пришлось бы тащить на себе. И вот что мы сделали. Нашли конюшню. На дверях амбарный замок, а ворота, в которые выводят лошадей, заперты изнутри на засов. Ребята приподняли крышу, я пролез, открыл засов и вывел двух лошадей. Чьи они, мы тогда не разбирались.

Таких приказаний «достать» было много.

«29 сентября Поход идем по 30 км. в день это очень тяжело ночуем в открытом поле Я без шенели в одной гимнастерке и приходится целую ночь не спать а днем идем без конца на Запад Я это вже второй раз иду в Польшу. Поход продолжается до 8 октября идем через город Лебедин Ромны и останавливаемся в городе Прылуки где продолжаем учения».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 сентября 1943 года:

«На Киевском направлении наши войска продолжали развивать успешное наступление и, продвинувшись вперёд от 15 до 20 километров, овладели городами Прилуки, Пирятин, Лубны, Хорол...» (т. 5, с. 137)

(Здесь и далее сводки Совинформбюро цитируются по изданию «Совинформ-

бюро, Москва, 1944–1945 гг.», в 8 томах).

– Почти всегда приходилось ночевать в поле, потому что деревни все были выжжены. Всё, что не сторело во время боёв, пожгли немцы. А почему без шинели? В школу мы пришли в своих сапёрных бушлатах. Хорошие были бушлаты. В первый день нас построили и раздаётся команда: «Снять бушлаты и положить на землю». Сняли, положили. Следующая команда: «Три шага вперёд. Напра-во. Шагом марш!»... Так одевали тех, кто был на передовой. А в тылу оставались в одних гимнастёрках. Поэтому в Прилуки мы шли раздетыми.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 29 сентября 1943 года:

«На Киевском направлении наши войска, сломив упорное сопротивление противника, ...вышли непосредственно к реке Днепр перед городом Киев. Остатки разбитых немецких войск отброшены на правый берег... За несколько дней ожесточённых боёв по ликвидации предместных укреплений противника в районе Дарницы наши воска уничтожили более 6000 вражеских солдат и офицеров, 69 танков и 78 орудий.

На Гомельском направлении наши войска, продолжая развивать наступление, продвинулись на отдельных участках вперёд от 6 до 10 километров... заняли свыше 170 населённых пунктов.

На Могилёвском направлении наши войска продолжали наступление и, продвинувшись вперёд от 5 до 10 километров, заняли свыше 370 населённых пунктов.

На Витебском направлении наши войска... заняли более 120 населённых пунктов». (т. 5, с. 158)

«10 октября Черниговская обл. г. Прилуки Попадаю в комендатуру в наряд патрулем и знакомлюсь с Верой артисткой прилуцкого Театра Конечно она себя назвала артисткой но она в том только артистка что может врать а работает контролером Но это меня не интересует А больше интересует ее водка которую она доставляет регулярно а курсанту нечего больше и ненадо ну и женский футляр. Но увы не совсем мне повезло в этот день С пьяных глаз я проявил себя патриотом за что попал на 10 суток губы. Я с автомата рostrелял все немецкие картины которые были в Веры на квартире за что патрулю плюстителю порядка комендант и всучил 10 дней».

– В этом патруле мы были с Сидоренко и в той квартире застали пьяного лётчика. Он на нас: «Пузолазы, пошли вон!». Я ему сразу по сопатке. Лётчик за пистолет. Пистолет я у него отнял вместе с кобурой (потом сдал начальнику караула на гарнизонной гауптвахте), а самого выбросил за дверь. Потом уже дело и до картин дошло.

Сидение на губе в общем-то никак не отражалось на службе солдата, потому что это нигде не фиксировалось. Наверное, на войне не было солдата, который бы не сидел на губе.

«До 20 октября сижу на губе Кормят хорошо ребята свои носят все что им подруку попадет Мне даже нехочется выходит с губы так как мне эти строевые занятия надоели 15 октября мне принесли передачу хлеб сало

табак и пол литры и письмо от Веры Она пишет что она очень беспокоится зато что я на губе мол я же виновата в этом и прошу простить Я правда и не накладывал на нее никаких взысканий но за водку прощаю все в конце письма пишет целую крепко после этого мне зделалось очень кисло во рту и я порвал письмо водку выпил за кубанских девушек».

Из оперативных сводок Совинформбюро за 19–20 октября 1943 года:

«Севернее Киева и южнее Речицы наши войска вели бои за расширение плацдармов на правом берегу Днепра. В городе Мелитополь продолжались уличные бои. «Немецкая пехота, усиленная танками и самоходными орудиями, стремилась вернуть потерянные накануне позиции. Наши войска отбили двадцать контратак противника».

«За время оккупации Харькова... массовые убийства производили команды палачей под названием «СК-4А» и «ЭК-5». 2 января 1942 года фашистские людоеды согнали многотысячную толпу жителей: стариков, женщин и детей – к Харьковскому тракторному заводу, где заранее был вырыт и заминирован огромный ров. Гестаповцы и полицейские из команды «СК-4А» в этот день убили 14 тысяч ни в чём не повинных жителей. В феврале того же года немецкие звери применили машину «душегубку»... С февраля и до 12 июня 1942 года гитлеровцы ежедневно отравляли газами в этой машине мирных жителей Харькова. В конце февраля во время одного «рейса» машина на дороге испортилась и остановилась на Московской улице. «Душегубку» на буксире доставили в гараж для ремонта. Когда открыли дверь машины, рабочие гаража увидели, что она набита трупами. Распухшие лица мертвецов были искажены до неузнаваемости. Видно было, что люди умерли в страшных мучениях». (т. 5, с. 191–192)

«3 20 по 5 ноября Занимаюсь без всяких приключений на отлично получил благодарность от командира полка. Почти каждую ночь хожу к Вере она все прыбрала замазала те стены которые подверглись обстрелу во время моего знакомства с ней и забыла. И все хочет узнать мой домашний адрес я ей дал адрес только какой то Севастопольский где я сам никогда не видел Водяга всегда в нее есть за что я ее и люблю»

Из оперативных сводок Совинформбюро за 21 октября – 5 ноября 1943 года:

В период с 21 октября по 5 ноября наши войска овладели городами Мелитополь, Днепропетровск, Днепродзержинск, Геническ, Каховка, Скадовск.

«Немцы придавали исключительно важное значение удержанию города Мелитополя и рубежа обороны по реке Молочная, как последней позиции, запиравшей подступы к Крыму и нижнему течению реки Днепра. Об этом свидетельствует тот факт, что офицеры на этом участке фронта получали тройной оклад жалованья, а все солдаты награждались железными крестами». (т. 5, с. 197)

«Пленный командир 2 батальона 580 полка 306 немецкой пехотной дивизии Георг Гофман рассказал: «Прорыв немецкой обороны на Днепре произвёл переполох в офицерских кругах. Многие офицеры считают, что это поражение немецкой армии по своему значению и по своим последствиям можно сравнить только со сталинградской катастрофой».

1 ноября «на Перекопском перешейке наши войска стремительным ударом опрокинули противостоящие части противника, преодолели Турецкий вал и прорвались к Армянску. Таким образом, пути отхода по суше для войск противника, расположенных в Крыму, отрезаны нашими войсками».

«Жители станицы Пилинково, Краснодарского края...рассказали о зверствах немецко-фашистских захватчиков: «...Фашистские изверги убивали мирных граждан, насиловали женщин и девушек... Немцы устроили в станице публичный дом, куда под угрозой расстрела загоняли русских девушек и женщин. При отступлении... немецкие факельщики пытались спалить всю станицу, но не успели. Подоспевшие советские войска навсегда освободили нас от немецкой неволи». (т. 5, с. 210–213)

«6 ноября Опять в комендатуре патрулем на Ленинской улице приказано всех пьяных солдат водит в комендатуру работа мелиционерская которую я не люблю до гроба но все же исполняю до конца своей смены а потом ушел к Вере в которой провожу остальную ночь и весь день».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 ноября 1943 года:

«Сегодня наши войска штурмом овладели столицей Украинской Советской Социалистической Республики – городом Киев». (т. 5, с. 226)

«7 ноября с выпивкой и песнями Здесь я было подсыпался к ее подруге которая как будто лутше но нечего не вышло Эта Вера начала ревновать скандал получился и эта подруга смылась мне правда сейчас безразлично но я делаю из за того что моя мужчынская обязанность такая Я же не монах. Но после ее ревности я ушел пока не остынит и залег спать

22 ноября Прощай город Прылукы и Вера, сегодня нам прочитали приказ в поход и мы спешно собираемся в 8–00 выходим Прощаюсь с Верой Она плачет незнаю почему она замужем муж в армии и пишет ей писма правда она жыла с мужем всего 3 м. и выдать не поняла еще жызьни А меня она незнаю за кого посчитала ведь я не мог же на ней жениться потому что я курсант и влюбую минуту вира якори и был такой субъект Грыша и ушел в не известном курсе.

26 ноября идем по выжженным деревням и ночевать негде немец все прывратил в пепел а жытелей угнал в рабство идем через Гоголевку Бравары в Дарнице ночуем Завтра пойдем в Киев через Днепр Я в 41 г. переправился через Днепр совершая драп марш а сейчас гоню фрицев со своей Отчизны Смерть гадам за кров и разрушения».

– Было это примерно в сорока километрах от Киева. Картины, действительно, жутковатые. Деревни абсолютно пустые. Да и можно ли это назвать деревнями? Одни печные трубы торчат. Хотя бы какой-нибудь курятник был, и курятника не осталось. Как к деревне подходишь, ужасный запах гари. Иногда видели старух с детьми. Печь топят, и пока она топится, спят на ней. Питаются тем, что сохранилось в огородах. Стариков и женщин не видели. Всех, кто мог стрелять, немцы уничтожали. Считали, что они уйдут к партизанам. Иногда нигде никого не видно, одни дети на печи лежат под открытым небом. Смотреть на это страшно было.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 30 ноября 1943 года:

«Кровавое злодеяние совершили немецко-фашистские мерзавцы над советскими детьми в станице Гостогаевской, Краснодарского края. Незадолго перед отступлением немецкий комендант станицы Гофман, его помощник оберфельдфебель Фитлер, унтер-офицеры Штурм, Лаубе, Шульц и полицейский Багмет с группой солдат врываются в дома и силой забирали детей в возрасте до 13 лет. К утру 20 сентября фашистские изверги собрали в комендатуру 40 детей. У комендатуры происходили душераздирающие сцены. Дети плакали, кричали. Матери рвали на себе волосы. Слезы детей не смягчили фашистских палачей. Полицейский Багмет увёз детей в станицу Старотитаровскую и сдал их начальнику немецкого военного госпиталя. Вскоре партизаны поймали и передали в руки советских властей полицейского Багмета. Этот бандит на следствии показал: «20 сентября я привёз детей в станицу Старотитаровскую. Начальник немецкого военного госпиталя приказал ввести ребят в специальную комнату. Там из них выкачали кровь. Когда детей вынесли из комнаты, они были мертвенно бледны и не шевелились. Вскоре их трупы были вывезены за околицу станицы».

Кровь невинных детей зовёт к беспощадной мести...». (т. 5, с. 266–267)

– А мстили наши солдаты тем же, когда оказались на немецкой земле?

– У большинства из нас такого желания не было. Не знаю, если бы сразу из-под Киева попали в Германию... Хотя встречались отдельные, такие, у кого немцы пожгли дома, уничтожили семьи. Бывало, боевых действий нет, но, вдруг, загорается дом. Оказывается, кто-то из наших солдат поджёг. Спрашиваем, зачем ты это сделал? «Мою хату спалили, – говорит, – спалю и я его...». Но такое случалось редко.

На своей территории немцы, в том числе и мужчины, чувствовали себя среди нас спокойно. Не прятались, ходили по расположению наших частей открыто. Если немец не одет в военную форму, то на него мы уже не обращали никакого внимания.

А один подлый случай запомнился хорошо. Зимой 45-го мы разбили большую группировку и долго гонялись по лесу за её остатками. Однажды днём издалека видим, как группа немцев, человек семьдесят, вышла из леса и направляется к одиноко стоящему на опушке сараю. Кто-то из наших разведчиков говорит: «Они, наверное, сдаваться идут. Надо бы как-то у них спросить...». А рядом в это время остановились на привал артиллеристы с 76-миллиметровкой. Их командир сержант отвечает: «А вот сейчас мы спросим...». И как резанул по сараю. Один раз, другой. Только кирпичи летят в воздух. Раздолбали сарай и уехали. Мы сразу побежали туда. Человек десять насмерть положил сержант. Было много раненых, искалеченных. На остальных жалко смотреть: грязные, истощённые и почти все перебинтованные. Оказалось, они, действительно, шли сдаваться.

– Что такое "драп-марш" 1941 года?

– Мы уже не отступали, а бежали. Как вечер, так команда: окопаться и ни

шагу назад! В течение дня выясняется, что немцы обошли нас и справа, и слева, что мы у них уже в тылу. Поэтому вечером опять та же команда: поднимайся!.. И так все дни.

Командир 4-й роты, фамилию его не помню, всегда первый поднимал свою роту: «А ну, ребята, кто здоров ногами... Нам они ещё пригодятся». За этой ротой поднимались и другие. Бежали в сторону Козятина. За ночь пробегали по 40–50 километров. Утром входим в Козятин. На станции эшелонами все пути забиты. В основном, с эвакуированными из западных областей евреями и семьями офицеров. Появляются немецкие двухмоторные «долбачи». Прилетали всегда почему-то по 33 самолёта. На бомбёжку заходили тройками.

Страшно, что творилось. Солдат знает, что при бомбёжке надо упасть и лежать, а гражданские, кого только взрывной волной свалило, вскакивают и бегут. А их осколками сечёт. Они в основном и гибли. Куда не помотришь, везде трупы и кричащие раненые.

От сильного запаха крови многих выворачивало. К запаху крови примешивалась вонь блевотины. Дороги были забиты беженцами. Люди шли со своим скарбом, гнали коров, свиней, даже гусей. Войска шли по обочинам. Урожай немцам, конечно, не достался – поля были вытоптаны. Уходили не каждый сам по себе, а колхозами. И распоряжения такие были: всё, что можно забрать с собой, забрать, остальное уничтожить. Колхозные амбары и хлебные поля поджигались. А ведь не все могли уйти. Те, кто оставался, в том числе и партизаны, были обречены на голод.

Через Днепр переправлялись в районе Ржищева. Катер буксировал паром. Когда подошла очередь нашего батальона, заходят немецкие самолёты. Бомба попала в катер, и он затонул. Мы загрузились на паром и вёслами перегребли на левый берег. Я потом нашёл лодку, с которой, как рыбак, управляться умел, и сделал ещё два рейса на правый берег, переправил наших ребят, кто не попал на паром.

Мы тогда часто спрашивали у командиров: почему так далеко отступаем, зачем уходим за Днепр? Они не знали, что ответить. А потом политруки получили циркуляр объяснять так: надо выровнять линию фронта... Любой малограмотный солдат понимал, что это чушь. Если будем так выравнивать фронт, как от границы выравниваем, до Урала без остановки добежим.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 декабря 1943 года:

«Пленный солдат 866 гренадёрского полка 355 немецкой пехотной дивизии Гейнц Кальмус рассказал: «Маршевый батальон, в составе которого я прибыл в Россию, предназначался для пополнения 161 пехотной дивизии. Однако на фронте царила неразбериха. Наш батальон, отступая вместе с другими частями, долго разыскивал свою дивизию. Пользуясь замешательством, многие солдаты разбрелись кто куда. Из 900 человек осталось менее половины. В октябре стало известно, что 161 пехотная дивизия разбита... Остатки нашего батальона были переданы в 866 гренадёрский полк 355 пехотной дивизии. В течение октября 355 дивизия четыре раза получала пополнения, всего около 3000 человек. Однако маршевые батальоны, прибывавшие один за другим, не могли восполнить громадные потери. За два месяца пребывания на фронте от нашего батальона осталось всего только 40 человек». (т. 5, с. 272)

«27 ноября вот и столица Украины гордость Украины и Музей предков вот на горе стоит разрушенная Лавра которая стояла около двух тысяч лет Пираты немцы уничтожили все».

Из вечернего сообщения Совинформбюро 16 ноября 1942 года:

«В Киево-Печёрской Лавре немцы захватили документы из архива киевских митрополитов и книги из личной библиотеки Петра Могилы, собравшего ценнейшие памятники мировой литературы. ...Никто до сих пор не подозревал, что в составе германских вооружённых сил имеются специальные формирования, которым официально вменяется в обязанность грабить все культурные и исторические ценности временно захваченных стран Европы и районов СССР. Характерно, что эти подразделения существуют при германском министерстве иностранных дел, то-есть при германском правительстве». (т. 3, с. 310)

«Здесь я встречаю знакомых ребят 549-го саперного скоторымы столько прослужыл Только жаль что не увидел своего земляка Мишку С. Видел мед-сестру Надю скоторой много время провел в скучные отступательные бои. Сейчас мы идем по Киеву и снег з дождем не дает ходу все мокрые уставшие ноги не подынеш Переходим подолье и идем на Куриनावку где и розквартировалис Сейчас сушим портянки Хозяйка молодая но сейчас не до нее посмотрю дальше».

– Интересно, как в нашем батальоне появилась Надя. Перед самым началом войны она приехала в Ожени к своему мужу, который командовал у нас сапёрным взводом. Его убило в первом же бою, и Надя пожелала остаться в нашем батальоне медсестрой. Потом таких, как она, стало появляться много. Добровольно оставались жёны погибших командиров, к ним присоединялись другие женщины, кто потерял своих близких, не успел эвакуироваться... Набралось столько, что была сформирована отдельная женская сапёрная рота. Так же, как и мы, они работали кирками и лопатами.

«28–29–30 ноября Ходим строим нары Заделываем окна в казарме куда должны скоро перейти Немцы когда отступали все изгадили и нам приходится все налаживать С хозяйкой отношения наладил и стараюсь в свободное время прорватся на квартиру Жыву не плохо».

– Немцы умели не только жечь и взрывать, но и просто гадить, как паршивые котята. В казармах, построенных ещё в николаевские времена, они повыбивали все окна, переломали мебель, в комнатах и коридорах было насрато.

Из оперативных сводок Совинформбюро за 28, 29 и 30 ноября 1943 года:

В течение 28, 29 и 30 ноября между реками Сож и Днепр, Днепр и Березина, в районах городов Коростень, Кременчуг и юго-западнее Днепропетровска наши войска продолжали вести наступательные бои и заняли более 280 населённых пунктов, подбили и уничтожили 252 танка, сбили 154 самолёта. (т. 5, с. 262–268)

«2 декабря Переходим в казармы и прощай теплая ласка хозяйки Зои

Под боками опять скрепять нары А утром подем физзарядка и становись на занятия А вечером поверка прогулка и отбой 10–30 Один раз был у Зои но за это пришлось мыть полы целую ночь».

– О том, как проходили занятия, скажем, по тактике, можно рассказать на примере одного эпизода. Занимались мы на брюквенном поле – кстати, немцы сажали брюкву для того, чтобы кормить наших военнопленных.

Команда руководителя занятий по тактике: «А ну, хлопцы, бегом на ту гору и обратно!». А всё остальное, мол, сами постигните на фронте. И постигали. Только дорогой ценой. Своими жизнями за эту науку платили. Если пуля зашвистела, значит, её не бойся, не кланяйся ей, она уже пролетела. И снаряд так же. Когда далеко летит, звук похожий на клокотание. А как «ти-у-у-у», то сразу пластайся, он упадёт где-то тут. Это много значило. Если вовремя не упал на пузо, не убьёт, так ранит.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 2 декабря 1943 года:

Между реками Сож и Днепр наши войска заняли ещё более 80 населённых пунктов. В районе реки Припять – 8 населённых пунктов.

«В Минске немецкие военные власти создали несколько специальных команд для уничтожения могил в окрестностях города. Команды вскрывают многочисленные ямы, в которых похоронены тысячи загубленных немцами советских граждан, извлекают трупы, обливают бензином и сжигают их. Советские граждане, которых немцы под угрозой оружия заставили производить раскопки могил, были убиты, а их трупы также сожжены. Тем же заняти немецкие военные власти и в гор. Орше». (т. 5, с. 269–271)

«9 декабря Зачеты и выпуск. Мне присвоили звание Сержанта. Ребят всех забрали на передовую а меня и моего друга Ляха оставили учить молодые кадры Простились с ребятами грустный день был хотя и был полковой оркестр ребята все танцевали а я и Лях были не себе что остаемся с далдоном старшиной Кабыкой».

– Кабыка – не единственный в своём роде зверь-старшина. Это был тип тылового старшины. Причём, среди них почему-то чаще всего встречались украинцы. Если в роте старшина украинец, то там всегда устанавливалась жесткая дисциплина. Я таких встречал много. Они всегда лезут не в своё дело, считая себя первыми наставниками и учителями. Стремилась доказать свою незаменимость на этом месте.

Кабыка готов был на любую жестокость по отношению к солдату, лишь бы его на передовую не послали. Такие были патриоты... Провести ночь с половой тряпкой за какую-нибудь чепуховую провинность – это у Кабыки было самое мягкое наказание. А так запросто по морде можно было получить.

Били солдат тогда часто. Особенно на передке. Там другого наказания не могли придумать. Видел однажды, как командир танкового полка так залепил одному танкисту, что тот потерял сознание. Зачем, спрашивается, командиру танкового полка носить за голенищем сапога казацкую нагайку? Били арапником. Помню, был такой случай. Разведчики бросили на перекрестке без присмотра свою машину, а в это время туда выскакивает на танке командир

нашей 1-й танковой бригады Горелов. «Чья машина? Кто старший?». Нашли младшего лейтенанта. Он, как положено по уставу, стал докладывать комбригу, а Горелов, не слушая его, достаёт нагайку и давай хлестать младшего лейтенанта. Тут бегут разведчики: «Хлопцы, нашего командира бьют». Тр-р-р... Короткая очередь из автомата, и нет Горелова. Разведчиков было человек тридцать... Тогда так и не дознались, кто стрелял. Младшего лейтенанта потом повесили, а нескольких человек из этой группы расстреляли. Это было на 1-м Белорусском фронте, в Германии.

Да, когда старший бил младшего, тот не всегда подставлял другую щеку. Дождался своего и Кабыка. Однажды мы с Ляхом спустили его со ступенек второго этажа. За это старшина пообещал нам штрафную роту. И когда после выпуска все ребята уходили на фронт, а нас с Ляхом оставили в полковой школе, ясно было: Кабыка хочет с нами разделаться. А тут узнаем, что немцы где-то прорвали фронт. В таких случаях обычно многие тыловые части срочно бросали на передовую. Ну мы с Ляхом подходим к Кабыке и говорим: «Скоро мы с тобой, собака, по другому поговорим». После этого Кабыку словно подменили. Мне кажется, я бы его всё-таки не тронул, на чертей он мне сдался. А Лях, наверно своё обещание выполнил бы. Отчаянная голова. И таких отчаянных на фронте много было.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 декабря 1943 года:

«Пленный обер-ефрейтор Франц Павлик рассказал: «В середине сентября во Франции из солдат различных частей был сформирован особый батальон, который назвали по имени командира Вестенбергера. В батальоне было шесть рот. Вскоре мы выехали на Восточный фронт. В первых же боях наша рота потеряла 80 человек, а через две недели батальон «Вестенбергер» перестал существовать... Уезжая из Франции, мы знали, что нас ожидает в России, и понимали, что потери неизбежны. Однако никто не предполагал, что батальон будет разгромлен в такой короткий срок. Я попал во вторую роту 73 полка. В течение нескольких дней в полку шли приготовления к атаке. В назначенный час началась артподготовка, но русские открыли такой ответный артиллерийский огонь, что никто из нас не посмел высунуть голову. Офицеры, угрожая нам пистолетами, гнали в атаку, но они не могли никого поднять. Когда русские ворвались в наши окопы, я вместе с другими солдатами сдался в плен». (т. 5, с. 281)

«24 декабря Кантуемось. Ходим по городу ничего не делаем. Ночью каждую ночь в Зои правда немного мешает ее сестра которая приехала с Харькова».

– К безделью относились так: случай тебе сегодня выпал – живи на полную катушку. Потому что завтра ты можешь быть мёртвым. Хотя долгое и вынужденное безделье сильно угнетало. А в целом на фронте напряжение накапливалось. Иногда ни с того ни с сего начинало вдруг трясти, как в лихорадке. К концу войны я стал совершенно невыдержанным. Ещё долго и после войны, бывало, кто накриво мне скажет, без всяких разговоров сразу по сопатке. Особенно, если похваляется, мол, я тебе сейчас дам. Так я не ждал, когда меня ударят, а бил первым. Потом говорю: не обижайся, сам же похвалялся.

«25 декабря Меня и Ляха переводят в маршевую роту Дали нам одеяния по 25 чел. молодых ребят 25 года все почти землякы с Кубани но з далеких р – нов прыбыли 105 ФЗСП Занимаемось тактикой строевыми. Песни поют хорошо и это мне напоминает родную Кубань».

– Маршевые роты формировались из тех, кого скоро должны отправлять на фронт. Так что, Кабыка отступился... А пели часто. И не только для себя. Если во время занятий строевые песни не поёшь, гонять тебя будут дольше. Когда строй проходит мимо дома или мимо казармы, где живёт командир роты, должны обязательно проходить с песней. А после поверки, во время вечерней прогулки, старшина всегда ведёт туда, где живёт командир роты. Иногда такое паршивое настроение и так не хотелось петь. Хоть сквозь слёзы, а всё равно запевали.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 26 декабря 1943 года:

«На днях войска 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Ватутина перешли в наступление против немецко-фашистских войск, расположенных южнее Радомышль, и прорвали фронт противника протяжением около 80 километров и в глубину до 40 километров...

За три дня наступления нашими войсками освобождено более 150 населённых пунктов и среди них город Радомышль...

В боях разгромлены четыре танковых дивизии немцев, в том числе танковая дивизия СС «Райх» и шесть пехотных дивизий.

Уничтожено немецких танков – 159, орудий самоходных – 39, бронемашин – 52, орудий разного калибра – 109. Противник оставил на поле боя убитыми до 15000 солдат и офицеров». (т. 5, с. 304)

«Вечер перед Новым Годом все собираются встретить Новый год с новыми успехами и в 44 г. окончательно разгромить врага и вернуться домой с полной победой».

– Действительно верили, что в 1944-м году должна закончиться война?

– Да, верили. Если бы покушение на Гитлера удалось, так бы и было. В это верили все солдаты. Как себе победу представляли? Конечно, должны дойти до Берлина. И нам это всячески внушали. На самом деле, мы с разгону не только до Берлина, а чёрт его знает куда добежали бы. Если за сутки от Берлина до Праги добрались, то можно представить, куда бы могли махнуть.

«Мое отделение работает на кухне а я думаю уйти на квартиру к Зои время выходное Я в наряде и могу отлучится часика на два пропустить грам 500 для пробы в честь нового года Но получилось совсем не так Во время бомбежки одна бомба упала возле кухни и убила з моего отделения 3 чел. 5 ранено А мне всю грудь шенель и гимнастерку сорвало осколком и стеклом руки и лицо побило Котлы все перевернуло вверх дном А повара опшарило кипятком Я остался жыв и думаю что это мне сюрприз перед Новым годом Кончился 1943 год – 1944 год».

– Случилось это перед вечерней поверкой. На кухне как раз начинали готовить завтрак. Солдаты из моего дежурного отделения подвозили на санках воду и тут же, рядом с кухней, рубили дрова. Слышим, высоко летят немецкие самолёты. Мы знали, что они идут бомбить мост между Дарницею и Киевом. А над нами немцы сбросили всего одну бомбу. Упала она между нашим строем (уже началась вечерняя поверка) и кухней. Когда после взрыва мы увидели, что кухня разрушена, Лях сказал мне: хоть каши достанется, и тут же скрылся в клубах пара. Набрать кашу не во что было, так он в вещмешок ее наложил.

Во время взрыва меня вроде бы кто-то за грудки схватил. Я даже хотел крикнуть: «Куда ты меня тянешь?». Разбросало всех. Казарму нашу не разрушило, но стёкла вместе с рамами повывлетали. Всех нас засыпало стеклом. И та каша, которую Лях под сурдинку успел набрать в вещмешок, оказалась тоже со стеклом. Но он нас успокоил. Это, говорит, только сверху. Верхний слой выбросил, остальное мы съели.

В этом был весь Лях. О таких говорят: пройдоха. Если в окружности 20 километров есть корова, за ночь Лях молока принесёт. Молоко очень любил. И когда шёл искать корову, направление всегда выбирал безошибочно. Ляху везло. За всю войну ни разу ранен не был. Служил он командиром 120-миллиметрового миномета. Однажды его миномёт немецкий «Тигр» раздавил. Я уже попрощался с другом, хотел письмо его матери в станицу Ивановскую писать, когда Роговский мне говорит: «Твой земляк живой, только что видел его...». Тогда миномётную батарею, в которой служил Лях, немцы проутюжили всю. Почти никого в живых не осталось. А Ляху удалось убежать от «Тигров» и спрятаться под снесённой с церкви крышей. Там он и переждал весь бой. Неправду говорят, что если солдат на фронте ранен не был, то так, мол, он и воевал. Лях был отчаянный хлопец. Да и многих таких, кто за всю войну ранен не был, я лично знал.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 27 декабря 1943 года:

«Пленный солдат, шофёр штабной роты 172 полка 75 немецкой пехотной дивизии Вальтер Эссимюллер рассказал: «Русские нанесли нашей дивизии огромный урон. Мне приходилось перевозить сотни трупов солдат и офицеров, которые наскоро закапывались где и как попало... В ноябре части дивизии вновь были пополнены. Все надеялись хотя бы на кратковременный отдых, но эти надежды не сбылись. Русские неожиданно и быстро нанесли нам новый удар. Началась форменная паника. Командир штабной роты обер-лейтенант Тюнец, размахивая пистолетом, вскочил на мою машину и приказал ехать как можно быстрее. По дороге бежали солдаты и офицеры. Они стреляли по шофёрам, которые не останавливали машин и не брали их с собою. Как ни погонял меня обер-лейтенант, нам всё же не удалось далеко уехать. Кругом были русские. Тюнец пытался бежать и был убит. Я поднял руки и сдался в плен». (т. 5, с. 306)

Из оперативных сводок Совинформбюро за 27–31 декабря 1943 года:

Войска 1-го Украинского фронта продолжали успешно развивать наступление и овладели городами Коростышев, Коростень, Черняхов, Казатин, Володарск-Вольнский, Червоноармейск, областным центром Житомир, а также

заняли более 860 других населённых пунктов. На этом и других фронтах было уничтожено 506 немецких танков и 72 самолёта (т. 5, с. 305–313)

1944 год

«1 Января Хоронем своих товарищей и клянемся за все отомстить проклятым пиратам И они это почувствуют когда эти молодые кубанские казаки дорвутся до него Они еще помнят как их Кириченко с Кубанскими дивизиями отюжыл под Таганрогом Будет ему то самое до самого Берлина».

– Хоронили товарищей по-фронтовому без гробов. Правда, каждому вырыли отдельную могилу. Заворачивали в плащпалатку и опускали в могилу. Когда в 44-м я лежал в госпитале в Ландсберге, то видел такую картину. Умерших хоронили прямо в парке, в котором находился госпиталь. Столько было захоронений, что в парке перерыли все аллеи. Сейчас, наверное, там уже и следов от этих могил не осталось. А тогда стоял лес деревянных пирамидок со звездочками.

Окно из нашей палаты выходило на столярную мастерскую, где делали гробы и эти надгробия со звёздочками. Каждого умершего вывозили в гробу. А потом мы видели, как эти же гробы заносили опять в столярную мастерскую. Значит, в гробу только отвозили трупы. Я хлопцам говорю: «Нет, тут умирать нельзя. Иначе тебя, как собаку, зароят в землю, да ещё в чужую».

В 41-м, когда отступали, зачастую вообще не хоронили. А как было хоронить, если мы бежали с винтовками образца 1897 года, а немцы гнались за нами на танках и поливали из пулемётов. Так трупы и оставались там, где людей настигали пули.

Командир отделения разведки полка 120-миллиметровых миномётов 8-го механизированного корпуса 1-й танковой армии М. Е. Катуква гвардии сержант Лобас Г. Т. 1944 год. (Из фронтового архива Г.Т. Лобаса)

«2 января Киев. Сегодня меня назначили в комендатуру г. Киева разводящим и мы направились на ул. Короленко 24 По дороге когда шли видели как НКВД вешали предателей родины которые работали в немцев и выдавали коммунистов. Выновники 1000-чам смертей которые продали весь украинский народ Собакам собачья смерть».

– В комендатуре мы охраняли гауптвахту. А на гауптвахте, как нас преду-

предили, тогда сидели в основном бывшие полицейские, выловленные шпионы, изменники. Каждый день мы выводили их пачками, сажали на машину, которая ехала к разрушенной мебельной фабрике. Перед фабрикой были построены виселицы, а под ними стояли два грузовика с откинутыми бортами. Тех, кого привозили с гауптвахты, по два человека выводили на кузова машин с фанерками на груди: «Изменник Родины». Солдаты НКВД набрасывали каждому на шею петлю, машины разъезжались в разные стороны и подъезжали к другим виселицам. Каждая машина обслуживала по десять виселиц.

Никто не кричал, не просил о пощаде. Все происходило в полной тишине. Слышался только шелест, пока повешенные трепыхались в судорогах. Минуты через две-три они затихали. Вначале много людей собиралось. Потом уже никого не было.

Трупы с табличками на груди висели по-нескольку дней. Мы с Ляхом видели, как через день или два они были уже без обуви, а некоторым развязывали руки и стаскивали с них даже верхнюю одежду.

«3 января Приступили к своим обязанностям по охране комендатуры Сюда много попадает немецких шпионов которых мы хорошо прочесываем Я занимаю должность розводящего работа мне не нравится незнаю почему Моя стихия воевать в бою я без жалостный но здесь я мягко характерный это я сам по себе замечаю Буду просится на фронт».

– Что это были за шпионы, мы не знали. По крайней мере, никто из них по-немецки не говорил, все балакали по-украински. Привозили их энкэвэдэшники и предупреждали, что за ними надо смотреть особо. Хотя у НКВД была своя тюрьма. И почему этих шпионов привозили в комендатуру, а не в тюрьму НКВД, я не знаю. Из тех солдат, кто назначался их охранять, были такие, кто искал причину, иногда провоцировал на то, чтобы избивать их. Как правило, это были те, кто ещё не воевал. Вот они и «резвились».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 января 1944 года:

«Пленные ефрейторы Ганс Шмидт, Пауль Краузе и унтер-офицер Вилли-бальд Рихтер 5 роты 239 полка 106 немецкой пехотной дивизии рассказали: «Непрерывные бои обескровили нашу дивизию. В конце октября был расформирован 240 полк. В 239 полку формально числится два батальона, но эти батальоны по своей численности уступают обычной роте. От писарей штаба дивизии, переведённых на передовую, солдаты узнали содержание донесения командира дивизии генерал-лейтенанта Форста командованию 11 армейского корпуса. В этом донесении Форст сообщил, что за время с 29 сентября по 25 октября дивизия потеряла убитыми и тяжело ранеными 4.328 человек. Генерал далее указывал, что без крупных пополнений дивизия не в состоянии будет оборонять занимаемые ею позиции». (т. 6, с. 7)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 4 января 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта продолжали успешное наступление. Особенно ожесточённые бои в течение последних дней происходили в районе города Белая Церковь... После четырёхдневных упорных боёв наши войска сегодня штурмом овладели городом и крупной железнодорожной станцией Белая Цер-

ковь... В районе Новоград-Волынский гитлеровцы предприняли контратаку. Двум батальонам немецкой пехоты удалось прорваться в расположение советских войск. Наши части окружили прорвавшегося противника и уничтожили гитлеровцев. Взято свыше 400 пленных. Всего за день боёв советские войска истребили более 4 тысяч немецких солдат и офицеров...». (т. 6, с. 8)

«7 января Трамвай стали ходит с Подола на Куриневку и я ездил до Зои где и ночевал Утром 8/1 получил продукты думал ехать на Короленкову до своих ребят но трамвай не ходят Энергии нет а пешком идти кл. 8 но Зоя просить чтобы я остался ещо на ноч. Но теплым приглашениям прыйдет-ся воспользоваться и остатся ещо на ноч К ней у меня как то жалость является Чорт и знает почему сам себе не могу представить. Я розулся и залез на печку на день.

10 января Пьяные матросы попали ко мне на губу их патрули прывели Я с ними напился за это мне не поздоровится Нач. гаубвахты доложыл полковнику коменданту и я уверен что он мне отвесит за это на всю катушку. А я все же этих матросов отпустил потому что я же тоже моряк Чорт с ним «Полундра».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 16 января 1944 года:

«ПОТЕРИ ПРОТИВНИКА И ТРОФЕИ ВОЙСК 1-ГО УКРАИНСКОГО ФРОНТА ЗА ПЕРИОД С 24 ДЕКАБРЯ 1943 ГОДА ПО 13 ЯНВАРЯ 1944 ГОДА. ...Противник потерял только убитыми около 100.000 солдат и офицеров. ...Взято в плен более 7.000 немецких солдат и офицеров». (т. 6, с. 27–28)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 января 1944 года:

«Захвачен в плен сын директора почтамта в Берлине командир 3 батальона 68 полка 23 немецкой пехотной дивизии Ганс Иоахим Шведе. Военнопленный рассказал: "...Уже третий год немецкие войска в России терпят одно поражение за другим. Немецкая армия истекает кровью. Однако дело не исчерпывается огромными потерями в людях и технике. Произошли роковые для Германии изменения. Теперь немецкий солдат уже утратил сознание своего превосходства над другими солдатами. Оно сменилось чувством неуверенности и страха, сознанием превосходства русского солдата над немецким. Это самый страшный удар, нанесённый немецкой армии за последнее время». (т. 6, с. 30).

«20 января вышел из гаубвахты в которой просидел 10 суток за матросов Эх «полундра» Но все же сидел за своих друзей по класу И занимаю старую должность Противная мне эта милиционерская обязанность Я подал со своим другом Ляхом рапорт о переводе на фронт Лутше буду воевать Я к войне прывык по пластунски выучился ещо лазить с 41 г. 27 июня».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 января 1944 года:

«Крымскими партизанами захвачен в плен ефрейтор 11 роты 615 немецкого полка Йозеф Вольдкер. Пленный рассказал: «Под предлогом эвакуации гражданского населения немецкие военные власти в Крыму вывозят на баржах тысячи мирных жителей в открытое море и топят их. В ночь на 7 декабря 1943 года в Евпаторийском порту специальная команда эсэсовцев погрузила на бар-

жу большую группу советских граждан, насильно эвакуированных немцами с Кубани. Через несколько часов все эти люди были потоплены. Восьмого декабря близ Севастополя потоплено 5 тысяч заключенных, содержащихся в городских тюрьмах гестапо. На днях по распоряжению военных властей была вывезена в море и потоплена группа раненых советских военнопленных». (т. 6, с. 34)

Дорога на фронт

«23 Января наш рапорт утвержден и мы обратно по старой привычке с Ляхом чапаем в Куриневку на пересыльный пункт и отправляемся на фронт.

24 января Ночевал у Зои а сейчас меня направляют в Жытомыр старшим команды сопровождать союзников А их мне дали 137 человек а в Ляха 85 едем эшеленом а он везде помбить сегодня Я в ... и он здесь сильно бомбыл».

– «Союзники» – это мобилизованные полевыми военкоматами жители западных областей Украины.

«Моих 20 чел. удрало и тепер я буду за них отвечать Как дальше будет так продолжатся мы с Ляхом бросим этих союзников и смоимось. Эти союзники большие трусы как я вижу

26 января в Жытомыри у меня нихватало 26 чел. а в Ляха 17 чел. Мы сдали их а сами идем в Бургундию где стоит наш полк Хорошо выпивши».

– Бургундия – городок под Житомиром. Рядом с ним находился немецкий концлагерь.

«27 января Мы с другом проснулись в комендатуре в отрезвиловке куда нас затащыли патрули. Просидели мы до 12 ч. а потом нас отпустили и мы прышли в свою часть 234-й (фронтовой запасной полк.-Г.Л.) где начали свою службу дежурными по роте нач-караула все ходили по нарядам к девкам нельзя было и думать А жыли мы в военгородку где немцы устроили лагеря военно пленных все окутано колючей проволокой

29 января Ходили розсматривали могилы где было замучено и похоронено 75 тыс. пленных и стариков женщын и детей Даже некоторых могил ны успели и зарыть потому что земля была мерзлая. Ну пираты! Еще вам это не все поползете еще на четверенках по русской земле».

– Всё, что там я видел, до сих пор стоит перед глазами. Трупы. Трупы. Трупы. И все раздеты догола. Лежали в одной куче навалом. Ямы, куда сбрасывали расстрелянных, немцы готовили заранее и не зарывали их, пока не заполняли трупами почти доверху. Поэтому слой земли сверху был небольшим. Во время оттепелей снег подтаивал, и из этих ям вытекала зловонная жижа. Вокруг таких ям лежало много незахороненных трупов. Распознать их было невозможно, потому что лица, да и всё тело – они тоже были голые – совершенно чёрные. Мы уже знали, что так происходит с теми, кого убивают на морозе.

Под Житомиром нам рассказали, что в округе расстреляли всех евреев. А евреи там жили целыми сёлами, хуторами. Немцы никого не оставляли, всех младенцев и дряхлых стариков тоже убивали. Поля были в земляных волнах – сплошные бурты, похожие на те, в которые на зиму закапывают картошку. В некоторых местах земля в буртах оседала, и из-под неё виднелись части полуразложившихся трупов.

Когда я лежал в госпитале в Ландсберге, всех желающих из числа выздоравливающих раненых возили в Майданек. Майданек для меня – это кучи разобранной по размеру детской обуви. И кучи девичьих кос. Рассказывали, что в крематории работали те же узники, которых смерть ждала завтра. Сегодня он кого-то сжигает, а завтра его в этой же печи будет сжигать тот, кто спит на нарах рядом.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 марта 1944 года:

«Ниже публикуется акт о чудовищных злодеяниях немецко-фашистских мерзавцев в городе Славута, Каменец-Подольской области: «За время оккупации гитлеровские людоеды замучили насмерть и расстреляли тысячи мирных жителей города Славута и окрестных сёл. Массовые расстрелы происходили в военном городке около водонапорной башни. В расположении военного городка немцы устроили центральный сборный лагерь и свозили туда арестованных советских граждан и военнопленных с правобережной Украины. Лагерный режим был рассчитан на то, чтобы истребить как можно больше советских людей. На сутки заключённые получали немного суррогатного хлеба и мутную «баланду». Нередко заключённые по 5–6 дней подряд не получали никакого питания. В лагере свирепствовали инфекционные болезни. Больные тифом и дизентерией размещались вместе со здоровыми. Смертность среди заключённых достигала огромных размеров. От голода, болезней и побоев, а также от рук фашистских палачей погибло 12 тысяч советских граждан. Когда части Красной Армии заняли город Славута, в лагере находилось около 800 человек. Больше половины из них не в состоянии были передвигаться. Кроме того, на территории лагеря обнаружены сотни трупов заключённых, умерших голодной смертью». (т. 6, с. 118)

«2 февраля в бане мы купаемся а завтра идем в почетный караул хоронить генерал майора танковых войск который погиб в г. Ровно».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 5 февраля 1944 года:

«Несколько дней тому назад войска 1-го Украинского фронта в результате стремительного удара прорвали оборону противника по реке Горынь. Наши подвижные соединения устремились в образовавшуюся брешь, вышли к городу Ровно и... овладели областным центром Украины – городом Ровно». (т. 6, с. 60)

«6 февраля Несчастный день Пошел в деревню достать самогону но здесь мне не повезло Попал мне навстречу несчастный ком-бат спросил куда иду Я не мог даже языком повернуть за что мне обломилось пять суток а самогон вылил на дорогу За что я не знаю как я удержался чтобы не пустить в ход кулаки».

– Комбат этот был мой земляк, краснодарский. После ранения его списали к нестроевой и поэтому дали учебный батальон. Он не злобствовал, не издевался над солдатами, только по-пластунски нас здорово гонял. Для фронта это нужно было.

Но в каждом из нас злобы тогда накопилось уже много. Я запросто мог дать комбату по сопатке, тем более, что он был в гражданке, а я пьяный и не узнал

его. Такое со мной случалось не так уж редко, за что я и страдал от командования.

Помню одного комвзвода. Месяц только на передовой, а уже горлопанит на всё поле. Ранило его в ногу, поэтому он ходил на костылях. Но продолжал орать и всё замахивался на солдат костылями. Я ему один раз так брызнул, что костыли эти полетели в разные стороны. Мне ребята говорили: утомонись, а то посадят...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 февраля 1944 года:

«В сообщении Совинформбюро от 10-го января приводились показания пленного обер-ефрейтора Карла Буккем о том, что командир 106 немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Форст лично поджигал на Украине жилые дома, в которых находились женщины и дети. Недавно наши войска захватили дневник генерала Форста и его приказы по 106 пехотной дивизии. В приказе об отношении к мирному населению оккупированных немцами советских районов Форст требует от солдат «беспощадного применения оружия...». Он поучает своих подручных: «Быстрые действия чаще приводят к успеху, чем долгие размышления и запросы. Обычно нужно немедленно расстреливать... Не нужно быть мягкосердечным... Необходимо угрожать населению наказаниями и брать заложников... Немецкий солдат, независимо от своего чина, должен себя чувствовать по отношению к русскому населению господином и соответственно с этим держать себя и действовать».

Форст несомненно опытный палач, но никудышный генерал. Он растерял свою дивизию и удрал с такой поспешностью, что бросил штабные документы и даже личный дневник». (т. 6, с. 63)

«7–8 февраля Сижу на губе Лях носит мне кушать украдкой чтобы никто не узнал и написал рапорт об отправке побыстрее меня с этого пересылочного пункта в часть Мою просьбу удовлетворили и направляют в 1-ю танковую армию».

– С этого времени и до последнего дня на фронте я служил командиром отделения разведки полка 120-миллиметровых миномётов 8-го механизированного корпуса 1-й танковой армии М. Е. Катюкова. В моём отделении было десять разведчиков и два радиста.

«9 февраля Получаем обмундирование и выходим в 10 часов с Жытомыра на Корсунь Шевченко Ну Досвидания Жытомыр! идем ночью темно ничего не видно склизько и сильно устали в 5 ч. утра нас завели в одну деревушку отдохнуть на 6 ч. Мы зашли к одному старьку где и упали сразу спать Через 3 ч. нас розбудил старик завтракать Пол литры на столе и мы прысосались. Выпили он еще дал и насосались до чертиков и ушли дальше сами без строя

10 февраля Мы дошли до с. Котельная где нашли баб Словом целый шалман До утра пянствовали и бабы с нами Противные ихние рожи которые и сейчас во сну бредятся Словом я делаю вывод что женщины за войну стали слабые на передок ведь шуточка сказать что она же мне мать Было 46 лет. Я ей сказал но она мне сказала чтото прыбауткой которой я сей-

час не помню».

– О бабах, которые «стали слабые на передок», один дед в селе так сказал: под немцами валялись, а теперь хотят перед нашими солдатами выслужиться...

Был такой случай. Товарищу моему Роговскому написали его родственники из Донбасса, что жена его, мол, с немцами путается. Роговский рассказал об этом нам, а потом объявил: «Я решил свою жену расстрелять...». Повесил её карточку на сосну, и все мы из своих автоматов расстреливали её. Роговский после войны домой не вернулся, а женился на другой. Новая жена вскорости заболела и умерла. После этого его нашла прежняя жена, которую мы «расстреляли». Оказалось, её оклеветали. Так он с ней и дожил до самой своей смерти.

«11 февраля розехались мы с другом Дорогой он где то вцепился на машину а я не успел и он уехал. А я на одной подводе доехал до села и пошел искать квартиру Все квартиры заняты и я остался на одной квартире где два было уже Я сними сейчас же познакомился. Один фамилия Шакалов а другой грузин которого я просто назвал Солнечная Грузия розговорились оказалось что мы в одну часть идем. Нашли самогону подвыпили и улеглись спать

12 февраля Прошли 7 кл. и остались ночевать где нашли хороших баб и отпуза водки. Провели вечер хорошо что уснули кто где Я очутился пососедству с этой квартирной хозяйкой а друзья мои не знаю где были

13 февраля Позавтракали и двинулись дальше в село Харлиевку которая отсюда 5 кл. и здесь заночевали но уже на сухую все наши попытки найти самогону ни увенчались успехом

14 февраля утром пошли на пересыльный пункт где нам дали взбрку за то что мы отстали от своей команды. Нам выдали продукты дали маршрут и мы пошли догонять свою команду Прошли 16 кл. и остановились ночевать в одной вдовушки где она как раз гнала самогон Я ей предложил чтобы она дала нам в счет обороны хотя 1 литр Просба последовала хорошим результатом и мы уснули хорошо выпивши».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 12 февраля 1944 года:

«В боях за город Шепетовка войска 1-го Украинского фронта разгромили крупные силы противника. Только на улицах города подсчитано 3.200 вражеских трупов, 47 сгоревших танков и 12 самоходных орудий. Наши войска захватили у немцев 67 орудий, 83 миномёта, 140 пулемётов, крупные склады с военным имуществом и другие трофеи». (т. 6, с. 72)

– На пересыльный пункт приходили все отставшие от своих частей, вновь назначенные, мобилизованные, выписавшиеся из госпиталей и другие. Здесь была и пехота, и артиллерия, и кавалерия. Поэтому из фронтовых частей на эти пункты приезжали «покупатели» и подбирали себе людей. А продпункты – это как бы продуктовые магазины, в которых по продаттестату можно было получить сухой паёк.

За отлучку из расположения своей части наказывали очень строго. Особен-

но в начале войны. Случилось это осенью 41-го. Помню, уже хлеба были скошены. Построили нас в поле без оружия. Смотрим, четверо вооружённых винтовками солдат ведут тоже четверых солдат без ремней. Значит, арестованных. Арестованных поставили перед строем, а напротив них, т.е. спиной к нам, конвоиров.

Политрук Воробьёв начинает говорить о том, что мы уже много раз слышали: «Озверелый фашизм рвётся к сердцу нашей Родины... Мы должны не щадя своей крови и жизни...». Все уже привыкли к этим словам и стоим спокойно, не зная однако, что будет дальше. И вдруг, один из командиров рот командует: «Приготовиться. По изменникам Родины – огонь!». Конвоиры вскинули винтовки и стали беспорядочно стрелять в тех четверых солдат, что без ремней.

Было это под Сумами, у хутора Братского. Один из четверых упал навзничь, другой – на колени, а двое стоят. Опять начали стрелять. А между арестованными и конвоирами всего-то метров пять. Наверное, конвоиры намеренно стреляли мимо.

Среди тех арестованных был один парень из Красноярска, здоровый сибиряк. Я его знал. Весь в крови, он дольше всех стоял на коленях. Наконец, повалили всех. Потом командир роты, который командовал: «Огонь!», вытащил пистолет и стал достреливать в головы. Мы поняли, что для нас это – наглядное пособие. Всех построили без оружия специально, чтобы мы не могли вмешаться в эту ситуацию. Если бы у нас было оружие, конечно, не допустили бы этого...

Когда добились всех, Воробьёв начал читать приговор: за что расстреляны солдаты. Оказывается, за самовольную отлучку из расположения части.

Кормили нас тогда подло. Эти ребята решили сходить в соседнее село, чтобы разжиться какими-нибудь харчами. И отсутствовали они часов пять. Когда вернулись и Воробьёв с командиром роты налетели на них с матюками, этот красноярский парень сказал тогда политруку: что ты, мол, хорохоришься, немцы наступают нам на пятки, и с тобой всякое может случиться. Вот тогда Воробьёв с командиром роты решили показать всем, что они могут, чтобы другим, значит, неповадно было. Тут же, рядом, выкопали яму, стащили туда ребят, как собак, даже не заворачивая в плащ-палатки, быстро загребли землёй, сверху навалили оставшуюся на жнивье солому и подожгли её – чтобы место могилы осталось неприметным.

Хотя дезертиров в то время у нас было немало. Особенно под Сталинградом. Во время каждого ночного марша, когда мы отступали, из батальона человек десять-пятнадцать отставали, чтобы сдать в плен. Один мой кореш, Сергей из Станички, что под Новороссийском, как-то говорит мне: «Гриша, сколько можно отступать, сколько можно голодовать и постоянно дрожать в страхе? А за Волгой для нас земли нет. Все погибнем. Давай и мы останемся?». Я ему: «Сергей, сдаётся мне, за Волгой мы не будем. Не пустим немца за Волгу».

Обычно тех, кто хотел ночью отстать, было видно сразу. Они сильно нервничали. Сергей вёл себя спокойно, поэтому я даже не предполагал, что он может уйти. Вначале командиры сообщали, сколько людей за ночь отстало. Называли их предателями, трусами, а Воробьёв – «заячьими душонками». Потом почему-то перестали информировать об отставших. В это время неожиданно

для меня не стало и Сергея. Только после войны я узнал о его судьбе. Оказывается, он не остался сдаваться немцам, а пошёл на свою родину. Кубань уже тогда была оккупирована, до Новороссийска он добраться не мог и решил зайти ко мне домой, в Гривенскую. Поскольку мы были земляки, я ему всё рассказал о своей семье, о том, где живу. Постучался он к моей матери в хату, говорит, мы с Григорием вместе воевали... Мать ему сразу не поверила, вынесла групповую школьную фотографию и попросила показать на ней меня. Сергей быстро нашёл меня. Только после этого мать впустила его в хату. Трое суток он у нас пожил, немного подкормился, а на четвёртые утром пошёл в сторону Новороссийска. С тех пор его никто больше не видел. Уходя, он сказал: «Я думал, что Гришка не прав, когда отказывался от моего предложения, а теперь получается, что я ошибся...»

Да, Сергей всё испытал на себе. Теперь с его помощью и я знаю, кто из нас был прав наверняка, а кто нет.

«15 февраля Приследуем свою команду Прошли город Ружын и направились на ст. Ружынцы где должны были наши ребята Но оказывается они ушли дальше А мы решыли здесь заночевать и остановились в одной старушки в которой в хате холодно как на Северном полюсе и мы не спали а дрожали целую ночь

16 февраля Получили здесь продукты на продпункте и устремились за своей командой через село Городок где я отступал в 41 году Здесь не далеко станция Погребище где был убит мой друг Сам он родом с Лебедей на Кубани. Как раз иду теми следами где в 41-м году дрался с фрицами которые тогда ползли тучами А сейчас уже прошло 2,5 года и все кажется было вчера А я уже не мало за это время изколесил по Руси».

– Друга моего, который был убит, звали Артём Чеховский. Тогда немцы догнали нас в чистом поле на танках. Могли запросто передавить всех гусеницами. А они постреляли нам в спины и почему-то вдруг ушли в сторону. У нас были только винтовки со штыками и кое у кого гранаты. По вдоль дорог ещё в мирное время выкопали щели метровой глубины для того, чтобы во время бомбёжки или артобстрела прятаться в этих щелях. Правда, щель такая узкая, что протиснуться в неё можно только боком.

Артём тогда не успел добежать до такой щели. Мне говорят, Артёма убило, вон он лежит. Я не смог разглядеть, где он лежит, а тут команда бежать дальше. Теперь неизвестно, где его могила. Немцы в таких случаях выгоняли на места боёв оставшихся местных жителей, заставляли собирать трупы и закапывать там, где укажут. Поля им были нужны под будущий урожай, и засорять их они не хотели.

Между тем, на оккупированной территории немцы ничего не строили и не восстанавливали разрушенное нами. К примеру, когда их уже гнали с Украины, я увидел мост, который мы взорвали при отступлении, таким же разрушенным.

Каждая дорога для нас была стратегическим или основным направлением передвижения войск, а немцы, что нас очень удивляло, выбирали свои направления.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 16 февраля 1944 года:

«Ниже публикуется акт о чудовищных зверствах немецко-фашистских мерзавцев в селе Никольское, Ленинградской области: «Захватив село, немецкие изверги разгромили известную в Ленинградской области психиатрическую лечебницу им. Кащенко, а всех больных умертвили. В лечебнице находилось свыше 1.500 стариков, женщин и подростков. Вечером 19 ноября 1941 года немецкие военные власти объявили медперсоналу, что больные эвакуируются в гор. Псков. Утром 20 ноября немецкие врачи произвели больным подкожное впрыскивание яда, погрузили их в машины и увезли к противотанковому рву, в деревню Ручьи. Яд действовал быстро, и многие больные умерли в дороге. Гитлеровцы бросали в ров не только мёртвых, но и тех, в ком ещё теплилась жизнь. Затем фашистские палачи расстреляли главного врача лечебницы Дуброву, врача Дивельтову и других медицинских работников. Гитлеровцы в последнее время начали замечать следы своих преступлений. В ноябре 1943 года немцы пригнали к противотанковому рву группу захваченных в плен красноармейцев, заставили их вскрыть массовые могилы, извлечь трупы советских граждан и сжечь их. Затем фашистские людоеды загнали всех пленных бойцов, производивших раскопки могил, в сарай и живьём сожгли их». (т. 6, с. 79)

– Какие военные годы лучше запомнились?

– Последние. Может быть потому, что в это время мы уже охотно воевали. Считали войну для себя действительно священной обязанностью. Вот гоним немцев, а под вечер они начинают сильнее огрызаться, а мы устали. От командования нет никаких распоряжений. Тогда солдаты говорят своим командирам: давай нажмём, чтобы за ночь немец не успел окопаться.

Воевать немцы умели хорошо. Но драпали не хуже, как мы в 41-м. Когда мы повстречались с американцами, вместе выпивали, демонстрировали друг другу свои танцы и песни, они говорили нам: немцы вовсе не такие глупые, как о них пишет ваша печать. Мы отвечали: это мы знаем хорошо, а в печати пишем не мы.

«17 февраля встречаю своего друга Ляха и всю свою команду Пошли в часть где мы должны воевать но оказывается здесь все уже пополнено и нас обратно отправляют в лес».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 17 февраля 1944 года:

«Войска 2-го Украинского и 1-го Украинского фронтов... прорвали в начале февраля сильно укрепленную оборону немцев и смелым искусным манёвром окружили крупную группировку немецко-фашистских войск севернее линии Звенигородка – Шпола. В результате этой операции наши войска зажали в кольцо... 10 дивизий и одну бригаду. Личный состав окружённых войск противника достигал 70–80 тысяч солдат и офицеров.

Советское командование в лице заместителя Верховного Главнокомандующего Красной Армии Маршала Советского Союза Жукова, командующего 2-м Украинским фронтом генерала армии Конева и командующего 1-м Украинским фронтом генерала армии Ватутина, во избежание напрасного кровопро-

лития и уничтожения окружённых немецких войск, предъявило 8 февраля 1944 года командование и всему офицерскому составу окружённых в районе Корсуня-Шевченковского немецких войск ультиматум с предложением прекратить сопротивление. В ультиматуме сообщалось:

«...Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены: военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь. Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет обеспечено немедленно питание...

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушного флота начнут действия по уничтожению окружённых Ваших войск и ответственность за их уничтожение понесёте Вы».

Среди командиров окружённых немецких войск были генералы и офицеры, которые видели безнадежность и обречённость окружённых советскими войсками немецких дивизий и хотели принять ультиматум Советского Командования и капитулировать. Но командование и рядовой состав окружённых немецких войск были одурачены Гитлером, который в приказе к окружённым войскам требовал от солдат и офицеров держаться во что бы то ни стало и заверял их, что со стороны верховного командования германской армии приняты меры, гарантирующие спасение немецких войск, попавших в «котёл». После такого приказа Гитлера командование окружённых немецко-фашистских войск отклонило ультиматум Советского Командования.

Ввиду отклонения ультиматума, наши войска начали генеральную атаку окружённых дивизий противника и решительными действиями стали быстро уничтожать вражескую группировку...

Окружённые войска немцев оставили на поле боя убитыми 52 тысячи человек. Сдалось в плен 11 тысяч человек. Немцам удалось вывезти на транспортных самолётах едва ли больше 2–3 тысяч офицеров из числа окружённых немецких войск.

Начиная с 5 февраля немецкое командование, стянув с других участков фронта в район... Звенигородка 8 танковых дивизий, а также несколько пехотных дивизий... и сосредоточив в районе сражения более 600 бомбардировщиков, истребителей и транспортных самолётов, предпринимало отчаянные попытки ударами извне южнее Звенигородка прорваться к окружённым немецким войскам и вывести их из окружения... В этих боях немецко-фашистские войска... потеряли только убитыми до 20.000 своих солдат и офицеров...

Как показывают пленные немецкие офицеры из окружённых войск, Гитлер после провала попыток спасти окружённых немцев дал немецким войскам, попавшим в «мешок», ещё один приказ, в котором требовал, чтобы окружённые немецкие солдаты и офицеры принесли себя в жертву, дабы задержать своим сопротивлением на некоторое время русские дивизии, ибо этого якобы требуют интересы германского фронта. В упомянутом приказе Гитлера содержалась прямая директива о том, чтобы окружённые немецкие солдаты и офицеры кончали жизнь самоубийством, если их положение станет безвыходным.

Пленные немцы показывают также, что за последние 3–4 дня среди солдат и офицеров окружённых немецко-фашистских войск наблюдались массовые случаи самоубийства. Раненые солдаты и офицеры по приказу немецкого командования умерщвлялись и сжигались. Так, например, наши войска, захватившие населённые пункты Стеблев и Шандеровку, обнаружили большое количество сгоревших автомашин, наполненных трупами немецких солдат и офицеров.

Операцией по ликвидации окружённых немецких войск руководил генерал армии т. Конев». (т. 6, с. 80–81)

«18 февраля Спали в землянках где было адски холодно А утром нас построили и ведут не извесно куда Прошли с километр нас догнал один начштаба который начал выбирать минометчиков Но и мы попали с другом сюда и он нас повел в Шырмовку где мы отдохнули и пошли дальше в село Муховатку ведет нас старшына Сорока Прибыли и начали разбивать по дивизионам где я и попал разведчиком а друг мой в дивизион командир розчета».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 февраля 1944 года:

«Жители села Вознесенка, Запорожской области, рассказали о зверствах немецко-фашистских мерзавцев: «Гитлеровцы беспощадно и зверски истребляли советских людей. Только за один день они расстреляли свыше ста жителей нашего села. Много трупов женщин, стариков и детей, замученных немцами, теперь обнаружены в колодцах и в оврагах. Накануне отступления фашистские бандиты сожгли восемь средних и начальных школ, больницу, зернохранилище, электростанцию и около 1.300 жилых домов колхозников. Эти чудовищные злодеяния совершили немецкие солдаты во главе с военным комендантом палачом Вирсом. От имени жителей села Вознесенки мы обращаемся к воинам нашей Красной Армии с призывом: «Беспощадно бейте проклятых немцев! Отомстите им за все преступления, которые они совершили на нашей Родине!». (т. 6, с. 84)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 февраля 1944 года:

«При ликвидации окружённой в районе Корсунь-Шевченковский группировки противника взято в плен большое количество немецких солдат и офицеров из дивизии СС «Викинг». Пленные солдаты Людвиг Райман, Венделин Вейс, Гельмут Фогель, Генрих Мюллер, Йоганн Курц и другие рассказали: «Наша дивизия, насчитывавшая около 7 тысяч солдат и офицеров, за две недели потеряла более четырёх тысяч человек. Нам приходилось всё время отступать под ураганным огнём русских. Дороги были запружены брошенными машинами и орудиями. Мы были в отчаянии. В ночь на 17 февраля солдатам выдали по усиленной порции водки и разрешили съесть неприкосновенный запас продуктов. В 2 часа был объявлен приказ, в котором говорилось, что на помощь извне больше нечего рассчитывать. На рассвете была предпринята последняя и самая отчаянная попытка вырваться из кольца. Впереди шла дивизия СС «Викинг», за ней мотобригада «Валония»... Всего в колонне было около восьми тысяч солдат и офицеров. Пушки, автомашины, всё военное имущество и даже личные вещи приказано было бросить. Едва мы прошли 300 метров, как на нас напали русские танки. Они ворвались в гушу колонны и гусеницами утюжили и давили

ряды солдат. За танками появились казаки. Началась такая мясорубка, какой мы ещё нигде и никогда не видели за всё время войны. Вся колонна была уничтожена. Нам удалось спрятаться около разбитых автомашин. На следующий день утром мы сдались в плен». (т. 6, с. 85–86)

«19 февраля Сегодня я познакомился с новыми мне людьми разведчиками Шуралев Лозуков Коба Арыстов Сорока Ребята все хорошие работать нам придется вместе и з этими ребятами можно кое чего сделать».

– Сорока – это наш старшина Николай Сорокин. Со всеми разведчиками, которых я называю, потом крепко сдружился: с Мишей Шуралеёвым, Сергеем Лозуковым, самым молодым в отделении Кобой, Аристовым, Амосом Шитиковым. Были в нашем отделении ещё два радиста: Николай Ольховиков и Капа. Капа стала женой Николая Сорокина, а когда забеременела, её отправили в Среднюю Азию. Там родила сына.

«20 февраля Живем на квартире разведка и радисты все время самодеятельность играем в шахматы радио все время играе Спим лежим находимся на курортах».

– Самодеятельность помогала нам лучше узнавать друг друга. Мы так обнюхивались – кто есть кто. К примеру, Сорокин очень хорошо играл на гитаре, пел одесские частушки. В присутствии начальника штаба батальона капитана Константина Косульникова непременно заводил одну и ту же песню: «Шаланды полные кефали в Одессу Костя приводил, и все биндюжники вставали, когда в пивную он входил», чем всегда вызывал гнев капитана, который не хотел иметь никаких дел с биндюжниками. А мы от души смеялись.

В отделении у нас пели все. Мы часто вспоминали слова преподавателя немецкого языка в полковой школе Тараса Петрика, нашего лучшего полкового певуна: «Даже корова умеет петь, но вы этого просто не замечаете, потому что корова поёт что-то своё... А уж солдат каждый должен петь».

– *Какие песни пели?*

– «Тёмную ночь», частушки Прялкина и Мочалкина. Как потом выяснилось, это были Тарапунька и Штепсель. Частушки все, в основном, были о Гитлере. Они нам нравились. Перед наступлением, обычно, нас не трогали, давали возможность хорошо отдохнуть. Занятия не проводились. Иногда приезжал проверять нашу подготовленность начальник корпусной разведки Соболев. Вначале задавал несколько вопросов по теории. К примеру, показывает где-нибудь в лощинке или на пригорке немецкий блиндаж или огневую точку и спрашивает, как можно скрытно до него добраться ночью, а как – днём?

Главное, за что он нас сильно гонял, так это за владение приёмами рукопашного боя и за меткую стрельбу. Раздавали каждому по три патрона, и ты должен был все три пули вогнать в цель на расстоянии 200–250 метров.

Иногда мы тренировались по пути, как говорится. Едем однажды на своей машине по просёлочной дороге, вдруг, в чистом поле откуда-то курица появилась. Ну, мы друг перед другом стали своё снайперское мастерство демонстри-

ровать. Били по бегущей курице очередями и – никто не попал. Наш водитель Миша Роговский не выдержал, остановился. И тут начальник штаба капитан Косульников выходит из кабины, достаёт из кобуры пистолет и говорит нам: «Смотрите, разведчики, как стрелять надо». Долго целился в курицу, которая уже успокоилась и что-то клевала. Трах... Курица даже головы не подняла. Косульников всю обойму на курицу израсходовал, а потом от стыда опять в кабине скрылся.

Мне повезло: с первого выстрела одиночным из ППШ попал курице в шею. Вообще-то стрелял я хорошо.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 февраля 1944 года:

«Взятый в плен в районе Корсунь-Шевченковский врач немецкой танковой дивизии СС «Викинг» капитан Вальтер Михль сообщил: «Наш лазарет и перевязочный пункт были расположены в Корсуне. За период с 1 по 14 февраля к нам поступило 440 легко раненых солдат и офицеров. Тяжело раненые в лазарет не поступали. Мне известно, что офицеры, выполняя приказ Гитлера, пристреливали всех тяжело раненых немецких солдат». (т. 6, с. 87–88)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 25 февраля 1944 года:

«Пленный адъютант 3-го дивизиона 188-го артполка 38-й немецкой пехотной дивизии обер-лейтенант Бертольд Шихон сообщил: «Солдат всё время уверяли, что принимаются самые решительные меры, чтобы прорвать кольцо окружения извне. В то же время говорили, что семьи солдат и офицеров, сдавшихся в плен, будут поголовно направлены в концлагери». (т. 6, с. 99–100)

«23 февраля все время жили без изменения а сегодня праздник Красной Армии и мы имеем шансы выпить в чем и отличается наша победоносная Красная Армия и сейчас все это заметно Большое оживление Славяне ходят везде подвыпившы и поют песни».

– Этот праздник выделялся среди всех других советских праздников тем, что только в честь него выдавали дополнительно по сто грамм водки не только на передовой, но и в тылу, где водка на паёк не полагалась. Солдаты к этому относились по-своему: «Как у попа причастие...».

Такой праздник был ещё в 43-м году, когда мы надевали погоны. В тот день на каждое отделение ещё выдали по посылке из тыла.

Говорят, что во время наступательных боёв солдат спаивали, чтобы, значит, храбрее были. Это неправда. Перед наступлением нас специально не поили. Но выдавали продукты на пять суток сухим пайком, в том числе и пять порций водки по 100 грамм. Получалась сразу бутылка. Да ещё некоторые отказывались от водки и взамен брали продуктами. А что такое бутылка молодому, здоровому солдату? К тому же, скажем, зимой, на морозе?.. И выпивалась она, как правило, ещё на марше.

Да солдат перед атакой сам не стал бы пить: пьяный человек теряет чувство опасности, а в бою – это верная гибель. Не под пулю, так под осколок подставишься...

Немцев очень часто перед наступлением поили. Приходилось брать в стельку пьяных «языков». Однажды взяли обер-лейтенанта, командира расчё-

та «ванюши». Я обратил внимание, что у него на груди три нашивки, похожие на те, какие мы получали за ранения. А немцам их нашивали за каждую проведённую в России зиму. Значит, обер-лейтенант провоевал в России три зимы, но притворяется, подлый, что не знает русского языка. Встряхнули мы его как следует: «Говори, зараза!» Он только мычит. Потом смотрим, а он пьяный в лоскуты. Наверное, остальные минометчики удрали, а с пьяным командиром возиться не стали, мол, русские подберут.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 23 февраля 1944 года:

«Приказ Верховного Главнокомандующего товарища Сталина о 26-й годовщине Красной Армии вызвал огромное воодушевление и новый патриотический подъём трудящихся Советской страны. На митингах и собраниях рабочие, колхозники и интеллигенция горячо приветствуют славную Красную Армию, любимого вождя товарища Сталина и заявляют, что они обеспечат Красную Армию всем необходимым для скорейшего и окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков.

На Московском металлургическом заводе «Серп и молот» на митинге выступил сталевар тов. Дроздов. Он сказал: «С глубоким удовлетворением и с чувством гордости мы встретили сталинские слова о том, что усилия рабочего класса приближают час нашей окончательной победы... Великий и мудрый вождь призывает нас трезво оценивать силы врага, быть бдительными, не зазнаваться, не допускать самоуспокоенности и беспечности. Мы заверяем товарища Сталина, что советские рабочие свято выполнят его указания. Я обязуюсь с каждой плавки выдавать по 5 тонн стали сверх задания». (т. 6, с. 96)

«28 февраля Этот месяц мы прожили хорошо все время песни игра на гитаре Слушаем концерты по радио которые дает Москва За все время только один раз ездили в лес машиной за дровами а то как-то холодновато в квартире спать и решыли эти трудности одолеть. Но мы с этой задачей справились и сейчас у нас в квартире тепло!

6 марта Вот и прышел тот день которого мы ождали А погода сейчас весняная грязь распутица и машины прыходится то и дело толкать раз два взяли А иногда так запорится что прыходится танком вытаскивать

К утру 7 прыехали в Шырмовку где была дневка и ночлег».

– Конечно, ждали выезда на фронт. Но не так, как об этом говорили агитаторы, мол, ждём не дождёмся, изо всех сил рвёмся на фронт...

Мы знали, что кончать-то войну когда-то надо. И чем скорее, тем лучше. Всё равно ведь придётся идти на фронт, не сегодня, так завтра. С каждым выездом на фронт мы связывали приближение конца войны.

О смерти никогда не думалось, и страха не было. Но тот, кто раньше был ранен, – по себе знаю – вместе с выездом на фронт невольно ожидал очередного ранения. Случалось, и такое, что перед выходом на передовую кто-то дезертировал. Но это было очень редко.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 5 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта утром 4-го марта... прорвали сильную

оборону немцев на фронте протяжением до 180 километров и за два дня боёв продвинулись вперёд от 25 до 50 километров, ...заняли более 500 населённых пунктов. Особенно ожесточённые бои произошли в районе Белогородка... На поле боя осталось 38 подбитых и сожжённых немецких танков и более 2.000 вражеских трупов... В другом районе части Н-ского соединения уничтожили до 4.000 немецких солдат и офицеров, свыше 60 танков и захватили бронепоезд... В течение двух дней разбито 4 танковых и 8 пехотных дивизий немцев». (т. 6, с. 113)

«8 марта Сегодня женский праздник. А мы двигаемся дальше и обратно путаемся в грязи по уши А вечером пешком я обратно вернулся в Шырмовку и ночью обратно своих догнал Они болтались в грязи».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта продолжали наступление... Отступая под ударами советских частей, немцы бросают завязшие в грязи танки, орудия и автомашины. Особенно ожесточённые бои идут в районе города Староконстантинов, являющегося важнейшей базой войск противника... В течение дня в этом районе уничтожено до 3.000 немецких солдат и офицеров, 25 танков и самоходных орудий. На другом участке немцы бросили в контратаку около сотни танков. Наши танкисты, артиллеристы и бронейщики сожгли и подбили 42 немецких танка и отбросили гитлеровцев». (т. 6, с. 117)

«9 марта Продолжаем свое плавание по грязи целый день сунемся 8 кл. Здесь грязь просто невыносимая и приходится каждый метр силой брать чтобы протолкнуть машину Машины все время работают с ужасным ревом».

– Это мы добирались до считавшейся стратегической дороги на Шепетовку. Машины у нас разные были: ЗИС-5, «полуторки», английские «доджи» – английская королева 5000 подарила, из них 1-й танковой досталось много.

ЗИСы и «полуторки» ещё кое-как ползли, а приспособленные только для хороших дорог «доджи» танки тащили на буксире. Солдатня – пешком. Если танков нет, или не хватает, чтобы взять на буксир все машины, мы лезли в колею и, набирая грязь в сапоги, толкали машины. Потом так и хлюпали с грязью в сапогах, пока она там на высохнет.

А если повезёт переночевать в хате, то было не до стирки и не до сушки. В одну хату набиралось столько народу, что лечь места не хватало, ночь приходилось проводить сидя. Поэтому кто входил первым, сразу старался занять место под столом. Только там и можно было спать лёжа.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 марта 1944 года:

«Ниже публикуется акт о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в городе Ровно: «Шестого ноября 1941 года немцы согнали на площадь значительную часть населения города. Вся площадь была запружена людьми. Многие женщины пришли с детьми. В 10 часов утра немецкая жандармерия погнала эту огромную толпу за город. Здесь у заранее вырытых рвов и ям немцы начали кровавую расправу над советскими людьми. Три дня продолжались расстре-

лы. Многие разутыми и раздетыми по двое суток дожидались казни. Палачи заставляли их засыпать землёй ямы, наполненные трупами. Детей гитлеровцы живьём бросали в ямы и кидали туда ручные гранаты. За три дня фашистские людоеды убили около 16 тысяч мирных жителей. Кроме того, много советских граждан гитлеровцы замучили и расстреляли в тюрьме. В центре города немцы устроили виселицы, на которых вешали советских патриотов». (т. 6, с. 120)

«10 марта Сегодня с утра стоим отдыхаем а з 12 ч. дня двигаемся дальше Здесь дорога идет хорошая – асфальтирована и мы несемся на запад с головокружательной скоростью Едем через те города где я в 41 году отступал с Польши дрался за каждый дом А теперь 44 г. и я узнаю где у нас была оборона улицы дома где приходилось быть Козятин Комсомольское Бердичев где простояли до 12 ч. ночи а потом поехали дальше Я спал и незнаю деревень по которым мы ехали

11 марта Сегодня после длинного переезда остановились сварить завтрак позавтракав мы с одним другом Зелинским уснули в сарае а машины ушли и мы сейчас чапаем пешком по каше за машинами следом в Шепетовку но вскоре мы догнали автоколонну они проехали кл. 5 и остановились заправятся и продолжаем ехать дальше К вечеру мы проехали городишку который совсем почти разбит Изяслав Здесь мы остановились на ночлег здесь я ночью в одной молоденькой вдовушки ночь проспал хорошо

12 марта Продолжаем путь дальше едем целый день и останавливаемся в одном леску возле деревни Чижикова Ночуем в машине студобекер».

– Подобных «студебеккеру» машин у нас в то время не было. Считалось, что для него преград не существует – он же с тремя ведущими мостами. Но если уж и «студебеккер» застрянет, то солдатской силой его уже не вытащишь, только танком.

«Шевроле» был хороший грузовик. Особенно нашим фронтовым шофёрам нравились его гидравлические тормоза. До этого мы не знали, что такие существуют. У наших машин механические. Если приходилось резко тормозить, тяги гнулись, и машина выходила из строя.

«14 марта Стоим в этой деревне 2 дня А в ночь выежаем дальше Едем целую ночь По грязи двигаемся медленно машины то и дело застряют Утром зготовили завтрак позавтракали и дальше на запад А к вечеру доехали до селения Елизавет-поле в котором ночуем Здесь как раз старая граница польская

16 марта Продолжаем движение Переехали польскую границу которую я пересекаю третий раз К вечеру выехали на тарнопольскую соше по которой мы несемся выхрем и к ночи прыежаем в г.Збараж в котором останавливаемся ночевать».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 марта 1944 года:

«В течение 6 марта войска 1-го Украинского фронта, продолжая развивать наступление, овладели районными центрами Тарнопольской области городом Збараж.». (т. 6, с. 114)

«17–18 марта Стоим в Збараже городок хороший но здорово разбит Жытели хорошо относятся к нам Я приболел здесь температура была 40 но я не лежал мне не хочется болеть и я стараюсь размяться».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 17 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта, развивая наступление, 17 марта в результате обходного манёвра овладели городом Дубно – важным опорным пунктом обороны немцев на Львовском направлении, а также с боями заняли более 40 других населённых пунктов...». (т. 6, с. 132)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта в результате двухдневных упорных боёв 18 марта овладели оперативно-важным узлом железных дорог и городом Жмеринка». (т. 6, с. 134)

«19 марта Сегодня едем дальше в село Стриевка в которой остановились на квартире где файная дивчина Я вел разговор с одной прекрасной полячкой но она почти не знает русского языка и на все мои вопросы отвечала либо "так-так!" либо "прошу-прошу" А если за нее возьмёся говорит "так не файно пане" Я плюнул и ушел А она постояла в недоумении и ушла тоже».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта в результате обходного манёвра и атаки с фронта 19 марта овладели городом Кременец – мощной естественной крепостью на хребте Кременецких гор, усиленной немцами развитой сетью искусственных оборонительных сооружений, а также с боями заняли более 40 других населённых пунктов...». (т. 6, с. 137)

«20 марта Стоим на месте Спим отдыхаем к предстоящим боям А вечером пошли на разведку дороги и нашли что лутше всего проехать по железной дороге и сейчас выежаем на передовую».

– Очень часто железную дорогу использовали вместо автомобильной. Ехали прямо по шпалам. Страшная трясучка, после которой тебя ещё какое-то время продолжало трясти словно в лихорадке. По таким, да и по другим раздолбанным фронтовым дорогам ночью (а передвигались в основном ночью), когда в целях маскировки фары включать нельзя, на левое крыло машины обязательно ложился солдат. Его называли корректировщиком – он подсказывал водителю дорогу. Кроме того, солдаты стояли на левой и правой подножках. Это фронтовые машины так ходили. И опоздать в назначенное место и к назначенному времени нельзя было – считалось невыполнением приказа. А тыловые (с боеприпасами, горючим, продовольствием) обычно от нас отставали. Им подавай накатанные дороги. И самое плохое, что за это доставалось тыловым шофёрам, это – наши матюки. На войне всегда так было: кто впереди, с того и больший спрос.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта 20 марта в результате штурма и обходного манёвра с флангов овладели областным и крупным промышленным центром Украины городом Винница, превращённым немцами в мощный опорный пункт обороны на Южном Буге, а также с боями заняли более 30 других населённых пунктов...». (т. 6, с. 139)

На передке

«21 Марта с 4-00 началась арт подготовка такая что все гремит нечего не слышно вся земля качается от разрывов потом пошли Илы петляковцы бомбить после всего пошли танкы заглушая своим ревом пулеметную и автоматную трескотню фрицы сразу дали драп марш кто жив остался всю свою технику оставили везде валяются трупы».

– Чаще всего прорывали линию фронта так: начинала артиллерия, затем основное делала пехота, а танки уже вводились в прорыв колоннами, чтобы дальше развивать наступление с высоким темпом. Это был так называемый «чистый прорыв». Тогда пехота садилась на танки, а немцы драпали изо всех сил. Если же пехота застревала в немецкой обороне и даже при поддержке артиллерии ничего не могла сделать, то в боевые порядки разворачивались и танки. В этом случае темп наступления терялся.

В обороне немцы держались стойко. Но когда мы прорывали фронт, они, как правило, сразу начинали отступать – не цеплялись за каждый клочок земли, как мы. Может быть, поэтому нам практически никогда не удавалось заставить их занять оборону на невыгодных, заранее не подготовленных позициях. А когда в сорок первом, в сорок втором мы отступали, так о подготовке или выборе позиций для обороны мало кто заботился. Грязь – не грязь, шлепайся и окапывайся.

Поэтому, когда прорывали оборону, стремились не дать немцу остановиться. Надо было гнать так, чтобы он не успел закрепиться на заранее подготовленных запасных позициях.

Правда, когда мы развивали наступление, случалось, в нашем тылу оказывались даже отдельные немецкие гарнизоны. Но это обычно были те, кто о нашем прорыве по каким-то причинам ничего не знал. Хотя немцы почти всегда были хорошо осведомлены о наших планах и делах. И не от "языков", а в основном – из радиоперехватов. Они следили за работой каждого нашего радиста и знали их, можно сказать, лично. К примеру, только Ольховиков выходил в эфир, как на этой же частоте на плохом русском языке слышалось: «А, Коля? Здоров, Коля! Мы с тобой встречались... там-то...». Или – что-то в этом роде. Однажды говорят: «Коля, почему вашу Гапу не слышно? Где она?». Коля отвечает: «Мы её отправили рожать...».

«Прорвав оборону мы стремительно двинулись вперед прыследуя фрицев которые здаются в плен в этот день продвинулись 45 кл. Ночью ходил в разведку Темно хоч глаз коли по пахоте ели ноги переставляли Липнет грязь к ногам Каждая нога весит пуда тры».

– Сорок пять километров за один день, да ещё по бездорожью – это был очень высокий темп наступления.

Немцев, которые сдавались в плен, мы не убивали. Последнее время так их даже не охраняли. Бывало, наш командир роты давал старшему группы военнопленных записку о том, что столько-то человек он направляет в тыл. Однажды я подхожу с такой запиской к немцам, спрашиваю: «Кто тут у вас командир?». Они вначале не признавались, думали, командира расстреливать бу-

дут, ну – как у них. Когда же спросишь: «Кто у вас коммунист?», коммунистов находилось много. Тогда все немцы хотели быть коммунистами... И вот эта группа идёт самостоятельно до самого лагеря. Если их кто-то останавливает, они показывают выданную им записку, и их с миром отпускают дальше.

– А были такие, кто мстил пленным?

– Конечно, были. И немало. Один раз из-за пленного, которого мы взяли в поиске, меня чуть танком не задавили. Свои же танкисты. На передке мне приказали отвести его в штаб корпуса. Пожилой. На фашиста не похож. Видно, что сельский мужик. Мне по дороге всё рассказывал, что у него «кляйне киндер». Я ему по-русски отвечаю, что «для кляйне киндер ты слишком стар». А он мне объясняет, мол, женился поздно. Но я ему не верил, потому что знал: он боится меня... Если один автоматчик ведёт куда-то в лес, значит расстреляет. Вот и пытался меня разжалобить.

Только я его из леска вывел, а тут танки с пригорка спускаются. В это время они как раз выдвигались к передней линии. И вдруг один танк на полной скорости поворачивает в нашу сторону. Из открытого люка механик матом кричит. Я вначале не сообразил, а потом вдруг понял: хочет немца задавить. А ты, славянин, мол, отойди. Оставались какие-то метры... А он как летел, так и летит. Я прыг в сторону. Смотрю, и немец за мной! Танк – мимо...

После этого немец уже не отходил от меня ни на шаг. А как появлялись танки, крепко цеплялся за мою руку и прятался за спину. Так вышло, что, взяв в плен немецкого солдата, я потом защищал его своей грудью.

Привожу его в разведуправление корпуса. Там сидит дежурным молодой лейтенант. А меня в полку предупредили, чтобы в штабе корпуса я обязательно взял расписку о приёме пленного. А то не засчитают...

Стал я лейтенанту об этой расписке толковать. А он и слушать меня не хочет:

– Отведи к оврагу и расстреляй.

– Зачем, товарищ лейтенант? Ведь брали в поиске...

– А куда я его дену? У меня людей нет – некому пленных охранять.

– В таком случае, если вам не нужен контрольный пленный, я поведу его назад.

– Конечно, не нужен. Он – рядовой, а мы таких много уже допросили...

Но я знал, что в полку его тоже некуда деть, и стал упрашивать лейтенанта, рассказывать, с каким трудом брали его, как разведчики чуть не погибли в этом поиске... Наконец, лейтенант молча подписал уже заготовленный бланк расписки в приёмке пленного и повёл немца куда-то во внутренние комнаты штаба. Что было с ним потом, я не знаю.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 21 марта 1944 года:

«Жители села Ново-Мыиск, Ровенской области, рассказали о зверствах немецко-фашистских захватчиков: «Тяжёлые страдания и неслыханные издевательства пережили мы за время фашистской оккупации. Гитлеровские изверги нагло заявляли, что украинцев они не считают людьми. В первые же дни оккупации нашего села немцы отобрали у крестьян землю, которую им дала советская власть после присоединения областей Западной Украины к УССР.

Землю вместе с посевом захватили немецкие колонисты. Гитлеровцы вконец разорили всё население и обрекли его на голодную смерть. Немецко-фашистские палачи замучили и расстреляли многих ни в чём не повинных жителей нашего села». (т. 6, с. 141–142)

«22 марта Продолжаем прыследовать немцы бросают все машины повозки з грузами и нам достаются хорошие трофеи ром всевозможна жратва наши танкы с флангов обходят перерезают дорогу а по за дорогой грязь чорт сам не проедет и немцы бросают машины пытаются убежать сами но здесь пехота тут как тут На одном прывале нам объявили тревогу в руже немецкие автоматчики шли в контратаку но оказалось они прышли здадутся человек 200 в этот день мы продвинулись 40 кл».

– Как поступили с этими пленными?

– У нас в полку охранять их некому было, а при штабе танковой бригады для этих целей существовало специальное подразделение. Поэтому мы отправили пленнх в штаб бригады. К тому времени в бригаде их было уже тысячи полторы.

Из трофеев брали в основном еду или выпивку, в качестве игрушек – немецкие пистолеты. Когда попадалось барахло, складывали его в мешки и – в машину. Бывало, столько натащим этих мешков, что в кузове самим места не оставалось. Тогда создавалась так называемая нейтральная комиссия, которая проверяла мешки и всё, что «не нужно для войны», выбрасывала за борт. В этом случае оставались только одеяла, чтобы ночью можно было укрыться. А в Польше у нас много было перин, на которых хорошо спать и сидеть в дороге.

Но ничего такого, чтобы лично присвоить, тем более отправить домой, не брали. Даже в мыслях этого не было. В Польше, например, одеяла хорошо шли на самогон. Кстати, на самогон меняли и свои плащ-палатки. А зачем она была нужна, если под дождём в ней за час промокаешь? Родимая солдатская шинель спасала нас и от холода и от дождя.

Из машин забирали аккумуляторы и запчасти. Оставшееся растаскивали местные жители. Бывало, едешь по тылам через несколько дней после того, как здесь прошли наши войска, и видишь, что от машин почти ничего не осталось.

Трофейное оружие тоже использовали. К примеру, много летало "мессершмиттов" с ярко нарисованными большими звёздами – чтобы наши зенитчики их не сбивали. Мы применяли немецкие мины. Правда, они были 119-миллиметровые, но из наших 120-миллиметровых миномётов ими можно было стрелять не прицельным огнём, а по площадям.

«23 марта Мы подошли к городу Чиртков в котором немцы организовали оборону но не долго держалась эта оборона за два часа город был взят и в городе осталось много разных трофеев Машины танкы склады разные Я первый попал в военгородок где немецкие казармы были Там был готов завтрак тарелки с супом стояли на столе. Они даже не успели позавтракать. И сейчас они шагали в глубокий наш тыл под конвоем За городом

много машин бросил около 3 тысяч эту автоколонну обошли наши танкисты и всех шоферов какие не сдавались в плен перебили а их было здесь негде было пройти да и генерала какого то хлопнули На машинах было разное барахло которое они награбили в советских жителей кур живых свиней словом все что им попадало под руки Словом всякой разности здесь было много но а нам больше нечего и не надо вышить закусить и больше ничего».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 24 марта 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта, продолжая успешно развивать наступление, за четыре дня наступательных боёв продвинулись вперёд от 60 до 100 километров, овладели городом и оперативно важным железнодорожным узлом ЧЕРТКОВ (выделено.-В.М.), районными центрами Тарнопольской области – городом Гусятин, городом и железнодорожным узлом ЗАЛЕЩИКИ (выделено.-В.М.) на реке Днестр..., а также с боями заняли более 400 других населённых пунктов...»

В этих боях войсками 1-го Украинского фронта, по неполным данным, захвачены следующие трофеи: танков и самоходных орудий около 300, броневых автомобилей и бронетранспортёров – 120, орудий разных калибров более 500, миномётов – 490, пулемётов – 760, автомашин более 5.000, 8 железнодорожных эшелонов с танками и другими военными грузами, складов разных – 30. Противник оставил на поле боя до 20.000 трупов солдат и офицеров. Захвачено в плен свыше 3.500 немецких солдат и офицеров». (т. 6, с. 145)

«24 марта все прыследуем и сегодня мы добрались до Днестра здесь немец на протяжении 15 кл. все забил машинами а сам пытался спастись бегством но здесь автоматчики их отозволили от тяжелой беготни И вот мы в городе Залещыках где идет граница с Северной Буковиной румыны пытались задержать нас на Днестру ну их как жыманули они и смазали пятки во свояси кудато в Бухарест А мы начали строить переправы машины танки вплавь перешли и погнали мамалыжников которые чапают без оглядки к Антонеску и уже наши ныдалеко от Черновиц».

– С румынами я познакомился под Сталинградом. Мы знали, что немцы им не доверяли, снабжали их плохо. Но и солдаты они против немцев – второй сорт. В тылу грабили наше население, последнее забирали. Итальянцы тоже были не воины. Под Сталинградом приходили сдаваться без боя. Бросали нам под ноги свои винтовки со словами: «Тебе это нужно, а мне дай поесть!».

«Здесь мне как то непрятно было как только вошли женщины целуются цепляются на шею а одна старушка поцепилась на шею ели вырвался».

– Поляки нас встречали так, что продвигаться войскам не давали. Лезли прямо под колёса, под гусеницы, обнимали нас, целовали, угощали чем могли. А потом все вдруг переменялось. Одному в тылу на польской земле опасно было ходить – убьют! Часто пропадали солдаты. А через некоторое время мы находили их трупы, которые поляки и не пытались прятать. В нас стреляли из

трофейного оружия, кололи вилами.

Мы не сразу поняли, что, встречая нас как освободителей, они в то время не предполагали, что им придётся отказаться от своего довоенного образа жизни. Конечно, они не хотели установления нашего строя, были запуганы советскими колхозами. С этим мы готовы были согласиться. Ну так при чём тут солдат?..

Поляки к земле относились свято. Если скажешь красивой полячке, что у тебя в России 5–10 гектаров земли, она тут же обещает выйти за тебя замуж. Но, правда, с оговоркой: только после войны. Озлясь, что не получил своё, тут же признаёшься: у нас земли на каждого солдата только по два квадратных метра, на которой ему могилу выроют, а остальное всё – колхозное.

Уходя, немцы запугивали поляков колхозами. А как они умели это делать, мы убедились ещё под Курском. Над одной из деревень немцы сбросили с самолёта еврея с запиской: «Нам он не нужен, а вам будет председатель колхоза».

«25–26–27 марта в Залещыках живем хорошо везде угощают водкой чем попало.

27 марта я поехал через Днестр в Буковину на сахарный завод за сахаром Там на заводе мне румынский инженер дал сахару и я отправился по Днестру в Залещыки по дороге гранатамы наглушил рыбы кг. 12 рыба Мы хороший закусон прыготовили А вечером готова переправа и мы переехали в Буковину Ночевали в одной деревне в которой много хороших девчат.

28 мы прыбыли в Городенко где я напылся как сапожник а ночью ходил с пакетами по всему городу искаая адресатов а город не знаком

29 марта выехали на передовую в г. Тулукмач Часов в 2 мы доехали до Тулукмача где сразу на нашу машину набросились мистера и начали швырять бомбы потом с пулеметов прочесывать. Но нечего он не сделал вокруг хаты побил а мы не вредимы и вот только улетел мы на машину и айда Но вдруг видим уже метров 300 от нас мистера пикируют на нас Я на ходу прыгнул с крыла машины на дорогу и сразу засверкали в меня в глазах разрывные пули которые рвались 3 м. от меня и на них было противно смотреть 3 боку меня загорелась солома и стала догорать до меня тут мистера ушли считая что они с нами разделались но оказалось что они даже ни кого не ранили Только в машине один бак проббили с маслом».

– Тут нашему водителю Роговскому повезло. Мы успели разбежаться, а он упал под заднее колесо. Кузов весь изрешетило, а у него ни единой царапины. Разрывные крупнокалиберные пули не ранили – если уж попадала, то сразу насмерть. Даже винтовочная разрывная, скажем, зацепит руку – словно секирой отрубит её. Шитикову простая пуля ударила в спину, пробила лёгкие, и он остался жив. А я видел солдат, которым разрывная крупнокалиберная пуля попадала в то же место, так в спине – только дырка, а всю грудь разрывало.

И во время и после атаки самолёта мы старались сразу не подниматься. Лучше уж вместе с соломой гореть. Во-первых, от осколков – верная смерть. А во-вторых, чтобы пикировщики побыстрее улетели, надо было притворяться мёртвым – если немец видит, что внизу ещё кто-то шевелится, он будет атако-

вать до тех пор, пока боеприпасы не кончатся. А вскочишь, побежишь – значит, не только себя, но и других подвергнешь быть убитыми.

«...За маскировав машину мы двинулись пешком на передовую где горела вся деревня Только вышли за город здесь показалось 45 трамбовщиков (двухмоторные немецкие бомбардировщики.-Г.Л.) и начали фуговать нам пришлось лежать целый час нельзя было подняться А ночью прибыли мы в деревню Клубовцы где был передний край вся деревня горела и сейчас здесь дым был и дышать было трудно

30 марта Сегодня мы с Шитиковым нашли много немецкого сыру витамин це Сидим п'ем а кругом такой грохот просто ад Катюшы шпят а нам покуда работы нет Нас м-р направил на огневые но по дороге по которой мы пошли простреливал Тигр и нам пришлось ползти по кувету в котором было много грязи и битые мадяры. Самолетов чортова уйма зажгли последние дома которые догорают Мы вышли в густой лес и пошли лесом Солнце зашло и пошел густой снег от которого ничего не видать за два метра К 11 ч. вечера мы добрались до деревни Вербовцы в которой остались до утра».

– В начале войны, после того как видели окровавленные трупы только что убитых, многие есть не могли. А теперь мы к трупам относились, ну, как к брёвнам. К стрельбе, бомбёжке тоже привыкаешь – когда долго находишься на передке. Смерть всё время рядом с тобой ходит. Ты её постоянно видишь в ста, десяти, в одном метре от себя. И всё же о своей смерти не думаешь. Не можешь представить, что вот так вдруг пуля войдёт в твоё сердце – как только что вошла в кочку перед тобой...

Но это не значит, что страшно не было. Страх был. Только он вползал в душу не тогда, когда по тебе стреляют, и ты видишь, откуда стреляют. Тут ты оцениваешь обстановку, у тебя есть варианты спасения. Если есть... Особенно страшно, когда не знаешь, откуда ждать смерти. На минном поле, к примеру. Ночью в поиске, при подходе к немецкой линии окопов. При выходе из тыла на передовую...

До конца правдивых книг, фильмов о войне не встречал. А одна телепередача меня особенно возмутила. В ней рассказывалось, как известная певица Шульженко где-то под Мурманском выступала прямо на передовой. Этого никогда не могло быть уже потому, что даже во время затишья на передке головы поднять нельзя – снайпер сразу снимет. Но, оказывается, после концерта Шульженко даже в разведку ходила. Какая чушь! Нас, разведчиков, столько готовили... Да ещё отбирали самых физически сильных и самых выносливых... Посмотрел передачу – и мне как будто в лицо плюнули...

«1 апреля За ночь выпало снегу по колени и все продолжало идти Метет так завирюха просто настоящая зима. Мы пошли в деревню Пелагичи где и остались на ночь».

– Был ли этот день 1 апреля и тогда днём юмора?

– Да, на фронте его тоже отмечали шутками и розыгрышами. Правда,

розыгрыши иногда были своеобразными и суровыми.

Однажды первого апреля Амос Шитиков зарядил наган, вставив в барабан патроны через одно гнездо. Но сделал это так, что никто не видел. Потом со скорбным выражением лица объявил нам: «Жизнь фронтовая мне так опостылела, что лучше застрелиться». И с криком: «Эх, ма!!!» сделал первый выстрел в землю, а потом приставил ствол нагана к виску и нажал на спусковой крючок.

После такой «шутки» другим шутить уже не хотелось. Все понимали, что могла же произойти трагическая ошибка. Так чуть не случилось в следующий раз, когда Шитиков решил «застрелить» Лазукова, который несправедливо разделил еду. Амос знал, что его наган заряжен через раз, и спокойно так сказав: «Лазуков, за мухлѣж я приговорил тебя к смерти», выстрелил вверх, потом направил наган на Сергея Лазукова. Но что-то его в последний момент удержало, и прежде чем снова нажать на спусковой крючок, он отвёл наган в сторону. Раздался выстрел и на этот раз.

Шитиков всё же доигрался со своим наганом. Однажды, перезаряжая его, он прострелил себе руку. Рана в общем-то пустяковая, но все мы не на шутку испугались. Обратиться в санчасть с такой раной нельзя – сразу признают самострелом. А дальше – трибунал. Поэтому перебинтовали руку сами и на всякий случай решили предупредить заместителя командира полка по строевой части майора Королёва. Мы знали, что он к этому случаю отнесётся правильно.

«2 апреля Сегодня идет снег метель просто как в тундре пурга ночью с одним л – м пошел в р – у (с лейтенантом пошел в разведку.-Г.Л.) Темно метет снег проваливаемся по пояс ... Целую ночь проходили К рассвету только вернулись и упали с ног спать как снопы».

– Офицеры постоянно ходили в разведку? Или только в каких-то особых случаях?

– Наши офицеры владели топографией, конечно, лучше нас. И когда требовалось точно нанести на карту цели, какие-то географические объекты, ориентиры, разведгруппу, как правило, возглавлял офицер. За «языком» разведчики обычно ходили во главе с сержантом.

В тот день мы со старшим лейтенантом Хараханджанцем должны были выйти на нашу 5-ю минбатарею, с которой прервалась связь. Накануне миномётчики притащили своего раненого командира батареи Шевченко. Нет командира, нет связи – батарея считалась неуправляемой. Хараханджанцу предстояло разобраться в обстановке на месте и при необходимости принять командование батареей. Кстати, во всех случаях, когда разведгруппа выходила на нейтральную полосу или на территорию противника, мы всегда должны были, если возникала попутная возможность, брать контрольного пленного.

Задание, которое получили мы со старшим лейтенантом Хараханджанцем, считалось одним из самых простых. Хараханджанц после одного случая стал в нашем полку, как говорили, не в почёте, и ему теперь доверяли только такие задачи. Было это на пасху, в Тлумаче. Зашёл Хараханджанц в церковь. Там как раз шёл молебен. И старший лейтенант решил высказать к этому своё отно-

шение: «Ну что? Поёшь, батюшка? В твою матушку!...». И так далее. «Сейчас сюда придёт НКВД и ты другую песню запоёшь...». Пьяный, конечно, был. Но командование запомнило ему этот случай надолго.

«3 апреля Сегодня немцы пошли в контр атаку Атака была атбита з большими для фрицев потерями. Подобрал хвосты они смылись в Тесминницу на поле боя остались самоходки броне транспортеры и много трупов А мы забились в лес и никак с него не выберимся снегу глубоко».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 4 апреля 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, в результате проведённых наступательных операций с 4 по 31 марта, освободили от немецких захватчиков 41.940 квадратных километров Советской территории, 3 областных центра Украины: Винница, Каменец-Подольск, Черновицы, 57 городов, 11 железнодорожных узлов, 647 крупных населённых пунктов и 3.801 других населённых пунктов.

Развивая наступление, войска фронта вышли в предгорья Карпат и разрезали фронт немцев на две части, лишив его основных коммуникаций...

В результате стремительного наступления ударных войск фронта в районе Скала окружены и добиваются остатки семи пехотных, семи танковых и одной моторизованной дивизии немцев.

В итоге проведённых операций с 4 по 31 марта войска 1-го Украинского фронта нанесли противнику следующие потери:

Уничтожено: танков и самоходных орудий – 1.338, орудий разного калибра – 2.516, миномётов – 1.285, пулемётов – 4.206, автомашин и тягачей – 22.519, бронемашин и бронетранспортёров – 572, самолётов – 272. Противник оставил на поле боя 183.310 трупов солдат и офицеров.

За это же время войска 1-го Украинского фронта захватили следующие трофеи: танков и самоходных орудий – 849, орудий разного калибра – 2.086, пулемётов – 4.223, миномётов – 1.391, винтовок и автоматов – 38.020, автомашин – 31.468, бронемашин и бронетранспортёров – 406, паровозов – 149, вагонов – 6.315, мотоциклов – 1.944, радиостанций – 203, снарядов – 7.634.000, складов разных с военным имуществом – 436, лошадей – 4.528. Взято в плен 24.950 немецких солдат и офицеров.

Таким образом, общие потери немцев по главным видам боевой техники и людям за время операций составляют: пленными и убитыми – 208.260, танков и самоходных орудий – 2.187, орудий разного калибра – 4.602, миномётов – 2.676, пулемётов – 8.429, автомашин и тягачей – 53.987, бронемашин и бронетранспортёров – 978». (т. 6, с. 166–167)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 апреля 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта, нанеся поражение противнику в предгорьях Карпат, вышли на нашу государственную границу с Чехословакией и Румынией на фронте протяжением до 200 километров... Преследуя отходящего противника, войска фронта овладели на румынской территории городом Серет и заняли свыше 30 других населённых пунктов...». (т. 6, с. 172)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 апреля 1944 года:

«Наши войска, развивая успешное наступление между реками Прут и Серет,

заняли более 200 населённых пунктов на румынской территории... Наши пехотинцы и танкисты атаковали батальон румынской пехоты. Под натиском советских бойцов румыны начали поспешно отступать. Немецкий заградительный отряд открыл по румынам пулемётный огонь. Из всего батальона осталось в живых лишь 43 румынских солдата, сдавшихся в плен». (т. 6, с. 174–175)

– В это время немцы несли большие потери, но, по нашим сводкам, их было намного больше. К примеру, после боя на поле остаётся четыре подбитых танка. Кто их подбил – пушкари, пэтээровцы, или они подорвались на минах – трудно сказать. Но когда подавали данные наверх, каждый засчитывал эти танки за свои. И получалось уже не четыре, а двенадцать. В корпусе эту цифру увеличивали штабисты. В итоге выходило, что у немцев на нашем направлении всех танков столько не наберётся, сколько подбито в одном бою.

«10 апреля Жывем помаленько фриц все контратакуе и все его атаки схожы одна на другую после каждой атаки бегит подмыватся в Тисминницы».

– Чем могли отличаться атаки немцев?

– Как правило, они никогда не атаковали однообразно. Если, скажем, с первого раза им не удавалось взять наши позиции в лоб, то потом или в обход наступают, или вызывают авиацию, или перегруппировывают силы. Это мы обычно атаковали однообразно, чаще – в лоб, пока или возьмём их позиции, или почти всех людей положим перед этими позициями. Если же у немцев атаки начинали походить одна на другую, значит всё, они уже выдохлись...

«13 апреля Сегодня здешние жители празднуют пасху А немец предпринял самые ожесточенные атаки но все атаки были отбиты з большими для него потерями все напирал на переправу по Днестру Мы все находимся в Надорожном в Клубовцах в Перламичах Березовке в г.Тулумач Сейчас здесь заметно потеплело в виде весны но мне не верится что еще не будет снегу по характеру здешней дурной погоды

17 апреля Сегодня утром я был в Тулумаче Прыходил за машиной часов у 9-ть Мы хотели ехать только выехали на улицу а здесь немецкая авиация увидали машину и давай друг за другом пикировать А их было 36 шт. Хату под которой мы упали разбил меня крепко дрыном дернуло по спине я думал что осколок мне спину перебил оглянулся а в меня полено на спине Когда улетели долбачи мы побежали к машине Мотор целый только два ската задних побило и стекло а остальное все в порядке».

– Авиация досаждала нам здорово. Если «долбачей» нет, так обязательно «рама» зудит в небе. Случалось, когда долго не появлялись наши самолёты, «рама» снижалась и бросала бомбы. Однажды во время такой бомбёжки её прихватили наши истребители и посадили на поле. Мы всё это наблюдали из леса и сразу бросились к самолёту. Но оттуда по нам ударил крупнокалиберный пулемёт. Мы залегли. Истребители не уходят, машут крыльями, мол, не

упустите «раму», она же может опять взлететь. Наши радисты догадались включиться на частоту лётчиков и услышали такой мат, что тут же из леса вырвался танк. Танкисты подогнали машину к самолёту и придавили его фюзеляж стволом своего орудия.

Но немцы двигатели не останавливают. И только после того, как танкисты сделали несколько выстрелов, вылезли четверо с поднятыми руками, а двое застрелились в самолёте. Как потом стало известно из газет, пилотом одного из наших истребителей в этом эпизоде был Покрышкин. Уже тогда мы много слышали о Покрышкине. Где воевали его ребята, там можно было днём переправляться через реки – они не давали немецким самолётам приближаться к переправе.

«18 апреля Сегодня мы зашли в одну деревню втроем Я Сорока и Амос выпросили ковалок хлеба и банячок молока погода теплая справа от нас виднеются Карпаты со снегом. Завтра мой день рождения и я думаю какое мне счастья будет на следующей год сейчас ровно 22 г.»

– Как местные жители относились к таким просьбам?

– В это время нас встречали уже без энтузиазма. Если мы вежливо попросим, молча вынесут. А если так же молча откажут, мы тогда ищем, на что можно выменять еду. Бывало, ну ничего нет. А знаем, иначе не дадут. Так хоть кусок от старой шинели отрежешь...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 17 апреля 1944 года:

«Немецко-фашистские захватчики и их румынские прихвостни всячески запугивают население прифронтовых районов Румынии дикими небылицами о Красной Армии. Под влиянием этой лживой фашистской пропаганды некоторые жители городов и сёл в Румынии скрылись в леса...»

Когда передовые советские части вступили в город Стефанешти, его улицы были безлюдны, а двери и витрины лавок и магазинов заперты или забиты досками. Только через два часа в городе появились старик и старуха с поднятыми руками. Они прошлись по главной улице, боязливо озираясь по сторонам. Видя, что никто их не трогает, они снова ушли. Некоторое время спустя, из леса, домов и из-за укрытий высыпало много народу. При встрече с советскими бойцами жители вначале переходили на другую сторону улицы и поднимали руки, держа в них белые платки. Убедившись, что им ничего не грозит, румыны совершенно успокоились. Теперь в городе налаживается нормальная жизнь, открылись лавки, магазины, мастерские и парикмахерские.

В селе Чиорногалу румынский крестьянин Василе Косовану сказал: «Нам твердили, что русские будут сжигать наши дома, а нас убивать. Сейчас мы убедились, что всё это немецкие враки. Солдаты Красной Армии культурные люди. Они вежливо обращаются с мирным населением...». Крестьянин села Редеуцы Ион Бодяну в момент прихода наших войск скрывался в лесу. Явившись к вечеру домой, он увидел, что деревня цела, а в его дом никто даже не заходил. Это поразило его. Бодяну заявил: «Нам говорили, что Красная Армия будет сжигать деревни и убивать всех. Поэтому я убежал в лес и оставил всё хозяйство на произвол судьбы. Вернувшись домой, я нашёл всё в полной сохранно-

сти». (т. 6, с. 190–191)

«19 апреля Сегодня день рождения мое и надоб вышить хорошо но получается не так Я форсирую болото по пояс ну сегодня день хороший и я не смерз Прыбыл в Олещызну где мы с Сорокой пошли по лесу добывать сок березовый говорят хороший но это все оказывается фантазия он какой-то прыторный и мы бросили все свои работы по добыче сока

20 апреля Сегодня дождь и мы на мокли как куропатки Меня направили к машине и мы з Роговским копаемся в грязи Машина буксует и мы поздно вечером прыбыли в Жуковцы где замаскировали машину и располагаемся спать».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 апреля 1944 года:

«Ниже публикуется акт о зверствах немецко-фашистских мерзавцев в деревне Подлесцы, Каменец-Подольской области: «За время немецкой оккупации жители деревни подвергались гонениям и неслыханным издевательствам. Гитлеровцы не оставили в покое ни одной семьи, ни одного человека. Они разрушили все жилые и хозяйственные постройки, всё разбили и разорили. Перед отступлением немцы угнали жителей села на станцию Четырбоки для отправки на каторгу в Германию. На сборы давалось лишь 15–20 минут. При обходе домов гитлеровцы расстреливали больных колхозников и стариков. На станцию немцы привели под конвоем много тысяч советских граждан из всей округи и загнали их в вагоны. Когда советские войска стали приближаться к станции, немцы учинили над мирными жителями чудовищную расправу. Два эшелона с советскими людьми гитлеровцы пустили под откос, а два железнодорожных состава облили бензином и подожгли. Остальные эшелоны немцам уничтожить не удалось. Бойцы Красной Армии захватили 90 вагонов, набитых до отказа советскими гражданами». (т. 6, с. 196)

«23 апреля Стоим с машиной в розвалином спиртовом заводе который не попадае под бомбежку Жывем хорошо все время пируем деревня пустая жытели разбежались от бомбежки и мы здесь одни как хозяева».

– К тому времени немцы нас из Тлумача выгнали. Нам с Сорокиным поставили задачу: проникнуть в соседнее с Тлумачём селение и оттуда наблюдать за движением немецких танков. Мы вышли на край села, забрались на крышу дома, стали наблюдать в бинокль. Слышим рёв моторов и выстрелы, а сами танки не видны. Их большой бутор скрывает. Теперь нам можно было возвращаться в штаб полка, который находился в домике лесника. Начштаба нас предупредил, что если мы там штаб не застанем, то должны самостоятельно идти в направлении разбитого сахарного завода в местечке Жуковцы. Когда мы пришли в эту деревню, она была совершенно пустой. Куры, гуси ходят, коровы мычат, а людей нет. Я зашёл на одно подворье, слышу, голодные свиньи визжат. Накормил их ячменём, и они успокоились. Насобирал яиц, из листа железа устроил жаровню, и мы подкрепились яичницей.

– Куда могли убежать жители, если с одной стороны наши войска, с другой – немецкие?

– Убегали в сторону Карпат – там никого не было.

«27 апреля Сегодня мы ночуем на Калачинской шоссе Две машины пого- да плохая идет дождь и очень холодно Немец все время бросается в атаку вот уже 27 дней и все без успеха Катюша то и дело напоминае о себе и фри- цы катятся назад

1 Мая Сегодня мы едем в Якубовку и стоим в саду выпить нечего в честь праздника сварили ведро мандыбурки покушали и думал домой написать письмо но здесь загрохотало все Страшный гул это фрицы полезли в атаку но тут зашыпели наши Катюши Дали огонька ему прыкурить и он успоко- ился не мешая нам праздновать».

– Домой писали мы только бодрые письма. Их читали на полевой почте, и все знали, что о плохом писать нельзя, иначе письмо просто не дойдёт, а ты попадёшь «на карандаш». Поэтому старались писать с патриотическим на- строением – чем больше в письме патриотизма, тем больше гарантий, что его получают. Письма с тыла на фронт тоже проверялись. Я получал такие, в кото- рых отдельные места были замазаны тушью.

«2 мая Сегодня на разсвете обратно пошел фриц в атаку но ему обратно рога збили и несколько Тигров стоят обгоревшие».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 мая 1944 года:

«Первомайский приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Совет- ского Союза товарища Сталина вызвал новый могучий патриотический подъ- ём в частях Красной Армии и Военно-Морского Флота. В тыловых и прифрон- товых гарнизонах, а также на тех участках фронта, где это позволяла воен- ная обстановка, состоялись массовые митинги бойцов и офицеров Красной Ар- мии». (т. 6, с. 214–215)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 4 мая 1944 года:

«Юго-западнее Одессы наши бойцы подобрали раненого командира 1 бата- льона 717 полка 153 немецкой резервной пехотной дивизии капитана Вилли Шульца. Пленный рассказал: «Вечером русские атаквали наши позиции. Ата- ка была так стремительна, что мои подразделения не выдержали натиска и в замешательстве отступили. Впереди солдат бежали офицеры... Я был ранен в плечо и не мог подняться. Солдаты и офицеры видели, как я упал, но никто из них не оказал мне помощи. Каждый думал только о себе и спасался, как мог. Я прослужил 25 лет в немецкой армии, но никогда ещё не видел, чтобы офицеры и солдаты вели себя так трусливо. Они теперь, как огня, боятся окружения русских». (т. 6, с. 216)

«5 мая Стоим в апарели в одном глубоком яру Сюда снаряды не долета- ют только свистят через нас Теперь все эти дни затише только иногда арт перестрелка бывает Сегодня были в Обыртыне ... где видели кино Куту- зов».

– Тогда нам показывали в основном такие фильмы. По-многоу раз смотрели «Кутузова», «Суворова», «Нахимова». На передке, конечно, фильмы не крутили. Да и в ближнем тылу тоже. А в этот день мы, видимо, были глубоко в тылу.

«По 10 мая затише никаких изменений нет стоим на месте. Только и заботы сейчас что варим себе завтрак обед ужын та писма домой пишем».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 мая 1944 года:

«Сломив упорное сопротивление противника, наши войска ночью, несколько часов тому назад, штурмом овладели крепостью и важнейшей военно-морской базой на Чёрном море – городом Севастополь. Тем самым ликвидирован последний очаг сопротивления немцев в Крыму, и Крым полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков...»

В 1941 и 1942 годах советские войска в невиданно тяжёлых условиях 250 дней обороняли Севастополь... В 1942 году только за последние 25 дней штурма Севастополя немцы потеряли до 150 тысяч солдат и офицеров, из них не менее 60 тысяч убитыми. В 1944 году советские войска за три дня штурма прорвали сильно укреплённую долговременную оборону немцев, состоявшую из трёх полос железобетонных оборонительных сооружений, и разгромили немецко-фашистские войска, оборонявшие Севастополь». (т. 6, с. 221–222)

Отдых в деревне Хвалибога

«13 Мая вышли на отдых в деревню Хвалибога дали салют и уехали Мехали машиной ночью через Якубовку в винограде ночевали а утром в Хвалибога».

– На отдыхе мы бывали подолгу. Пока танковая армия восстановит свои потери, пока отремонтируется, пока дождётся новых танков из Челябинска... Бои местного значения были не для нас. Нашу армию, как правило, бросали на большие прорывы.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 12 мая 1944 года:

«Сегодня, 12 мая, в Крыму закончилась операция по очищению района мыса Херсонес от остатков немецко-фашистских войск, разбитых при овладении нашими войсками городом Севастополь.»

Всего за период Крымской кампании с 8 апреля по 12 мая... противник потерял убитыми более 50.000 солдат и офицеров.... Взято в плен 61.587 солдат и офицеров, из них часть раненых.

Таким образом, за всю Крымскую кампанию с 8 апреля по 12 мая противник потерял по главным видам боевой техники и людского состава: пленными и убитыми – 111.587 человек, танков и самоходных орудий – 299, самолётов – 578, орудий разных калибров – 3.079, автомашин – 7.036 и много другой техники.

Кроме того, нашей авиацией и кораблями Черноморского флота с 8 апреля по 12 мая потоплено с войсками и военными грузами противника: транспортов – 69, быстроходных десантных барж – 56... Всего потоплено за это время 191 судно разного тоннажа». (т. 6, с. 233–234)

«14 мая Сегодня роем апарели землянки располагаемся на отдых все оборудуем как можно лучше погода хорошая

15–18 мая все оборудуем для отдыха заниматься начали и 18 прозанимались целый день погода хорошая».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 мая 1944 года:

«Немецкий генерал Дитмар на днях выступил по радио с обзором крымских событий... Дитмар, например, уверял, что разгром немецких войск в Крыму есть не что иное, как «выдающееся достижение немецкого командования». Он заявил: «Нам удалось эвакуировать не только главные силы, но и подавляющую часть охранных частей, прикрывавших эвакуацию основных сил». При этом Дитмар скромно умолчал, к какому же разряду войск – к главным силам или к охранным частям – следует отнести более 111 тысяч немецко-румынских солдат и офицеров, уничтоженных или пленённых Красной Армией в Крыму.»

Взятые в плен немецкие офицеры совсем иначе описывают, как происходила «эвакуация» немецких войск с Крымского полуострова. Пленный начальник штаба 111 немецкой пехотной дивизии подполковник Франц сообщил: «Немецкие войска в Крыму получили приказ Гитлера любой ценой удержат Севастополь в своих руках. К нам непрерывно поступало пополнение. Однако русские

прорвали оборону и заняли Севастополь. Тогда командование отдало явно запоздалый приказ – удерживать мощные позиции на Херсонесе, а тем временем попытаться эвакуировать остатки разбитых войск из Крыма. На нашем участке скопилось до 30.000 солдат. Из них едва ли удалось вывезти более одной тысячи. Десятого мая я видел, как в бухту Камышёвая вошли четыре судна, но вышли оттуда только два. Два других транспорта были потоплены русской авиацией. С тех пор я больше никаких кораблей не видел. Между тем положение становилось всё более критическим. Командир дивизии генерал Грюнер приказал занять оборону в районе Максим Горький. Но солдаты были уже деморализованы. Все бежали к морю в надежде, что, может быть, в последнюю минуту появятся какие-либо суда. Офицеры пытались силой оружия заставить солдат занять позиции, но из этого ничего не вышло. Мы потеряли власть над своими подчинёнными. Всё перемешалось, и кругом царил хаос. Наши потери росли с каждой минутой. Тогда старшие офицеры решили капитулировать. Наша группа численностью до 10 тысяч человек сложила оружие. Вскоре сдались в плен и остальные группы. Это была полная катастрофа немецких войск в Крыму». (т. 6, с. 242)

«19 мая Галиция Сегодня я еду в ш.к. (штаб корпуса.-Г.Л.) на какие то учения Сидим оживаем машины и болтаем с цивильными девками С утра погода была плохая шел дождь а к вечеру Солнце. Яблони цветут красота не верится что война и грохают пушки мешая ликующей природе. Доехали хорошо правда цеп оборвалась и побила кузов

20 мая Целую ночь не спал, ночью бегал по поручениям и как то забрел на квартиру ген-майору откуда меня по шее выгнали. Сейчас ищу чегонибудь пожрать так как у нас хлеб масло кто то стянул А мы тепер ходим и зубами щелкаем, к вечеру возвращаемся в свою часть где идет концерт очень интересный и закончили свой концерт пожеланий нам успехов вперед Катковцы

21 мая Сегодня с утра был хороший солнечный день Мы занимались по бусоли а после обед был дождь мы ходили по деревни Хвалибога искали какихнибудь женщин но здесь все эвакуировались и никого нет одну нашли но наша очередь была сто двадцать первая посмеялись и ушли домой а к вечеру прышол мой друг Лях и мы вспоминали дела 41 г 42 г Какие наши были тогда дела как мы пели когда весь батальон был с Кубани. Тепер все разсыпались все на разных фронтах».

– Из сорок первого и сорок второго, конечно, вспоминалось только самое горькое. Особенно то, как подло относились к нам, солдатам. К примеру, когда мы жестоко страдали от холода, а в суматохе отступления приходилось просто ходить по солдатской одежде – той, которую не успевали раздать, – всё равно надеть две гимнастёрки или двое брюк было нельзя. Тебя могли судить за мародёрство. А за мародёрство расстреливали. И это в то время, когда глубокой осенью у многих из нас не было даже шинелей, когда вещевые склады сжигались со всем содержимым – чтобы не достались врагу...

«22 мая Занятие целый день а вечером был строевой смотр и вручения Орденов. Погода неважная пасмурно и холодный ветер с Карпат

23 мая Сегодня идем на сбор разведчиков занятие проводим в сарае потому что на дворе очень холодно. Как у нас на Кубани зимой ветер дует с Карпат вечером ездил на опирацию в село опирация удалась хорошо все что было надо все достали Теперь осталось найти тетку такую которая может гнать самогон и через 3 дня разлилась волга шырока».

– Это, конечно, была «операция» по добыче сахара.

«24 мая Сегодня у нас в подразделении исторический день вручают гвардейское знамя Знамя вручают ген-майор Попель и ген-майор Дремов все кричим "ура", а вечером устраивается вечеринка. Погода плохая ветер с Карпат и дождь».

– 1-я танковая в то время уже была гвардейской. Теперь гвардейским стал и наш полк.

«25 мая Сегодня продолжаем занятия разведчиков в перерывах боримся бегаем как ребятишки потому что сидеть холодно дует холодный ветер с Карпат а вечером старый сюрприз дождь

26 мая Посещаю зборы разведчиков занятие проходит хорошо но холодно все время дождь ветер и мы проводим занятие в сарае А на перерывах борьба в соломе

27 мая занятие нашей академии проходит в сарае дождь идет по старому и дует холодный ветер. Вечером было у нас совещание где получился неприятный случай наш разведчик Амос немного збалтнул за что его и должны перевести в хозяйство Жалко друг хороший».

– Разведчики должны были держать язык за зубами. Шитиков тогда сказал что-то лишнее кому-то из своих земляков. В наказание его перевели в дивизион к миномётчикам. Разведчиком Амос был хорошим, и потом его всё-таки вернули.

«28 мая Сегодня занятие дождь и холодно а з обед погода восстановилась. Пообедали все вместе как бывало после обед закурыли последний табак попрощались с Амосом Шитиковым и он ушел во второе хозяйство куда его перевели

29 мая Сегодня день хороший теплый и мы занимаемся в поле со стереотрубой

30 мая Сегодня выдался хороший жаркий день и мы занимались тактикой Ходили через Рахию на ст. Окно Сюда и туда зделали 16 кл. за 3,5 часа Скоро но зато были все мокрые как куропатки

31 мая Сегодня был хороший теплый день и мы ездили в квартирерский разезд Мы с Шуралевым забрались в протсклад где разжылись табаку и еще кое чего и вернулись через поле по ржи домой к обеду а под вечер пошел дождь и ветер который меня стал раздражать. Сколькож можно ему подряд итти Чорт возми эти Карпаты и всю Галицию».

– Прежде чем полку передислоцироваться, на будущее место дислокации

посылали нас, чтобы мы точно определили это место, пути подхода к нему. «Квартирерским разъездом» называли в том смысле, что надо найти «новые квартиры». А табак тогда был в большом дефиците. Ведь выдавали нам только махорку, которую мы и называли «гвардейским табаком».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 31 мая 1944 года:

«По приказу из Берлина правящая клика Венгрии путём репрессий пытается заставить венгерских солдат воевать против Советского Союза. Однако, несмотря на террор, многие венгерские солдаты перебегают на сторону советских войск. Только за последние дни на 1-м Украинском фронте на сторону Красной Армии перешло несколько сот венгерских солдат.

Пришедшие в расположение Н-ской части восемь солдат 27-й венгерской лёгкопехотной дивизии рассказали: «На днях офицеры объявили нам приказ командира корпуса, в котором говорилось, что жёны, дети и все члены семей солдат, перешедших к русским, будут расстреливаться. Всё имущество перебежчиков будет конфисковано. Такими приказами предатели венгерского народа думают удержать солдат на фронте и заставить их умирать за Гитлера. Но всех солдат им не запугать. Мы не хотим быть вместе с немцами и поэтому перешли на вашу сторону». (т. 6, с. 261)

«1 июня Сегодня был строевой смотр и зачёт нашей академии правда все прошло хорошо. Под вечер шли две девкы и мы их стали фотографировать стереотрубой».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 1 июня 1944 года:

«На одном участке 2-го Украинского фронта взят в плен унтер-офицер 512-го полка 293-й немецкой пехотной дивизии Вальтер Фатернамм... На допросе он показал: «При отступлении из района Орла мы подожгли деревню Александровка и приказали всему населению эвакуироваться на запад. Три крестьянина заявили, что они останутся в сгоревшей деревне и никуда не пойдут. По приказу командира роты капитана Штейнмеца я их пристрелил. В другом месте при отступлении из деревни мы вывели всё гражданское население, включая стариков и детей. По дороге дети начали отставать и некоторые падали. Два малыша, лет четырёх, упали и уже не могли подняться. Капитан Штейнмец приказал пристрелить их, что и было выполнено унтер-офицером Леопольдом. Через некоторое время упало ещё трое ребят. Я получил приказ застрелить этих детей и тут же выполнил этот приказ»... Вальтер Фатернамм – это не солдат, а убийца женщин, стариков и детей. Таких мерзавцев мог породить только гитлеровский режим». (т. 6, с. 262–263)

«2 июня Сегодня с утра ходили в разведку вернулись к обеду Жара была невыносимая духота какая то. А к вечеру пошел дождь и все освежилось Сейчас сидим на высотке наслаждаемся природой

3 июня Сегодня копали Н.п. часов до 4 а когда прышли то чуть ни сели повара вместе с супом К вечеру пошел дождь. Мы ходили посмотреть кино Кутузов

4 июня Сегодня кантуюсь пишу кое чего и собираюсь пойти в кино Суворов А сейчас лежу на горке наблюдаю за девками в бинокль которые отка-

львают без стыдные номера не замечая что за ними разведчик наблюдае. Ох вы бабы чорт бы вас взял

5 июня Сегодня я ездил на лошади верхом за стереотрубой сиденье свое все разбил что нельзя даже ходить. Погода хорошая».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 5 июня 1944 года:

«Северо-западнее города Тирасполь... противник направил к нашему переднему краю танкетку-торпеду. Младший лейтенант Донцов с группой смельчаков выдвинулся навстречу танкетке и перерезал тянувшиеся за ней провода. Немецкая танкетка была доставлена на командный пункт. Все другие попытки немцев применить танкетки-торпеды не дали никаких результатов. Наши артиллеристы расстреливают танкетки-торпеды, не давая им приблизиться к переднему краю советской обороны». (т. 6, с. 267)

«6 июня Сегодня оборудовали Н.п. целый день истомился до чертиков спину сжег ходил без рубахы Погода замечательна

7 июня Сегодня у меня счастливый день Я получил от Зои письмо которой не видел и не слышал 10 лет. Делали прывязку Погода хорошая

8 июня Сегодня с утра оборудовали Н.п. и делали прывязку маскировку погода плохая сильный ветер и дождь намок как куропатка А Илля Пророк все носится на своей колеснице по небу и издает оглушительный стук».

– В нашу задачу на передовой входило оборудование наблюдательного пункта командира полка. Но, как правило, он там не бывал вообще или бывал очень редко. НП оборудовался впереди первой линии, по-возможности наиболее близко к позициям противника. Находиться там опасно. И потом, НП нужен в основном для корректирования огня, а этим должен был заниматься, конечно, не командир полка.

Оборудование НП – задача очень тяжёлая. По сути дела, за ночь надо было построить блиндаж, тем более в непосредственной близости от немецких окопов. Особенно трудно зимой. Земля мёрзлая, да к тому же на снегу она ночью демаскировала нас. Настоящая беда, когда долбить приходится мёрзлую песчаную почву. Взять её лопатой или киркой куда тяжелее чем землю.

Под Новый, сорок пятый год на территории Польши мы оборудовали НП в направлении немецкого аэродрома. Мороз стоял жгучий, снега намело выше колен. Тем не менее выдолбили мы его за одну ночь. А лес для перекрытия вовремя не подвезли. Предстояло провести ещё одну ночь на морозе, да под носом у немцев.

На следующую ночь стали таскать по чистому полю тяжёлые бревна. Через каждые три-четыре минуты немецкая ракета. Падаем вместе с бревном в снег. Иногда мы – на бревно, а иногда и бревно – на нас. До того намучились, что решили больше не скрываться. Ребята говорили: «Пусть немец светит, чтоб нам было видно, куда носить». Конечно, это уже от отчаяния. Но как мы удивились, что немцы, продолжая пускать ракеты, не стреляли. Думали, на этот раз сачканули: ракеты пускают из блиндажа, а для наблюдения на мороз не выходят.

Утром начался бой. В это время на построенном нами НП находились связисты, которые ещё перед рассветом потянули туда связь. Из двоих вернулся

один и сообщил нам, что прямым попаданием блиндаж разнесён в щепки, от его товарища тоже ничего не осталось. И тогда мы поняли, почему ночью немцы нас не трогали. Если бы они не дали нам возможности оборудовать НП в этом месте, мы сделали бы его в другом. К тому же знали, что там может находиться командир полка.

«9 июня Сегодня были стрельбы. Прошли хорошо получили оценку Хорошо. Погода немного возстановилась

10 июня Сегодня было общее построение вручали ордена и был строевой смотр на котором нам прышло попотеть. Погода хорошая».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 10 июня 1944 года:

«Пленный ефрейтор 217-го полка Лео Кламбер сообщил: «...Русские разведчики часто незаметно проникали в расположение нашего батальона, захватывали солдат в плен и уносили наши пулемёты. На днях нам приказали привязать все пулемёты, чтобы русские не могли их утащить. Солдаты смеялись над этим приказом и говорили: «Если русские доберутся до пулемёта, то верёвки их не задержат». Ночью два русских разведчика подкрались к нам, ранили командира опорного пункта унтер-офицера Тормейера, а меня и пулемёт уволокли с собой». (т. 6, с. 273)

«11 июня Сегодня с утра кантовался Ходил к землячкам которые здесь ремонтируют ж.д.»...

– Железную дорогу ремонтировали мобилизованные гражданские женщины. Немцы, когда отступали, за собой разрушали железнодорожное полотно. По нему прогоняли мощный паровоз с крюком, который буквально вспарывал шпалы. Стыки рельсов тоже разрушались. Правда, на своей территории они этого не делали.

Однажды, уже в Германии, мы вышли к железной дороге, по которой шёл немецкий санитарный поезд. Поезд сразу стал сбавлять ход и остановился. Немцы, конечно, думали, что если они будут уходить, то наши танки расстреляют эшелон. Так они сами поступали с нашими санитарными поездами и не сомневались, что так же сделаем и мы. Но я не знаю ни одного случая, когда бы наши танкисты, артиллеристы или лётчики расстреливали санитарные поезда.

На этот раз нам была дана команда двигаться дальше, а с эшелоном разберутся те, кто идёт за нами. Ни одного выстрела в сторону эшелона сделано не было.

«После обед ходил на спортивный кросс А вечером смотрел картину "Она защищает родину" погода хорошая».

– «Спортивный кросс» – это, конечно, не соревнования. Когда кого-то из нас, к примеру, посылали в дивизион, обязательно назначали время, за которое мы должны были прибыть туда и вернуться обратно. Времени давали минимум. Специально для тренировки. И нередко приходилось выполнять задачу бегом. Это мы и называли «спортивным кроссом». А из всех спортивных меро-

приятий у нас было только одно: два солдата становились на четвереньки, их шеи связывали брезентовым солдатским ремнём, и – кто кого перетянет...

«12 июня Сегодня мы с утра устроили баню возле ручья погода была замечательна А сейчас вечер и дождик начал накрапывать

13 июня Сегодня с утра был дождь и мы спали до 12 ч. А после обед ушли на стрельбы результат моих стрельб из 3-х возможных 0

14 июня Сегодня мы были в наряде ночь и до 2-х часов дня Потом ушли на стрельбы которые прошли хорошо 3 влепил А сейчас ожидаем артистов которые должны дать у нас концерт

15 июня вчера был концерт песни и пляски Кавказа Я вспомнил все как я до войны шлялся по Кавказу в Еревани Тбилиси в Батуми Баку Словом они мне напомнили Кавказ который я до войны изколесил весь. А утром была мораль после обед дождь и сон до вечера».

– После того, как арестовали отца, мать снарядила меня в дальнюю дорогу. Я был в семье самым старшим, и она боялась, что вслед за отцом заберут и меня. Так я оказался на Кавказе. Везде – и в Ереване, и в Тбилиси, и в Баку – ко мне относились как к своему единокровцу, а может быть, ещё и лучше. Если бы мне тогда сказали, что возможны такие события, которые начали происходить спустя пятьдесят лет, я ни за что бы не поверил. На фронте национальная рознь тоже не проявлялась. Наоборот, самая крепкая дружба нередко связывала как раз-таки разных по национальности людей. Особенно надёжными друзьями мы считали кавказцев. Дружбой с ними дорожили.

Ещё в сапёрном батальоне я сблизился с чеченцем Иллукаевым. Кормёжка тогда подлая была, всё время голодными ходили. Если Иллукаеву удавалось где-нибудь раздобыть хоть маленькую корочку хлеба, он нёс её мне. Я отказывался, мол, ты достал, сам и съешь. Но Иллукаев тоже не соглашался есть один. И тогда мы делили поровну. Мне никогда этого не забыть. Не знаю, остался Иллукаев жив или нет. Может, всю войну прошёл, пульей не задетый, а смерть нашёл после победы, в сталинских лагерях, куда много попадало чеченцев.

Хотя встречались забавные случаи. Был в нашем полку один якут. Русский язык знал очень подло. Поэтому обучить его ничему не могли. Правда, стрелял метко – видно, охотником был хорошим. Но миномётчикам снайперы не нужны. Поэтому определили его на кухню повару помогать. Однажды повар поручил ему чистить картошку, а он её, наверное, никогда и в руках не держал. Тогда заставил мясо резать. Сам куда-то отлучился. Возвращается, а якут уже половину сырого мяса съел. Повар ахнул и побежал жаловаться командиру взвода управления. Тем взводом тогда командовал лейтенант, огромного роста, злющий матерщинник. Помню только его имя – Иван. В батальоне его все называли Ванька-взводный. Этот лейтенант решил проучить якута. Взял автомат и повёл его в поле, в сторону передка, как будто расстреливать. Когда отошли метров на сто, Ванька-взводный передёрнул затвор и командует: «Стой!». А якут не подчиняется, идёт дальше. Лейтенант снова: «Стой! Стрелять буду, мать-перемать...». Якут продолжает идти. Взводный подумал, что он просто не понимает его русских слов, плюнул и вернулся назад.

После этого случая якут пропал. Как потом оказалось, он от страха ушёл к

немцам. А вернулся дня через два с запиской на русском языке: «Вам – не воин, нам – не язык».

«16 июня Сегодня целый день Сачок Лежали в землянке розсказывали друг другу гражданскую жызнь воспоминали прошедшые бои. И смеялись над девками которые прыходят сюда к ручю стирать белье не замечая нас высоко подымая юбки забродят в воду а мы из землянки наблюдаем в бинокли. Погода хорошая

17 июня Сегодня с утра занятие до обед После обед уснул и чуть не проспал было концерт который у нас ставили сегодня Погода хорошая

18 июня Сегодня с утра занятие до обед после обед получил писма з дому которыми я остался очень доволен и сейчас же дал ответ Сегодня закончил читать книгу "Завоевания мира" погода очень хорошая

19 июня Сегодня поднялся в пол четвертого ездил в лес за дровами от чего получил впечатления Без привычки заболела и спина и бока ведь я уже 3 года как физически не работал и после этой экскурсии даже аппетит потерял обедать не хочется А вечером было кино "Актриса" Погода очень знойная

20 июня Сегодня работал на кухне После чего минут 300 уснул А сейчас вечер и зашел дождь который наверняка даст нам в землянке выпить совсем размочет

21 июня Сегодня целый день сачковал вечером ходил к девкам откуда прышел не солоно хлебавши все как звери от чего у меня аж руки чешутся Погода хорошая

22 июня Сегодня шол целый день дождь от чего лежали в землянке в этот день исполнилось 3 года войны прыпоминали как началась война какой успех мы одержали в этой войне защищая свою родину Кажется что недавно началась война а ведь уже 3 года Это не фунт узюма»...

– Кстати, как солдаты отзывались о Сталине, о политическом руководстве страны?

– Да никак. Боялись? Нет. Солдат перед лицом смерти был как на исповеди, ничего не боялся. Сталину и высшему руководству мы тогда верили больше, чем своим командирам. Пожалуй, сказывалась и вошедшая в кровь чисто военная привычка приказы не обсуждать.

Мой двадцатипятилетний зять как-то говорит: «Зачем такое о Сталине пишут, ведь он войну выиграл». Я ему ответил: «А Сталин мог её и не начинать». Но тогда, в сороковых, это трудно было нам понять.

Во время войны мы возмущались такими фильмами, как «Если завтра война», в котором танки перелетали через речки без мостов. Подобных фильмов к концу тридцатых годов было много. После них складывалось впечатление, будто страна к войне готова, будто оружие у нас самое мощное и современное, а наши офицеры и солдаты – самые подготовленные и отчаянные вояки. Вот в это перед войной мы верили легко. Но потом обман пришлось испытать на своей шкуре. Где были эти летающие танки, когда мы войну начинали с трёхлинейкой на двоих?..

И начинали неправильно. Мы совсем не умели обороняться. Нас этому не

учили и установки на это не было. Если немец взял село, значит обязательно надо его отбить. И вместо того, чтобы организовать сильную оборону, нас гоняли в бесконечные контратаки. Обречённый солдат видел, что впереди его ждёт верная смерть, и в атаку подниматься не хотел. Это в кино только можно увидеть, как все дружно вскакивали вслед за своим командиром. А на самом деле командиры отделений, чаще командиры взводов бегали вдоль лежащей цепи с пистолетом, матюками и пинками поднимали солдат. У этих командиров была горькая участь. Лейтенанты на передовой дольше двух-трёх недель живыми не оставались.

«Я сегодня крепко заболел думал что скоро и не подымуся и целый день ничего не кушал А вечером стало лутше но чувствую слабость в суставах Часов до 12 травили баланды как кто до войны провел время

23 июня Сегодня с утра наблюдения за девками в бинокль за ихней перегруппировкой и обсуждения каждой в отдельности а после обед дождь и сон вечером ушли в караул

24 июня Сегодня с утра серезно заболел пошел к врачу мне дали освобождения и я из наряда ушел в землянку где и лежу заболел крепко Поднять головы не могу Погода хорошая».

Прощай Хвалибога

«25 **И**юня Зборы Крыки шум и досвидания Хвалибога которая мне очень надоела за отдых. Проболел 3 дня а сегодня с радости чувствую хорошо выехали в 8 ч. вечера я даже не оглянулся на эту проклятую деревню ехали всю ночь и часов до 10-ти дня».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 25 июня 1944 года:

«В течение 25 июня западнее города Витебск наши войска, развивая наступление, форсировали реку Западная Двина на фронте 30 километров и с боями заняли более 150 населённых пунктов...

К югу от города Витебск наши войска... с боями заняли более 300 других населённых пунктов...

Таким образом, в ходе наступления наши войска завершили окружение группировки немцев в составе пяти пехотных дивизий в районе Витебска.

На Оршанском направлении наши войска... с боями заняли более 40 населённых пунктов...

На Могилёвском направлении наши войска... с боями заняли более 150 населённых пунктов...

Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление из района юго-западнее города Жлобин, прорвали... сильно укреплённую оборону немцев, прикрывающую Бобруйское направление, на участке протяжением 35 километров и за два дня наступательных боёв продвинулись вперёд до 30 километров, расширив прорыв до 80 километров по фронту. Одновременно севернее города Рогачёв войска фронта форсировали реку Друть и прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника на фронте протяжением 30 километров и продвинулись в глубину на 12 километров...». (т. 7, с. 8)

«26 июня Промахали 90 кл. ехали через Сорокы, Чернятин через Северную Буковину где переправлялись через Днестр на восточный берег в городе Залецькы в которых мы переправлялись и во время наступления дальше ехали деревень селений я незнаю которых мы проехали А сейчас остановились на привал у деревни Колымдяны в лесу где я лежу прыготовился уснуть и записываю дневник под крыки ребят которые тоже размещаются по лесу погода хорошая

27 июня Сегодня мы снова двинулись в путь в 9 00 ч. Ехали быстро, природа кругом красивая меня поражает своей красотой. Проехали множество деревень которые так хорошо расположены на местности. Проехали Гусятин где проходила граница с Польшей повидали свою родную территорию передали ей горячий привет но только не вслух а каждый себе мысленно проехали Скачай и остановились у города Медынь на передышку где я и записываю. Только что вычистил свой автомат, бинокль уснул а ребята ушли сообразить на счет выпить. Проехали сегодня 130 кл. погода прекрасная».

– Всегда ли солдат знал, куда он направляется во время марша?

– Нет, не знал никогда. Раздавалась очень часто совершенно неожиданно

команда построиться или погрузиться в машины, и – вперёд. Куда мы идём или куда нас везут, даже не все офицеры знали. Но нам, разведчикам, которым, как правило, поручалась рекогносцировка будущего места дислокации, такие сведения доверяли. В дневнике я это, по понятным причинам, не записывал. Остерегался одинаково как немцев, так и своих.

«27 на 28 июня Сегодня выехали в 8–00 ч. ехали по проселочным дорогам где так тряско все сидят от боли с посными лицами Ехали всю ночь и пол дня.

28 июня Ехали по границе то и дело то на своей территории то на польской проехали через города Янополь, Каменец Дубно и множество разных деревень в которых названия причудливые Чорта з два запомниш. И вот приехали мы в виде на место в лес и вернулись встречать свою автоколонну. Вот меня сейчас поставили на перекрестке Луцк – Ровно под г. Дубно и направляю свои машины к нашей остановке а сейчас сижу с девками полячками которые кудато шли и остановились возле меня отдохнуть. Болтаем на разные темы но мне здесь некогда с ними Каждый взгляд так и просит пригласи в ресторан Проехали мы сегодня 140 кл. погода хорошая С последней машиной и сам уехал в разположения где дали мне взбук. Зделали себе шалаш с дубовых веток а дождь жарить все мокрые как куры. Я как то в темноте напоролся на одну палатку и завалил ее и вот ложусь спать под интенсивный огонь матерщины. Я отстрелялся тем же».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 28 июня 1944 года:

«Войска 2-го Белорусского фронта, форсировав реку Днепр на участке протяжением в 120 километров, прорвали вторую оборонительную полосу немцев... и штурмом овладели крупным областным центром Белоруссии – городом Могилёв, а также с боями заняли... более 450 других населённых пунктов...

Войска 1-го Белорусского фронта... овладели городом и важным железнодорожным узлом Осиповичи и продолжали вести бои по уничтожению группировки противника, окружённой в районе города Бобруйск... Освободили за день более 200 населённых пунктов... Северо-западнее деревни Ядрово, Витебской области, рота немцев при поддержке двух орудий днём 25 июня контратаковала позиции нашего подразделения. Впереди себя, на расстоянии 50 метров, гитлеровцы гнали толпу женщин и детей. Наши миномётчики дали залп по немцам и метким огнём отсекали их от мирных жителей. Советские граждане начали разбегаться. Немцы залегли и открыли по ним огонь. Стремительной атакой наши бойцы разгромили немцев и освободили оставшихся в живых советских граждан». (т. 7, с. 14–16)

«29 июня Сегодня долго спал Чистил автомат бинокль который на дожде так заржавел что ели до чистился Ходил по лесу рвал клубнику которой здесь воз и маленькая тележка перестраивали свой шалаш по последнему слову техники. Тихо погода хорошая ребята поют баян играе даже сердце как то замирает когда вспомнишь домашние эпизоды в таком же вкусе только не в военной форме Записываю в густом лесу дубовом от которых и света не выдать Ну итти ужинать та залегать в свою берлогу пого-

да хорошая».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 29 июня 1944 года:

«Войска Карельского фронта...освободили от немецко-финских захватчиков столицу Карело-Финской ССР город Петрозаводск, заняли город Кондопога... Враг понёс большие потери. Только на одном участке уничтожено до 3 тысяч финских солдат и офицеров... Советские бойцы освободили 30 тысяч мирных жителей, томившихся в финских концентрационных лагерях в городе Петрозаводске...»

Войска 1-го Белорусского фронта... завершили ликвидацию окружённой в районе Бобруйска группировки немцев. При ликвидации окружённой группировки противника наши войска уничтожили более 16000 немецких солдат и офицеров и взяли в плен 18000 немецких солдат и офицеров». (т. 7, с. 16–17)

«30 июня Сегодня с утра ездили за 8 кл. машиной к речке купатся. Помылись покупались и пошли по деревне в разведку боем с целью узнать какие есть спиртные напитки. Выпить к одним зашли Молодухи которые строили глазки. Я сразу разгадал их тактику что здесь иначе не чего не добьёшь кроме нашего совместного чувства тогда пей хоть бочку но нам сейчас не до этого не когда всего каких небудь 15 м. в нашем разпоряжении. После неудачной атаки мы бросились на следующий участок т.е. в соседний дом. Где и выпили грам по 500 и уехали в свое разположения где получил от брата Миши фото. Под вечер в меня было много скандала которого не хочу даже и писать Прыходил ко мне друг мой Лях поговорили и разошлись Погода хорошая».

– В войну женщины «голодными» были. Уговаривать мало кого приходилось. Особенно в Польше. Там женщины этим занимались даже при своих мужьях. Мы удивлялись и между собой называли их мужиков «недоразвитыми». Называли так ещё и потому, что среди них было немало таких, кто гордился большим количеством любовников у своей жены. Вон, мол, какая у меня жёнка – нарасхват.

Кроме того, на территории Польши во многих домах группами жили молодые женщины, которых немцы вывезли из нашей страны. Особенно много было украинок. Жили они впроголодь, а наши солдаты их подкармливали чем могли.

«1 июля Сегодня до завтрака мораль после завтрака стирал гимнастерку все руки потер но надлежащего вида не добился Я зделал с этого вывод что в этом искусстве у женщин есть талант которого в мужчин нету После чего был вызван в ш. Мне предложыли одну должность от которой я отказался под вечер шол дождь и мы залегли в свои норы. Я получил от Соколовского письмо который был шкет когда я шол в армию».

– В этот день меня вызвал начальник штаба полка майор Косульников и предложил должность командира комендантского взвода при штабе корпуса. Мол, служба почти тыловая, на ней до конца войны можно дожить. А в полку вряд ли живым останешься... И подчеркнул, такое, мол, предлагают не каждо-

му.

«2 июля Сегодня я целый день сачковал и как то мне было не по себе после одной не удавшейся мне истории т.е. лицом в грязь попал. Шол дождь Смотрели кино "Жди меня" замечательная картина».

– «Лицом в грязь» – это значит было стыдно, что мне предложили тыловую должность. Хотя кроме Косульникова об этом никто не знал.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 2 июля 1944 года:

«Сдавшийся в плен в районе Витебска командир 197-й немецкой пехотной дивизии полковник Прой рассказал: «Наши войска не выдержали сокрушительных ударов русских и стали отступать, не имея на то приказа. Русские преследовали нас, расчленили наши полки и наносили им тяжёлый урон. Наше положение ухудшалось с каждой минутой. Полки таяли буквально на глазах. Солдаты бросали орудия, транспортные средства, боеприпасы, военное имущество и даже личное оружие и, как безумные, разбежались. Со мной остались 7 офицеров и 100 солдат. Я приказал всем сложить оружие, и мы сдались в плен». (т. 7, с. 26)

«3 июля Сегодня тоже целый день сачковал все в том же духе а вечером ходил на концерт за что моему другу отвесили 5 суток губы а я как то бортом прошол и теперь ношу ему еду а он сидит как медвежонок в зверинце. Погода меняется то дождь то солнце нечего не поймеш».

– Это Ляха посадили на «губу». Он приставал к одной медсестре, а она оказалась любовницей Косульникова. Другой бы морду набил или ещё жестче расправился бы с солдатом. Но Косульников был не такой. И хотя в тех условиях гауптвахты не существовало, он приказал запереть Ляха в пустой блиндаж.

«4 июля Сегодня продолжение сачкования переписывал и учил песни. А сейчас надо отнести в зверинец покушать он наверное выглядывает меня Вечером получил письмо от Скицкого которого ни чорта не понял Погода хорошая».

Из оперативных сводок Совинформбюро за 3 и 4 июля 1944 года:

«Войска 3-го Белорусского фронта при содействии войск 1-го Белорусского фронта, в результате стремительно проведённой операции с глубоким обходным маневром с флангов, 3 июля штурмом овладели столицей Советской Белоруссии городом Минск, а также с боями заняли более 450 других населённых пунктов...».

В течение 4 июля наши войска на разных фронтах с боями заняли более 890 населённых пунктов.

«При очищении лесов от противника северо-западнее города Бобруйск взята в плен группа немецких офицеров численностью 60 человек и среди них командир 35-го армейского корпуса генерал-лейтенант Лютцов». (т. 7, с. 26–28)

«5 июля Сегодня тоже дурака валял шнырял по лесу рвал ягоды а вече-

ром играл в городки где меня обыграли Ночью была тревога и я несся как Олень рога на плечи и только пятки в жопу влипали Дождь было собрался но разошелся выдать пожалел нашу шкуру которая привыкла хорошо дрожать

6 июля Сегодня я был назначен на одно место которого я не люблю до нет спасу отказать я не мог и пришлось мне его прынять Хуй. Сегодня шел дождь».

– Майор Чернуха всё же настоял на своём и меня назначили его ординарцем. Из уважения к нему я вначале согласился. Но потом пришлось долго уговаривать его, чтобы отпустил обратно к разведчикам.

«7 июля Сегодня с утра лазил по лесу рвал вишни стрелял галок с автомата а остальное время проспал на поляне После обед выполнял одно задание с одним штымпом от чего у нас вышел скандал до д – ы. Погода хорошая».

– Если со «штымпом», то есть с незнакомым мне солдатом, значит было какое-то блатное задание. Могли послать за выпивкой или провести разведку насчёт женщин. Поскольку разведчикам было доверено больше, чем другим, и они больше, чем другие, должны держать язык за зубами, такие задания мы тоже выполняли.

«8 июля Сегодня был в наряде а под вечер быстро все собрались и досвидания Ехали ночью от деревни Бокуйма а через какие хер их знае Я дорогой даже глаз не открывал такая пыль что нельзя смотреть

9 июля Утром рано остановились на отдых простояли целый день и остались на ночь А ребята уехали на передовую а меня оставили за что я был очень злой за то что оставили в этих кустах которые в пыли как черти стоять дотронуться нельзя погода знойная

10 июля Сегодня шлялся целый день по двору Мы стоим в паньском имении между деревень Хроброго и Чаруково здесь эвакуированных много и все девчата но какие то в них рожи не обыкновенные кислые посные с обязанной улыбкой На каждый вопрос только и слышиш "так, так" А сегодня иду в наряд Погода хорошая

11 июля Сегодня читали указ о браке перемещенных славян порядок как нужно ебаться А вечером мы выехали на передовую

12 июля Сегодня я был на передовой но потом меня командировали вверх и предложыли мне одну должность от которой я ели отказался Но не знаю новерно мне еще будет за это трепка. А отуда я ушел пешком а итти надо 40 кл. Но все же под вечер я прышол к своим мокрый всю дорогу дождь мочил костыли болять С часок отдохнул и ушел на передний край на Н.п. Куда прибыл темнело и начал за фрицами наблюдать Только холодно замерз. Целую ноч идет арт минометная перестрелка».

– Майор Косульников приказал мне в этот день доставить в штаб корпуса пакет. В штабе пакет вскрыли при мне и говорят: «Будешь назначен командиром комендантского взвода». Ах, вот в чём дело. Начштаба, значит, решил

действовать таким методом. Нет, не избавиться от меня хотел. Наоборот, Косильников ко мне относился очень хорошо. И я понимал, что это – самое большее, что он мог сделать для меня. Конечно, я снова отказался. Но здесь уже никто не уговаривал. На такую должность желающих было много. Косильников и день, когда послать меня в штаб корпуса, выбрал неслучайный. В этот день наш полк менял место дислокации, о чём он меня намеренно не предупредил. Полк я потом нашёл по следу наших машин.

Сандомирский плацдарм

«13 Июля Сегодня с утра началось наше наступление Сперва сделали хорошую артподготовку потом пошли танкы и пехота С хода сразу овладели передним краем так стремительно что немцы не успели удрать и их забрали в плен Его артиллерия иногда огрызалась но наша им дышать не давала так начали трамбовать что через 5 м. от них ни одного выстрела не было Мы начали за ним по пятам гнаться но впереди нас еще Буг который очевидно немцы укрепили Погода пасмурная».

– Когда мы шли в прорыв, вслед за танками снималась противотанковая артиллерия – чтобы в случае контратаки немецких танков поддержать свои. А за артиллерией начинали двигаться миномётчики. Наш полк, как правило, придавался какой-то танковой бригаде. В своих порядках первыми обычно выходили мы, разведчики, а за нами – связисты.

«14 июля Сегодня идет тяжелый танковый бой воздушный. Перемалывающая немецкую силу с ожесточенными боями мы движемся вперед

15 июля Сегодня немцев обратно потеснили он бросается в контр атаку что стоит ему больших потерь вот уже двое суток стоит не выносимый грохот не хуже чем под Белгородом. А Илы наши все трамбуют его. Погода хорошая».

– Это были бои под Сокалем. Они очень походили на бои на Курской дуге, под Белгородом. Тогда наши танкисты утрамбовали пахотные поля, чтобы на них могли садиться ИЛы. В тех боях ИЛы на свои аэродромы не возвращались, их заправляли прямо на поле. С этих утрамбованных полей каждый самолёт летал на штурмовку до тех пор, пока его не собьют.

Обычный бой начинался так. Ночью – артподготовка часов пять. Рано утром, как правило на рассвете, идут танки и пехота. Артиллерийский огонь в это время переносится с первой линии немецкой обороны на вторую, потом ещё дальше и часа через два прекращается. А в белгородских боях и здесь, под Сокалем, артиллерия, кажется, вообще не прекращала огня. Кошмарный грохот стоял с ночи до ночи.

«15–16 июля за два дня упорных боев прорвали вторую линию укрепления и заняли город Горохув и много других населенных пунктов которых я незнаю. Немец бежит. Мы гоним по пятам

17 июля Сегодня продолжаем двигаться в перед и занят город которого я забыл названия и много населенных пунктов. Дождь сильный идет. Мы все время не высыхаем

18 июля Гонимся за фрицем который убегает во все лопатки стараясь аторваться от нас и задержать нас на Буге. Заняли много населенных пунктов а сейчас записываю свой дневник у деревни Комаров погода хорошая».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 июля 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта, перейдя в наступление, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали сильную, глубоко эше-

лонированную оборону немцев на Львовском направлении и за три дня наступательных боёв продвинулись в глубину до 50 километров, расширив прорыв до 200 километров по фронту». (т. 7, с. 53)

«19 июля Сегодня мы вплотную подошли к Бугу. Отсюда я ходил в разведку откуда вернулся целым и сейчас же форсировали Буг северо-западнее города Сокаль. Фрицы оказывали упорное сопротивление где их попало много в плен. Здесь меня покарябало разорвался возле меня снаряд ободрал правую ногу и плечо друга моего сильно ранило. Я ему оказал помощь и отправил в санчасть Да! Я сейчас за границей мы сегодня ее перешли которая проходила по Бугу. Здесь настоящая Польша. Погода скверная дождь».

– Произошло это по нашей же беспечности. Мы оказались на гороховом поле. Лежим плашмя в горохе и с удовольствием едим его. А на краю поля был колодец с «журавлём». Некоторые подползали к колодцу, чтобы напиться. Немцы, наверняка, видели, что «журавль» «кланяется», и стали бить по нему. Слышу «жииувуу...», и бац рядом со мной. Тот, кто был справа страшно закричал – ему ногу оторвало. А поскольку и мне ногу сильно припекло, я посчитал, что тоже оторвало. Потрогал, есть нога, только полная штанина крови. Зажал раненую ногу одной рукой, другой солдата этого подхватил и потащил подальше от этого гиблого места. Потому что знаю, сейчас немец начнёт сюда беглым бить. Потом из моей разодранной штанины вывалился горячий осколок, который только кожу снёс.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 июля 1944 года:

«На Львовском направлении наши войска, продолжая наступление, овладели районными центрами Львовской области городом Сокаль, городом Мосты Великие, а также с боями заняли ещё более 100 населённых пунктов... В районе севернее и южнее города Сокаль наши войска форсировали реку Западный Буг». (т. 7, с. 55)

«20 июля Сегодня мы успешно продвигались в перед и заняли много населённых пунктов из которых я один запомнил Винники. Населения нас встречает с радостью с цветами очень рады нам и помогают чем могут. 2 раза за день подвергались бомбежке часа по два кружились над головами но к исходу дня наши соколы появились и мы без препятствий двинулись в перед».

– По стилю дневниковые записи во многих местах очень похожи на газетный текст. Видимо, приходилось писать во фронтовые газеты?

– Нет, в газеты не писал и читал их редко. До нас доходила, в основном, только корпусная газета. Её практически никто не читал, потому что почти всё, о чём в ней писалось, нам было уже известно. Однако газета шла нарасхват – на раскурку брали.

– Какая же другая информация опережала газетную?

– От наших радистов. Они сегодня рассказывали нам всё, о чём только через несколько дней напишут газеты. К тому же на каждом танке стояла рация. Правда, включать её разрешалось только во время боя. Но, по нашему мнению, все инструкции касались только командиров, а для солдата не было такого запрета, который бы он выполнял.

«Правда», «Красная звезда», другие центральные газеты оставались у офицеров. Мы видели лишь их обрывки – когда попросишь у офицера бумаги и получишь клочок какой-нибудь центральной газеты.

Политинформации-«головомойки» регулярно проводились в сапёрном батальоне, а здесь их не было. Мы иногда сами подходили к старшему лейтенанту Хараханджанцу. Он – армянин, плохо говорил по-русски, но ответить мог практически на любой вопрос. К замполиту полка мы не обращались – слишком большая для нас шишка. Иногда на отдыхе уделит нам внимание, а так мы его почти и не видели. Агитаторы-офицеры, о которых я узнал только после войны, к нам не приезжали. Парторга полка мы, полковые разведчики, тоже редко встречали – он почти всё время находился в дивизионах и батареях.

Случалось, попадал в руки изданный типографским способом фронтовой боевой листок. А своих листков в дивизионах, в полку мы не выпускали. Беседующего с солдатом на передовой начальника политотдела, как об этом, к примеру, было написано в «Малой земле», я не видел ни разу. Политотделы находились от передка километров за 30–40. Когда посылали с каким-нибудь заданием в тыл, часто поручали забрать в политотделе газеты. Мы хорошо знали: если направляют в политотдел, значит, ты едешь в самое безопасное место.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 июля 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта... штурмом овладели городами и крупными железнодорожными узлами Владимир Волынский и Рава Русская...». (т. 7, с. 56–57)

«21 июля Сегодня ночью заняли штурмом город Тимашов и много других населенных пунктов. Часов у 10 утра нас крепко бомбили немецкие коровы Хейнкеля Бомб сыпали много а вреда нам никакого не прычинили

22 июля Сегодня заняли город Олещыки и Любачев и много других населенных пунктов взяли много пленных водягы сейчас хорошо выпили и затагнули песню про походы».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 22 июля 1944 года:

«Юго-западнее города Владимир Волынский наши войска, продолжая наступление, овладели городом Томашув...

К западу и югу от города Рава Русская наши войска, развивая успешное наступление, овладели районными центрами Львовской области городом Любачёв, городом Немиров, а также с боями заняли более 150 других населённых пунктов, в том числе... железнодорожные станции... Любачёв, Олещыцы». Только в районе Любачёва взято 400 пленных. (т. 7, с. 61–62)

«23 июля Сегодня гоним фрицев без остановки заняли много населен-

ных пунктов и вышли к водному рубежу реке Сан севернее города Ярослав. Самолеты мешают дышать. Под вечер пошел дождь мокрый как курица

24 июля Сегодня мы форсировали реку Сан немецкая авиация напрасно так усердно действовала всеодно славяне форсировали реку. Мы з другом нашли водки и напились лежым та смотрым как мистера пикируют. Дожидаем темноты чтобы в темноте покончить эту фрицевскую песню. Погода хорошая».

– Водку мы случайно нашли в оставленной немцами телеге. Не пропадать же трофею. Правда, накануне или во время боя до пьяна мы никогда не напились, хотя и возможность подворачивалась. Специально для храбрости не напились, потому что все знали: храбрее ты будешь или нет, а вот беспечнее – точно.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 24 июля 1944 года:

«К западу от города Рава Русская наши войска вышли к реке Сан на фронте 80 километров, заняв при этом более 60 населённых пунктов... Наши войска на ряде участков форсировали реку Сан». (т. 7, с. 66)

«25 июля Сегодня бои идут по разшырению плацдарма на западном берегу Сан. А вышень сколько здесь. Мы сегодня сварили курицу которую убили фрицы А прыготовить было нелегко разов 5 прыходилось бросать ведро с курицей а самим прятатся в щели».

– Курица – это уже для разнообразия. Потому что во время боёв старались хорошо кормить. На отдыхе нам было положено 650 грамм хлеба в сутки, на передке – 850. Правда, во всех случаях по 100 грамм сбрасывали на голодающих в тылу детей. И каждый день – по 100 грамм водки. Иногда "задолжают" водку. Это значит ушла наша водочка куда-то налево – или командирам, или старшина на что-то променял.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 25 июля 1944 года:

«Наши войска завершили окружение войск противника в районе города Львов и завязали бои на окраинах города. Нашим войскам сдался в плен вместе со своим штабом серьёзно раненый командир 13-го немецкого армейского корпуса генерал от инфантерии Гауффе». (т. 7, с. 70)

«26 июля Сегодня прорвали линию обороны и вышли на западную окраину города Ярослава ну и жара была фрицы везде засели на чердаках в домах и их прыходилось выковыривать

27 июля Сегодня бои шли по разшырению плацдарма прычем было "ухты" Фриц оказывает упорное сопротивление но все же мы продвигались на всех направлениях погода хорошая».

– «Ух, ты» на солдатском языке означало так: «Мы побеждаем, только наши спины болят». Это значит, что мы наступаем, но нас же и бьют.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 27 июля 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта штурмом овладели городом Львов. Окружённые в районе Львова войска противника разгромлены... Места боёв завалены трупами гитлеровцев, разбитой техникой и вооружением, брошенным противником». (т. 7, с. 75)

«28 июля Сегодня окончательно збили фрицев с ихних насиженных мест и заняли город Ярослав и много других населенных пунктов остановились в деревне Ненадева где нашли водки и думаем газануть прыехали наши ребята которые остались з заду и прывезли нам 500 л. водки вот мы и начали целою ночь кутили з девками поляками прывчем замечаю с удивлением пють водку как воду но я их напоил до чертиков».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 28 июля 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта, форсировав реку Сан, прорвали оборону противника... Стремительным обходным маневром наши части окружили город Ярослав. Вражеский гарнизон ликвидирован. Большое количество немцев сложило оружие и сдалось в плен». (т. 7, с. 77)

«29 июля нас бросили на другой участок фронта поехали через города Прухник Пшевурск и остановились в одном панском имении откуда я водил пленных фрицев чорт бы их забрал сейчас ноги болят».

– Это были уже не те пленные, которых мы тащили со связанными руками, а они кричали: «Вам капут!». Теперь почти все кричали: «Гитлер капут!».

«30 июля поехали дальше зделали за ноч 100 кл. и выехали на передовую деревня Домбровице полякы встречают с радостью цветами забрасывают машины все стоят по улицам словно у них сейчас только на свет родились. Был я сегодня возле реки Выслы река большая как Кубань и мы готовимся форсировать здесь фрицы все держать под обстрелом. Крепко обстреливает переправы которые мы строим но очкы мы ему скоро утрем. Были в городе Баранув полякы нас хорошо угостили водкой рассказывал им что то отчего они смеялись до икоты. Девки "ух" по руски плохо понимают но мне как будто лутше погода хорошая

31 июля Сегодня весь день ездил в разведку лутшей переправы ночью на 1 августа форсировали Выслу Был налет Хейнкилей но их зинитчики с успехом отразили

1 августа Сегодня мы находимся на западном берегу Вислы Бои идут по разшырению плацдарма утром мы налетели на засаду фрицев которые нас обстреляли с пулеметов и автоматов. По пластунски прышлось пули градом сыпались но стрелкы по моему они плохие С выгодной ихней позиции и внезапности они даже ни одного не ранили. Сегодня заняли деревни Осека Грабовец и много других населенных пунктов которых я незнаю».

– Как потом выяснилось, это были мадьяры. Позицию они занимали выгодную (на пригорке в густой роще) и могли здорово нас пощипать. Но, видимо, со страху стреляли не прицельно. Понимая, что мы здесь в роли удобной мишени, в бой не стали ввязываться и отступили. А на другой день эта группа

мадьяр сдалась в плен.

«2 августа Сегодня утром немцы зделали налет на окраину деревни и начали резать мирных жытелей поляков. Их сейчас же выбили, здесь сейчас идут ожесточенные бои за существование плацдарма на западном берегу Вислы Погода плохая».

Скорее всего, это тоже были не немцы. Такие штучки, как правило, проделывали власовцы. Учиняя дикую резню, они выдавали себя за советских солдат, чтобы тем самым вызвать у местного населения ненависть к нам.

«3 августа идут ожесточенные бои по расшырению плацдарма. Больше всего сейчас действует артилерия с обеих сторон у немцев ванюша а у нас Катюши которые дают выпить Ванюше. Идет сильный дождь».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 августа 1944 года:

«Юго-западнее города Сандомир наши войска форсировали реку Висла. Первыми переправились через реку на подручных средствах советские пехотинцы. Затем была организована переправа танков на понтонах и плотах. Немцы построили здесь сильные укрепления, использовав для обороны дамбу. Противник всеми силами стремится отбросить наши войска на восточный берег реки Висла. Однако под ударами советских войск немцы теряют одну позицию за другой». (т. 7, с. 88)

«4 августа Сегодня идут ожесточенные бои. Немцы стараются прорваться в одном районе но несут большие потери

5 августа з боями заняли несколько населенных деревень фрицы бросаются в контратаки но все их попытки вернуть утеряное кончается для их плачевно погода хорошая

6 августа идут ожесточенные бои. В перед продвигаимся медленно. Немцы оказывают упорное сопротивление заняли несколько населенных пунктов погода хорошая

7 августа идут ожесточенные бои с утра до вечера стоит сплошной артиллерийский гул. Заняли несколько деревень. Прыходится выковыривать фрицев с каждого куста каждый метр берем боем

8 августа Сегодня идут ожесточенные бои на подступах... Фрицы несколько раз переходили в контр атаку но результат один и тот же несут только потери. А мы продвигаемся в перед».

– Вперёд, но какой ценой? Ведь у нас тоже были большие потери не только в начале, но и в конце войны. Очень часто просто неоправданные. Которых можно бы избежать. Да командирская прыть мешала: быстрее взять, чтобы быстрее отрапортовать.

Перед моим последним ранением, уже в сорока километрах от Берлина, произошёл такой эпизод. Наши танки накопились в низине, перед железнодорожной насыпью. Мы лежим на насыпи, наблюдаем в бинокли. Немцев пока не видно. Но мы знаем, что это место – за железной дорогой – ими пристреляно хорошо. К тому же они повалили здесь перелесок и тем самым сузили про-

странство, на котором могут разворачиваться в боевой порядок наши танки.

Вдруг залетает в низину «Виллис» и останавливается под прикрытием насыпи. Оказывается, это сам командующий армией Катуков. Конечно, никто не ожидал его появления здесь. А он выскакивает из машины и кричит матом: «Какого ... вы тут сидите?!». К нему подбегает командир танкового полка, докладывает, что дальнейшее продвижение невозможно. На склоне, за насыпью, уже горят четыре «тридцатьчетвёрки». Катуков опять матом: «Да на ... мне сдалась тысяча танков в Берлине?! Там мне будет нужен только один – для парада!». И танки пошли все сразу. Набросились на немцев как кавалерия. Наверное, сотня танков атаковала на таком небольшом участке. Если бы немцы по ним стреляли, не надо было и прицеливаться. А они в панике побежали.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 августа 1944 года:

«Западнее города Сандомир наши войска продолжали вести бои по расширению плацдарма на левом берегу реки Висла... На одном участке танки и пехота противника перешли в контратаку. Советские танкисты совместно с противотанковой артиллерией и мотопехотой отбросили врага. На поле боя осталось 900 вражеских трупов, 17 сгоревших и подбитых немецких танков. Наши танковые подразделения совершили рейд по вражеским тылам. Советские танкисты разгромили штаб немецкого соединения, уничтожили 2 железнодорожных эшелона, много автомашин, повозок и складов противника».
(т. 7, с. 95–96)

«9 августа Сегодня отбили крупную контр атаку немцев. Была рукопашная схватка где русский штык еще раз себя показал. Много немцев перекололи а остальные бежали бросая вооружения».

– У нас в этот день тоже много было убитых. Особенно во втором дивизионе. Он практически прекратил своё существование. Там осталось человек пятнадцать-двадцать, которыми потом латали дыры в других дивизионах. А второй впоследствии, когда нас уже отвели на отдых, был сформирован заново.

Участвовать в такой страшной рукопашной схватке мне больше не доводилось. А вот наблюдать её результаты однажды пришлось. Тогда штрафники прихватили у берега моряков немецкой одерской флотилии. А ведь среди штрафников редко попадались рядовые солдаты. В основном, это были офицеры и сержанты. Воевали они отчаянно. Я ещё никогда не видел такое количество заколотых трупов, как тогда на берегу и на пришвартованных кораблях. И что нас всех поразило: именно во время этого боя штрафники как-то сумели снять с немцев всю их одежду.

«10 августа Сижу на н.п. наблюдаю за противником заметил фрица наблюдателя которому надо дать огонька Характер боя ожесточенный

11 августа Сегодня мы воюем на другом участке где идут ожесточенные бои танковые и артиллерийские а пехота и головы не подымает "ух ты" здесь счастья не улыбается

12 августа идут ожесточенные бои в которых больше всего участвует артиллерия Грохат стоит целый день аж уха болят ат гула "ух ты" погода хоро-

шая».

– Такое творилось, что от земли головы не оторвёшь. Есть приходилось только ночью. Вечером, когда стемнеет, из ближних тылов привозили еду. Бывало привозили и второй раз под утро. С голодом в течение дня ещё можно было мириться, а вот терпеть большую нужду становилось невыносимо. Лёжа ведь её никак не справишь. Хоть в штаны клади. И такое с некоторыми случилось...

А летом, когда такая карусель, так ещё не знали, куда от вшей деться. Лежишь на солнцепёке, потеешь, и в это время они начинают зверствовать. Однажды Амос Шитиков не выдержал. Вскочил в полный рост, глаза стеклянные, и кричит: «Пусть лучше меня немцы убьют, чем воши сожрут!!!» Облегчение наступало только ночью. И если одежду на костре прожарить нельзя было, так хоть раздеться можно догола.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 12 августа 1944 года:

«Западнее города Сандомир противник подтянул две танковые дивизии и утром контратаковал наши части. Вражеские атаки, в которых принимали участие крупные силы танков и пехоты, следовали одна за другой. Завязались ожесточённые бои. Захваченные в плен немецкие солдаты и офицеры показали, что немецкое командование поставило перед своими войсками задачу – разрезать советский плацдарм на западном берегу Вислы на две части и захватить переправы. Противник понёс большие потери, но успеха не добился. Потеряв убитыми более 2.000 солдат и офицеров и 52 танка, немцы к исходу дня прекратили атаки». (т. 7, с. 103)

«13 августа до полдня было затишье а с пол дня арт минометная пальба. Меня оставили со вторым хозяйством. А все ребята вышли на отдых

14 августа Сегодня мы вели наступления при поддержке танков и авиации Но бой был нарастающий ожесточенный при участии большого количества артиллерии Мы перерезали дорогу Сандомир – Апатув. В районе Адамова противник перешол в контр атаку но был отбит с большими для него потерями Бой длился весь день с одинаковой силой

15 августа шли ожесточенные бои весь день Мы продвинулис в перед и заняли несколько населенных пунктов

16 августа Мы продвигались вперед с ожесточенными боями. "Ух-ты" и бои же. По своему характеру такие же как под Белгородом только на узком участке

17 августа немцы по всему фронту перышли в контр атаку при поддержке авиации целый день атбивали контр атаки а ночью мы с м-м пробирались к своим под сильным обстрелом Несколько раз накрывали нас но мы с под самого носа у фрицев ушли. К 5 ч. утра мы выбрались на свою территорию т.е. где были расположены наши части».

– На передовой заместитель командира нашего полка майор Чернуха, когда ходил по дивизионам, часто брал меня сопровождающим. Чернуха даже летом не расставался с плащ-накидкой. Когда под снарядами надо было падать на землю, он успевал подстелить её. Поэтому Чернуху никогда не видели

в испачканном грязью обмундировании. Но эта же плащ-накидка могла и погубить его. Когда идёшь по высокой траве или, ещё хуже, по кустам, она шелестит и не даёт вовремя услышать летящий снаряд. Тот снаряд, что свистит или воет, он уже пролетел. А тот, который шелестит, – это твой. Поэтому приходилось не раз кричать майору: «Ложись!..».

Поднимаясь, он обязательно благодарил меня за спасение. Но с плащ-накидкой всё равно не расставался.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 15 августа 1944 года:

«...В итоге месячных наступательных боёв войск 1-го Украинского фронта, завершившихся разгромом группировки противника на Львовском направлении и освобождением городов Советской Украины – Львова, Станислава, Дрогобыча, Стрыя, Борислава, Самбора и Равы Русской, потери немцев по главным видам боевой техники и живой силе составляют: пленными и убитыми – 172.360 офицеров и солдат, самолётов – 687, танков и самоходных орудий – 1.941, орудий разных калибров – 3.615, миномётов – 3.868, пулемётов – 5.735, автомашин – 11.727». (т. 7, с. 108)

«18 августа Сегодня я чуть передохнул, нахожусь ат передовой 5-ти кл. Сегодня взяли Сандомир за что мы сколько дрались. Я немного атошел от этого адского гула вымылся в бане и лежу под сосной».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 августа 1944 года:

«Войска 1-го Украинского фронта 18 августа штурмом овладели... городом Сандомир... Севернее города Сандомир наши войска завершили окружение группировки противника в составе трёх дивизий и вели успешные бои по её уничтожению». (т. 7, с. 111)

«19 августа Сегодня ремонтировал брюкы гимнастерку Словом по хозяйству справлялся а вечером еду в кишку грохота Так что "ух ты"

20 августа Лях друг мой попал в собачю будку и сейчас пока считается без вести. Я ездил по передовой по старых огневых думал найти убитого но негде нет Значит он жыв а если жыв значит из любого чорта выйdet. Жаль до слез такого друга мы же с ним сначала нашей службы в месте и обратно в Польшу прышли Ну он найдется».

– «Собачьей будкой» называли низину, в которой стоял первый дивизион. Потому что во время боя оттуда нельзя было вырваться – всё вокруг простреливалось. В тот день позиции этого дивизиона проутюжили немецкие танки. Многих передавили. Но не среди мёртвых, ни среди оставшихся в живых я тогда Ляха не нашёл.

А Лях, как я и верил в это, уцелел. Немцы снарядами разбили костёл, но упавшая на землю крыша сохранилась. Под этой крышей Лях прятался несколько дней, пока немцы стояли в селе.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 августа 1944 года:

«Севернее города Сандомир наши войска завершили ликвидацию окружённой группировки противника... В виду отказа сдаться, большая часть окружённых

войск противника уничтожена». (т. 7, с. 115)

«21 августа Утром рано уехали искать Ляха и других ребят. Город красивый. Бои прошли и он прынял свой прежний вид. Правда стекол нету не в одном доме. Здесь красивые сады парки мне напоминает Кубань по передовой шатался один раз накрыл нас Ванюша чуть Богу душу не отдал та спасла канава которая попала на пути. А Ляха все нет под вечер ходил в тылы получил продукты но назад покуда нашол эти чортовы Пикары та Бильча так вместо 5 кл. 25 кл. зделал но зато спал хорошо».

– «Ванюша» – это немецкий реактивный шестиствольный миномёт. Мы его ещё «ишаком» называли, потому что звук, который он издавал при стрельбе, очень походил на крик ишака. Но «ванюша», конечно, не шёл ни в какое сравнение с нашей «катюшей». Если одна «катюша» давала залп всеми шестнадцатью стволами, то в окружности примерно пятьсот метров не оставалось ничего живого.

«22 августа с утра идет сильный бой Ванюша все время кроет и стоит адский гул день а темно стало от пыли и дыма А наша Катюша прыслушивается ещо покуда от нее звука нет Слово осталось за ними. «Илы» начали долбить наступающего противника. Мы тоже получили прыказ и выехали на передовую. Фрицы 2-мя дивизиями пры поддержке танков идут в наступления. Было уже прорвали наш передний край но здесь наша авиация поработала Так набили пизду что он к вечеру замолк и больше до самого вечера не совался. Бой длился с 5 ч. утра до 4 ч. дня.

23 августа Сегодня с утра до 12 ч. дня шла арт минометная перестрелка. А во второй половине дня разгорелся такой бой жаркий загорелись все деревни пыль поднялась как в каракуме Темно как ночью Бой превосходит Белгородские. Не найдеш не одного метра без воронок все избито от деревень остался только один пепел А стрельба артиллерийская та минометная не утихает не днем ни ночью все время стоит гул вечером наши два Илы сыграли по своим».

– Во время боёв деревни, как правило, были пустыми. Жители разбегались куда могли. Но не всегда они успевали уйти. Не раз приходилось в занятых деревнях видеть их трупы. Конечно, погибали они и от немецких пуль и снарядов, но и от наших.

Случались отвратительные истории. Однажды в польской деревне пошёл я ночевать в дом, где остановился Лях со своим расчётом. В доме, кроме хозяйки и хозяина, был их зять, молодой парень. От них мы узнали, что на другом конце деревни есть винные погреба. Я пообещал ребятам принести вина. А когда вернулся с вином, в доме никого нет, только хозяйка причитает: «Забил! Забил! Жолнеш забил!..» и показывает за дом. Я пошёл туда. Там лежат застреленные её муж и зять. Оказывается, сюда ворвался какой-то солдат со звездой Героя Советского Союза на груди, но не из наших, потому что его никто не знал. Ему кто-то из местных сказал, что здесь живут «фолькс-дойч». Вот он и расправился.

Наши ребята чуть было и его самого не застрелили. Лях потом рассказывал:

«Мы его, суку, к той же самой стенке поставили. А он и на нас окрысился: такие вы, мол, патриоты – врагов защищаете... Ну если и «фолькс-дойч», так не тебе же судить их. А он нам: тогда и вы не имеете права судить меня. Это нас и остановило. А так бы положили рядом с поляками».

В общем, отвели этого Героя к командованию. Что было дальше с ним, неизвестно.

«24 августа Сегодня с утра начался бой и к вечеру разгорелся до высшего прыдела. Пехота глубже зарылась в землю пыль от разрывов бомб и снарядов по земле на правом берегу Вислы как густая темная завеса. Солнце падало за горизонт красное и тяжелое уставшее за горячий боевой день. Да и мы за 51 боевых дней прошли большой боевой путь на своем пути с боями форсировали три больших реки. Буг, Сан, и Вислу и сегодня ночью должны выйти во второй эшелон Бой за Сандомир один из победных этапов на правом берегу Вислы

25 августа находимся во втором эшелоне атдыхаем для грядущих боев в которых должны закончить всю эту петрушку фрицевскую. Мне то отдыха почти нет Я все время бегаю».

– Во втором эшелоне мы находились от передка километрах в трёх. Тут мы видели, как работают заградотряды.

Со стороны передовой к нам в тыл едут подводы, бегут местные жители, а заградовцы бьют из пулемётов перед ними по земле или в воздух – никого в тыл не пускают. Я в это время был рядом с Чернухой. Майор возмущается: «Что же они, сволочи, делают?! Разве ж можно так?! А ну пойдём со мной...» И мы пошли навстречу беженцам. Замкомандира полка понимал, что на заградовцев он подействовать никак не сможет – они выполняют приказ. Как понимал и другое: если гонимые страхом беженцы не остановятся, пулемёты заградотряда ударят по ним.

Подбежали мы к полякам и Чернуха стал их уговаривать: «Остановитесь! Бой закончится, пойдёте дальше. Всё равно переправа через Вислу сейчас забита войсками, её постоянно бомбят». Солдата или меня, сержанта, наверняка бы, не послушали. А тут между собой заговорили: майор, мол, сказал, значит надо подчиниться.

Когда начинался бой, заградотряды занимали свои позиции позади нас. Все рослые, здоровые, откуда только таких набирали. Передвигались они на американских машинах с гусеничным ходом, на которых были установлены крупнокалиберные пулемёты. И пока идёт бой, никого в тыл не пустят. Могли пропустить, скажем, танкистов из подбитых танков или связистов, которые с катушками тянули связь в тыл.

После боя заградотряды снимались со своих позиций и уходили. А куда, нам было неизвестно.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 1 сентября 1944 года:

«Наши войска захватили приказ штаба 10-го немецкого армейского корпуса от 6 августа... В пункте первом приказа говорится: «Количество солдат, отбившихся от своих частей, потрясающе велико... Все офицеры, чиновники и заградительные отряды обязаны задерживать отбившихся от своих частей и

предавать их военному суду по обвинению в трусости, которая карается смертной казнью. С такой же строгостью наказывать и за утерю оружия». Во втором пункте того же приказа сообщается: «Каждый солдат, обнаруженный в тылу, позади командного пункта дивизии, будет расстрелян на месте особой командой». (т. 7, с. 139–140)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 15 февраля 1944 года:

«На Ленинградском фронте захвачена в плен большая группа немецких офицеров. Пленный лейтенант 19 полка 10 немецкой авиаполевой дивизии Альфред Берке рассказал: «Наше отступление носило беспорядочный характер. Целые подразделения в панике бросали оружие и отходили без приказа командования. Для ловли солдат, бежавших с поля боя, были созданы заградительные команды. Но они были бессильны что-либо сделать. Часто заградительные команды сами убежали вместе с отступавшими солдатами». (т. 6, с. 77)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 15 мая 1944 года:

«Участившиеся факты перехода венгерских солдат на сторону Красной Армии не на шутку всполошили будапештских наёмников Гитлера. За последнее время во всех венгерских подразделениях, действующих на советско-германском фронте, учреждены жандармские группы. Пленный солдат 7 роты 24 полка 24 венгерской пехотной дивизии Круп рассказал: «В каждой роте теперь имеется по 5 жандармов, которые следят за поведением солдат. Во время атаки они идут за боевыми порядками. При отступлении или попытке солдат перейти на сторону Красной Армии жандармы открывают огонь.

Пленный жандарм 3 роты 3 батальона 1 венгерской горно-стрелковой бригады Дердь рассказал: «В марте меня послали на курсы полевых жандармов в город Рахо. На курсы съехалось по пяти солдат или ефрейторов от каждой роты 1 горнострелковой бригады. После окончания курсов нас направили на фронт. Командир полевой жандармерии находится при штабе батальона. Нам предоставлено право расстреливать солдат без всякого следствия и суда». (т. 6, с. 238)

«26 августа Сегодня я встретил своего друга Ляха который был пропал без вести а сейчас прышол жывой здоровый и готов обратно воевать. Продолжаем стоять во втором эшелоне Только слышно грохот горячего боя

27 августа стоим во втором Я занят целый день Спорю с полячкамы на день 10 раз Думаю переменить эту собачю должность».

– Ординарцем я у Чернухи был хреновым. Потому что всем нутром ненавижу эти лакейские обязанности и не мог их выполнять так, как того хотел майор. Несколько раз я просил его отпустить меня в своё разведотделение к старшине Сорокину (хотя формально я продолжал числиться там), но Чернуха как-то совсем не по-командирски мягко уговаривал меня.

«28 августа Сегодня смотрели концерт Московского малого театра а после концерта обратно занимался там же как по расписанию вечером маленький случай Мне попала в руки полячка в стоделе с которой провозился больше половины ночи а утром нехочется подыматся

29 августа Утром рано встал и крутился целый день. Был шухер с одним поляком которого я легко одурачил и он замолчал

30 августа Крутился как Багдадский Вор Чего выпросиш Чего украдеш Так и стряпаеш Сегодня я получил прыказ получить продукты Будем завтра ехать в командировку в тыл "ура"

31 августа Сегодня утром рано выехали в командировку но нас вернули до особого распоряжения».

Командировка в Киев

«1 сентября Сегодня выехали утром рано в командировку поехали через Сандомир реку Вислу город Майдан, Жешув, Пшевурск, Ярослав, реку Сан переехали свою границу и выехали на свою территорию западной Украины и остановились на ночевку в деревни Завадув здесь есть? То есть? Зеленые шапки работают молодцом».

– Во главе с майором Чернухой поехали на рекогносцировку того места, которое отвели нашему полку для отдыха. Там мы и видели, как «зелёные шапки», то есть НКВД, вылавливают бандеровцев.

Но бандеровцы здесь тоже неплохо поработали. В какое село ни заедем, везде местные жители разбегаются от нас, как будто мы убивать их пришли. Нам вначале это показалось странным. Ведь ничего подобного не было, когда мы наступали и проходили по тем же самым сёлам. Потом выяснилось, что бандеровцы запугивали селян. Каждому, кто будет помогать советским войскам, они угрожали смертью. Поэтому местные жители боялись даже на наши вопросы отвечать.

«2 сентября после завтрака уехали выбирать себе место но только в первую деревню вехали как все жители бегут по полям лесам а деревня пустая как увидят машину так и все и разбегаются. Заехали в лес стали место подбирать Ожыны рвать орехи кто чего как вдруг и наскочили на бандеровцев они сразу бежать Мы за ними выгнали в поле Я уже не мог дальше гнаться а они неслись как олени Я тогда открыл по ним огонь из автомата. Стрелял не целясь так как они были очень далеко после этого еще много выдали этих бандер все убегают и нам нечего с ними возится с ними управятся зеленые шапки а мы отдохнем подучимся и обратно фрицев добивать в своей берлоге. Под вечер мы выбрали себе деревню в которой остановились ночевать Коровица Сама».

– Остановились мы около мельницы и зашли в лес полакомиться ежевикой. Вдруг, из зарослей выскакивает парень и бегом от нас в гущу леса. Через некоторое время за ним – второй... Подъезжаем к мосту, где был пост «зелёных шапок», останавливаемся и видим того парня, который выскочил из зарослей первым. Лежит застреленный. Убили, наверное, только что, потому что энкэвэдэшники как раз выворачивали его карманы. Вытащили портсигар с русскими надписями, больше в дырявых полотняных штанах ничего не было. Оружия при нём тоже не было. Может быть этот белокурый босоногий парень вовсе и не бандеровец, а тот, кто прятался и от нас, и от бандеровцев...

«3 сентября живем в этой же деревне только ездим по соседним деревням по служебным делам где раб отают зеленые шапки Молодцы ребята

4 сентября утром ездили в город Любачев с которого 1,5 м. назад как мы отсюда выгонялы фрицев а сейчас здесь тихо спокойно теперь здесь глубокий тыл ездили на свою территорию где проходит линия Кирзона

5 сентября Сегодня обратно ездил в город Любачев в городе отстал от машины и пришлось мне оттуда чапать пешком дорогой припоминал ка-

кими дорогами наступали. Тогда здесь жаркие бои гремели а сейчас здесь тихо только по лесам бандеровцы шляются подбитые тигры стоят пооб-
растали травой. Прошел 12 кл.

**6 сентября Сегодня с утра ходили по деревни Коровица Сама подбирали
квартиры для ком-состава. Мы и себе подобрали с девахой но моя здесь
роль Солдата Швейка».**

– Останавливаться на ночёвку приходилось с предосторожностями. Чтобы
не сожгли хату, в которой мы спим, на ночь выставляли часового во дворе. А
чтобы не убрали этого часового или на случай, если он заснёт, ещё один из нас
прятался где-нибудь во дворе. Нас с майором и шофёром было всего четверо.

**«7 сентября Сегодня утром рано переехали на другую квартиру где есть
хорошая деваха которую думаю натянуть здесь легко**

**8 сентября Сегодня я получил 7 писем сию строчу ответы ну и по хозяй-
ству кое что делал до поздна играли в карты в Шевца но не Швец мне был
нужен а!».**

Из оперативной сводки Совинформбюро за 8 сентября 1944 года:

*«Наши войска захватили секретное директивное письмо отдела нацист-
ского руководства при 28-ом немецком армейском корпусе за №40/44 от 4 ав-
густа 1944 года под заглавием «Относительно разъяснения событий 20.7.44
года» (20 июля 1944 года произошло покушение немецких генералов и офицеров
на Гитлера). В этом секретном письме сказано: «Фюрер подчеркнул и разъяс-
нил, что в критические моменты исполнительная власть в отдельных райо-
нах не должна быть в руках армии или отдельных генералов. Во время тяжё-
лого кризиса, когда нам угрожает опасность, власть должна находиться в ру-
ках гаулейтеров (местных руководителей организаций нацистской партии)
крепче, чем когда-либо».*

*Таким образом, очевидно, что всё, о чём гитлеровцы ранее сообщали в печат-
ти и по радио о событиях 20 июля, было только дымовой завесой, болтовнёй о
«маленькой кучке заговорщиков»... Это письмо свидетельствует о том, что
гитлеровцы теперь уже не доверяют армии и её генералам». (т. 7, с. 151)*

– Швец – это маленький, хилый мужичонка. В его хате остановился майор,
а мы устроились на сеновале. Швец очень боялся, что после нашего отъезда с
ним расправятся. И всё нам рассказывал, что бандеровцев во много раз боль-
ше, чем мы предполагаем, что их можно встретить всюду и не только ночью,
но и днём. Мы его успокаивали как могли, помогали по хозяйству. Накосили
сена для его лошади, перевезли в сарай.

**«9 сентября Сегодня утром шол дождь. А я метался по своим личным де-
лам которые в обязанности швейка которого сейчас исполняю... Я**

**10 сентября Мотаюсь по хозяйству правда маленькая неприятность
прышлоь на другую квартиру выйти а здесь плохо ходил за продуктами
откуда прышел крайне удивлен**

**11 сентября С утра ездил в лес. А с леса в город Олещыкы который мы
когда то брали боем месяц тому назад видел знакомых жытелей в которых**

мы тогда пьянствовали когда взяли город. Приехал домой как волк голодный

12 сентября Сегодня швейковские хлопоты со своим хозяином имел крупный разговор. Я думал спрыснуть но не удалось. К вечеру дела наладил

13 сентября получал на складе разные тряпки в том числе и себе обмундирования получил Жыву без цельной жызнью никак не клеется одно дело которое можно было обтяпать. Но насчастя "ух-ты" и не как не могу больше встретить».

– Встретить я хотел второго парня, который тогда в лесу от нас убегал и остался жив. Нам одна местная женщина рассказала, что селяне считают, будто это мы специально выгнали тех ребят на пост НКВД, и сообщила, что оставшийся в живых парень – из этого села. Мне очень хотелось с ним встретиться и объяснить ему всё, как было.

«14 сентября Сегодня вся моя деятельность заключается в том что как чорт носился по всей деревне но хуй сним ведь я же Х й!

15 сентября утром рано мой хозяин уехал на целый день а я косил хозяйке своей сено где я стою на квартире Эх здесь какая Краля но чтож нет ходу

16 сентября Сегодня собираемся ехать в командировку в Киев со своим Хозяином он думает заехать в город Фастов где жывет его жена Но ехать еще не знаю когда будем

17 сентября Сегодня воскресения и здесь праздник все ушли в церков я один дома. А с церкви прышли то все время читают молитвы а я шляюсь как дурак нескем и поговорить

18 сентября Сегодня утром мы прыехали во Львов машыной отсюда мы сели на поезд Львов-Киев и поехали через город Коростень, Шепетовка, Новгород-волынск

19 сентября прыехали в Киев С Киева прыцепились на поезд и поехали в Фастов где жывет семя м – а. Нашли квартиру его семи. Где произошла встреча Женой ну а я постоял на улице не удобно было сразу заходить и думал за свою будущую встречу».

– Чернуха о своей семье ничего не знал с того времени, как немцы заняли Фастов, и у него прервалась переписка с женой. Может быть, и в живых никого не осталось...

Когда поднялись на площадку и остановились перед дверью его квартиры, майор сделался прямо сам не свой. Перекладывает шинель с руки на руку, ворошит волосы и никак не решается позвонить. Я говорю: «Давайте шинель поддержку». Он отдал, а потом сразу спрашивает: «А где моя шинель?» – «Да вот же она, у меня». Наконец, майор позвонил. Дверь открыла женщина и как закричит: «Ой! Боже ж мой! Павлуша!!!» Я понял, что это его жена, и спустился во двор...

Через некоторое время Чернуха позвал меня: «Иди, Гриша, ужинать будем». Что в это время испытывал Чернуха, я узнал только через год, когда в июле сорок пятого сам вернулся домой. В поезде у меня украли сапоги и до-

мой я пришёл босиком. Было часов двенадцать ночи. Шёл дождь. Встретила меня собака, заскулила и завиляла хвостом – узнала, значит...

Сел я на ступеньки и слушаю, не раздастся ли в хате чей-нибудь голос. Не было сил сразу войти. Вдруг слышу, в коридоре шаги и незнакомый мужской голос. Тут я подхватился и к двери. Открыл один засов, а другой открыть не могу – уже не по-моему сделанный (засовы эти служили вместо замков, которых тогда было не достать, и делались таким образом, чтобы открыть их снаружи мог только хозяин).

Наконец, открыли изнутри. В коридоре брат Павло и мать. А темно ведь. Узнали друг друга только по голосу. Мать закричала так же заполошно, как и жена Чернухи. Зажгли каганец. Не успели разглядеть друг друга, как его тут же опрокинули. Потом никак не могли найти спички...

«20 сентября Сегодня проснулись поздно все а завтрак нас уже ожидал выпили позавтракали плотно. А вечером пьянка разыгралась до высшего предела Я поддел одну врачичу правда она немолода ей 43 г. но чорт сней сошла».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 20 сентября 1944 года:

«Наши войска захватили секретный циркуляр Геббельса, разосланный командующим немецкими войсками. В циркуляре говорится: «В связи с последними событиями слово «катастрофа» прочно вошло в обиход. Это слово употребляется даже войсками и государственными учреждениями... Я прошу принять меры к тому, чтобы слово «катастрофа» было изъято из употребления, а также из всех организационных планов, приказов и распоряжений, так как оно в психологическом и политическом отношениях производит плохое впечатление». (т. 7, с. 171)

«21 сентября С похмелля гудит голова. А на красотку свою засмотрелся аж за ташнило до чего красивая. Как я с пьяных глаз на такую полез но за то врач работала по всем медецинским правилам. А в 5 ч. уехали на Сорочий Брод к отцу м – а где была хорошая пьянка С одной крутил но лег со сточим сам

22 сентября позавтракали выпили и уехали в Киев своих искать На поезд прыщепились на ходу прыехали в Киев а с Киева в Бравары Там никого не нашли и мы вернулись обратно в Киев в Киеве нашли что нам было нужно и поехали обратно на Сорочий Брод куда прыехали в 12-00».

– В Киеве майор Чернуха должен был получить для полка машины. Но там мы нашли их ещё не разгруженными с железнодорожных платформ. К тому же эшелон этот на несколько дней куда-то утоняли, и у нас ещё оставалось время.

«23 сентября Сегодня целый день пролежал в деревне Свободка а вечером сошлись гости и мы все хорошо выпили до чертиков Одну дамочку натянул.

24 сентября утром мы уехали в Киев поездом а с Киева в Дарницу а з Дарницы на одну станцию которой я не знаю Справылись чего нам надо и

уехали машиной в Киев. С Ю. базы поехали трамваем на подол где у м – а вытащили часы а на квартире пропянствовали всю ночь. Сейчас спать хочется глаза сами закрываются

25 сентября поехали в Святошыно там узнали кое чего и уехали обратно в Киев. Зашли на одну квартиру обождать поезд но увы? запянствовали и прозевали поезд Мы тогда уцепились за товарняк и прыехали в Фастов без особенных преключений

26 сентября Сижу на квартире скучаю один, баба крутится здесь красотка врачца но здесь негде а до вечера она куда-то собралась итти. Надо за другой позаботится

27 сентября Сегодня утром выехали с Фастова в Киев а с Киева в Святошыно где пробыли до вечера а вечером вернулись в Киев ночевать к одной знакомой тетке м – а где хорошо выпили и улеглись спать под веселый хохот девок

28 сентября Сегодня утром хорошо выпили позавтракали и уехали в Святошыно где наши ребята уже получали машины Мы взяли один студобекер и уехали в Фастов Через Киев Мотовиловку Слобидку где крепко выпили после чего прыехали в Фастов а с Фастова мы поехали в Свободяны где нам не повезло пьяные были сильно и застряли в грязи. Мы подняли всех колхозников для того чтобы вытащить машину но безуспешно Людей разпустили а сами легли спать».

– Получали ленд-лизовскую технику – «виллисы», «студебеккеры», «доджи», «шевроле». Хорошие машины. В этот раз мы поехали привезти жене майора дров. Хотя сам Чернуха об этом не просил. Дрова тогда заготовливать не надо было – немцы во время оккупации заставляли наших пленных вырубать лес везде, где он подходил к окраинам городов и сёл – боялись партизан.

«29 сентября рано утром прыступили вытаскивать машину К трем часам дня машину вытащили привезли дров где нас ждал вкусный обед и водяга выпили хорошо и уехали в Киев через Слобидку где ещо добавили и поехали дальше через Боровую, Киев, Святошын прыехали позно и уснули мертвецким сном

30 сентября Сегодня с утра кое чего сообразили на водягу и пили почти до танка Ну и номера откалывали за что нехочу писать даже уснул незнаю когда».

– Фронтное выражение «пить до танка» означало то же самое, что пить до чёртиков в глазах.

«1 октября Сегодня позавтракали на сухую а под вечер привезли одной тетке дров за что она нам поставила выпить где мы хорошо на хлестались и пошли в кино где шла картина "Машенька" а после кино с одной курвой провозился почти до разсвета

2 октября С утра слонялся по всем машинам а вечером уехали за дровами где наскочили на засаду, лесников разогнали а дрова привезли в Киев за их мы крепко газанули

3 октября С утра занимались кто чем а вечером поехали за дровами, и

отвезли в Киев и вернулись домой честь честью

4 октября выехали на фронт через Жытомир в Жытомире ночевали где хорошо выпили

5 октября утром поехали дальше через Новоград-Волынь, Шепетовку а у Слауте остановились где я в 41 г. воевал узнал в подробности все места где у окопах лежал куда драпал ну и выпили в честь этого что не знаю как и уснул

6 октября Сегодня мы в Слауте ходил я к своим старым знакомым когда отступали в 41 г. Побыл у них Они меня попервах не узнали а вечером с друзьями немного газанул

7 октября Сегодня утром рано выехали в соседние деревни на машине промышлять чего небудь надо заработать. Одной тетке дров отвезли за водку ну а потом ездили до тех пор пока подшипник не поплавили за это я думаю кому небудь з нас влетить».

– Испугались мы на этот раз не на шутку. Потому что в кузове своего «студебеккера» должны были везти «виллис», а на прицепе тащить «додж». На три машины у нас был только один водитель. Но, к счастью, тогда мы ошиблись. Подшипник остался цел, была другая неисправность.

«8 октября Сегодня утром нагрузились зерном капустой всякой дрянью и двинулись на запад через Кревин Острог Ожени где в 41 г. я служил тех казарм нету где мы жыли и признаку был у Стадниках где заходил к своему знакомому деду паромщику он меня узнал и видел свою знакомую Оксану я ей обратно пообещал что скоро война кончится и я приеду. Ехали дальше через Ровно и много деревень но я уснул в кабине от выпитой самогонки. Остановились ночевать в поле потому что бандеровцы мост взорвали я взял два диска к автомату и лег спать под машиной пускай попробуют нарваться на колону все катуковцы готовые к встрече

9 октября Когда проснулся все моторы уже работали и колона стала выстраиваться по дороге. Сегодня ехали целый день через Броды, и ночевал я сегодня у молодыци которая нуждалась в мужчине а я как будто мужчина

10 октября продолжали ехать дальше но только мне было не так скучно, у нас в кузове было много девок пассажиров вот я с ними и воевал всю дорогу. Во Львове выпили крепко за пассажиров набрали еще больше пассажиров в Яворов но к нашему счастью мы заночевали на дороге за Львовом кое кто из девчат за проезд расплатился натурой. Я исполняю обязанности касира и нач. станции за что меня майор здорово ругал что пассажиры беру а выпить чорт до Грыши бегит

11 октября рано отдали концы со Львова и взяли курс на Яворов до города доехали без происшествий от Яворова поехали через Немиров на ст. Башня где нам с Жорой адски повезло первые сдали свой груз и подработали машиной на водку поехали через Любачев. Заехали в свой лагерь получил писем со всех концов света и поехали сдавать машину но дорогой остановились. Засветили переноску и читали до утра письма которые получили за месяц

12 октября утром здали машины а вилис Жора получил ком. полка будет возыть так я к нему присобачился на машину и поехали в свою часть.

Приехал был у бани хорошо грехи вымыл которые набрал за дорогу Много ребят новых пришли в пополнения на место погибших у меня в отделении 12 чел. все русские с этими дадим дрозда».

В Галиции

«13 Октября утром ходил по делам где я узнал что друг мой Шуралев разведчик в госпитале Жаль-жаль такого друга Я один остался Амос Шытиков в госпитале не с кем и почудить

14 октября Читаю книги газеты журналы чего попадет. На занятия не хожу преставился что раны болят На ногах правда не говоря худого слова немного побалевают. Вечером до паночки в клуню».

– Почти всё время чувствовал штыковое ранение, которое получил ещё в 41-м на Западной Украине. Был в сарае, когда началась стрельба. Выскакиваю, вижу: идут танки и бьют по домам, в которых мы тогда были расквартированы. И вдруг, из-за сарая выбегает немец. Поднял над головой винтовку со штыком так, будто, как мне показалось, хочет бешеную собаку заколоть. Ведь я его мог застрелить, пока он бежал ко мне. Но тогда немцы были наглые, думали, что русских можно переколоть, как собак.

Так близко я видел немца впервые и никак не мог решиться выстрелить в него. Хоть и враг, но живой же человек. У нас, у русских, наверное, в крови зла нет: пока тебя не тронут, первым не ударишь и не выстрелишь...

Он целил мне штыком в грудь, а я своим карабином как палкой ударил по его винтовке сверху и после моего удара штык пришёлся в мою правую ногу, чуть ниже паха. В этот момент мой карабин стволом упёрся немцу в живот. Я инстинктивно хотел немца оттолкнуть и совершенно случайно нажал на спусковой крючок. После выстрела немец повалился на спину, потянул за собой винтовку, и штык вышел из моей ноги. У меня закружилась голова, я сел.

Подскакивает Лях: «Вот ты его здорово!». Тут же, не мешкая, моей обмоткой перетянул мне ногу. Никаких индивидуальных пакетов у нас тогда не было, о бинтах и не помышляли. Надо было срочно отсюда уходить. Кровь перестала хлестать, но нога задеревенела, я её двинуть не могу. Пытаюсь встать. Лях начал было мне помогать, но неожиданно бросает меня, хватает мой карабин и – трах...

Неподалеку, в молодом вишняке, стояла, как мы её называли, «катенька-катюша» – полуторка, в кузове которой установлен счетверённый «Максим». Шофёр в это время ручкой пытался запустить мотор, а немец подошёл сзади и два раза выстрелил ему в спину из пистолета. Он, наверное, ещё стрелял бы, но Лях его уложил. Немец упал сверху на нашего шофёра.

Между селом и лесом росла рожь. В тот год она такой удалась, что чуть пригнёшься – и тебя не видно. Все наши солдаты бросились в эту рожь. Она просто волнами ходила. Немецкие танкисты это заметили и стали бить по ржаному полю шрапнельными. Но деваться больше некуда. И мы тоже пошкандыбали в эту рожь. Там наткнулись ещё на троих раненых. Ляху пришлось помогать им по-очереди. А я то полз, то ковылял, опираясь на свой карабин.

Долго у меня болела не только нога, но и голова. Второе ранение было в голову. Случилось это уже в сорок четвёртом на Сандомирском плацдарме. Мы атаковали. И уже перед немецкими окопами у меня за спиной разорвалась граната. Кожу на затылке снесло, а череп остался цел.

От госпиталя я тогда отказался, потому что знал: назад, в свою часть, уже не вернусь. Госпиталь мог на какое-то время укрыть тебя от пуль и осколков,

но его проклятье заключалось в том, что все выписывающиеся получали новое назначение. А на фронте друзьями дорожили, может быть, больше, чем своей жизнью. Именно поэтому раненые, кто мог держаться на ногах, в основной своей массе отказывались от госпиталей.

Что плохого в этой правде? Почему о ней не говорили, а, как правило, в военных фильмах преподносили такие факты как чисто патриотический акт.

«15 октября Сегодня Воскресения Собралось много цивильных до моего хозяина вот я им и заливаю. А они лазять со смеху. А смеются сами же с себя только они тупицы но я не жалею красноречивости что у меня здорово получается. «Шкода гадаты» ихнее выражение

16 октября целый день проспал в клуне на сене А то ночью тактика была с паняночкой, а сейчас записываю в дневник и паняночка прышла Глаза вытаращила. Но по руски читать она не может Она и не подумывае что я за нее тоже записываю все Хатя? Это!!!

17 октября С утра слонялся там где мне обсолютно нечего делать. А под вечер хотел сам залатать свой сапог, но разорвал еще больше. Поругал всех святых на том и ограничился».

– Обувка наша – кирзовые сапоги – подлая была. Весной и осенью по слякоти в них холодно и мокро. Летом отставала подошва и протирались голенища. Об одежке и говорить нечего. Ватники как будто специально были придуманы для мучения солдат. Намокнув, они потом долго не высыхали и, конечно, не грели. Но главное, если тебя ранят в ватнике, пуля или осколок заносили в рану вату. Раны потом гноились и долго не заживали. Это я испытал на себе, когда меня ранило третий раз в спину.

«18 октября С утра был в бане а вечером прышел мой друг Лях удрал с лесу прынес кальсоны пропить Это я сразу оформил, и водку выпили. По его словам что эти кальсоны ему давно уже надоели но он не мог удрать с лагеря ко мне а сейчас под самым носом пролез у часового».

– Расположение дивизиона, откуда нельзя было отлучаться, мы и называли «лагерем». Если не воюем, весь день в дивизионе идут занятия. Заставляли, в основном, зубрить БУП – боевой устав пехоты. Делалось это не ради действительно подготовки, а только для того, чтобы солдата чем-то занять. Ночью же за пределы дивизиона не выпускали часовые.

«19 октября Сегодня целый день слонялся по своим делам которых у меня собралось много Вечером помогал хозяину колоть дрова. Панянке вчера показал пистолет и прыказал чтобы не встречалась иначе синий огонь и капут Продала зараза Стала такой противной что я не могу даже и думать».

– Панянка рассказала соседке, у которой квартировал Чернуха, что я променял ей кальсоны на водку. Майор вызвал меня и ладно бы отругал, а то с таким сочувствием спрашивает: «Ты что, последние кальсоны пропил?..». Мне ужасно стыдно было...

«20 октября до обед получал продукты на свой шалман. А вечером карты, и водка Хотя я в карты не охотник гулять но от нечего делать играл. Выиграл зажигалку которую сразу же и закинул, а проиграл часы швейцарские».

– Игнали тогда в карты: в простого дурака, в рамс, в муху... На кон ставили, как правило, самое дорогое – табак, паёк водки. Денег, когда мы воевали на своей территории, не получали. В день полочки приходил начфин вместе с парторгом, предлагали подписываться на государственный заем, который всё равно шёл в счёт обороны.

Как правило, все соглашались. И не только из патриотических чувств. Нам деньги на фронте просто были не нужны. О послевоенном времени тогда никто не думал. А за границей стали платить, как теперь можно было бы сказать, валютой. К примеру, в Германии у меня оклад был где-то 350-400 марок.

Откуда швейцарские часы? На фронте было принято меняться не глядя. Случалось, выменивать хорошие вещи, или, к примеру, те же самые часы, только без стрелок...

«21 октября у меня сегодня хоз – день и больше... Ходил военторг купил два флакона одеколна для личного употребления но прышол мой друг Лях увидел и предложыл выпить Так мы выпили его и пошли в кино. Картина шла "Пролог" белоруская которой нечего не понял».

– Когда мы выходили на отдых, военторг обязательно работал. Но солдату, кроме подворотничков и одеколна, там купить было нечего. Хотя и одеколон появлялся очень редко. В тот раз мы с Ляхом попробовали его в первый и последний раз.

«22 октября Жизнь так идет своим руслом однообразная уже надоело на фронт уже хочется Там веселей. А здесь одно и тоже то хозяину помогаю вот и сегодня помогал, и познакомился с его сестрой правда не молода лет 38. Но нечего пройдет не выпиcывать же мне лутшей с Америки А Бог увидит лутшу даст.

23 октября Сегодня целый день шол дождь, и я весь день провел у соседа цыгана повара. Игнали в шашки шахматы домино А вечером до своей новой знакомой».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 23 октября 1944 года:

«Войска 3-го Белорусского фронта перешли в наступление... Преодолевая ожесточённое сопротивление противника и его долговременные укрепления, наши войска переправились через реку Шешупа и после упорного боя овладели населённым пунктом Наумиестис (Владиславов). Развивая наступление, наши пехотинцы пересекли советско-германскую границу, вторглись в Восточную Пруссию и ворвались в немецкий город Ширвиндт...»

Прорвав первую мощную полосу обороны немцев вдоль границы Восточной Пруссии, наши войска вышли ко второму поясу обороны, состоящему из нескольких линий траншей, большого числа железобетонных дотов, среди ко-

торых много двух-, трёх- и даже шестиамбразурных, из широких минных полей и проволочных заграждений. Через некоторые из этих заграждений немцы пропустили электрический ток. Советские войска прорвали и вторую укрепленную линию обороны немцев.

23 октября войска 3-го Белорусского фронта вторглись в пределы Восточной Пруссии на 30 километров в глубину и 140 километров по фронту и заняли на территории Восточной Пруссии более 400 населённых пунктов». (т. 7, с. 220-221)

«24 октября С утра был на складе где получил большую неприятность от капитана, и за такую чепуху Эх ты курва пожалел патрон "Гадюка" Это за ту паночку сейчас она уехала во Львов Но это лутше а то сегодня была бы война и мой верный 6768 поработал. А то в нем за отдых паутина у стволу засела!!!».

– «Мой верный 6768» – этой мой ППШ. А история тогда приключилась постыдная. Заместитель командира полка по тылу капитан Шабаев обратился к нам: «Если погрузите на машину свиней, ставлю котелок спирта». Ну, мы с этой задачей справились быстро. А когда в хате у той паночки выпили спирт, из-за чего-то начали ссориться. Такие пьяные споры и драки нередко заканчивались стрельбой. Паночка, видимо, это уже знала и, испугавшись, побежала к Шабаеву, выдала нас. Тут мы и вовсе рассвирепели. Если бы не Шабаев, мы бы её, наверное, избили.

«25 октября Сегодня нашему полку вручали кто чего заработал в последних боях. Но и мне досталась медаль "За Отвагу" в честь этого вручения гуляли. Напились пьяные кто то начал смеяться с меня т.е. с моих знакомых а именно стой паночки и с этой 38 летней с которой я сейчас проливаю пот. Кто то в виде шутя сказал что за это мне бы надо в штрафную Но за друга мол постоим противные ихние рожи в друзя лезут Я знаю кто у меня друг. И как розошолся Я выхватил с кармана гранату поставил на боевой звод а турки эти как сыпонули с землянки Я только поспел человекам пяти по затылку дать гранатой не выпуская з рук. До утра я спал один все боялись заходить а я спал спокойно А утром вызывал К.П. (командир полка.-Г.Л.) сказал Больше так не делай но а в общем молодец Такими говорить только и должны быть мои разведчики».

– Как солдаты относились к наградам?

– Наградами солдаты дорожили. Потому что зря солдату награду не давали. Нам очень обидно было, когда, выйдя на отдых, видим, что у штабистов заблестели на груди новые ордена и медали. Награждали-то как...

Взяли, скажем, какой-то город или важный плацдарм. Идёт команда сверху: представить к награждению из каждой роты по десять человек. Почему по десять? А не по двадцать? Или по пять? Это было никому не известно. Список, как правило, составлял политрук. Потом его утверждал командир роты. Наш политрук Воробьёв в этот список первым делом вносил тех, кто ему задницу лизал, а для настоящих героев – оставшиеся клетки. Тот, кто, может, больше других достоин орденов и медалей, но всегда требовал от политрука правди-

вых ответов на свои вопросы, кто справедливости добивался, тот у нас ходил без наград.

Всегда обойдѣнными оказывались тяжелораненые. Ведь их сразу отправляли в госпиталь, а после лечения – и это хорошо все знали – они уже не вернутся в свою часть. Поэтому их в списки и не включали. Так же было и с убитыми. Зато шофѣр командира полка имел... семь медалей «За отвагу». Ребята по этому поводу шутили: «Если бы награды давали ещё и за половые натуги, то у Жорки Шишлакова их было бы больше...». Хотя, честно сказать, парень отчаянный был, под любым огнѣм гонял. А поскольку всегда рядом с командиром полка, то уже никакой политрук помешать не мог.

«26 октября Занимаюсь хозяйственными делами А их у меня на сегодняшний день много вечером был в своей пройдохе старой

27 октября Сегодня я ходил искал козырька лакированного его здесь трудно найти здесь носят все шляпы соломяные К вечеру нашол и здал портному».

– Это майор Чернуха, который всегда был одет аккуратно и даже франтовато, захотел носить свою форменную фуражку непременно с лакированным козырьком. А такие козырьки могли быть только у тех местных жителей, кто служил на почте или на железной дороге. Вот у них-то я и попросил. А кто откажет русскому солдату?

«28 октября С утра помогаю повару он больной. Зарезал гуся и сижую щипаю а он проклятый крепкий ка бы знал не брался Лутше я ходил бы голодный тры дня Ну посмотрим какой у нас обед получится

29 октября Хоз-день готовлюсь к предстоящим торжествам нашего полка. Завтра должны вручать ордена. Блестяще завоеваны в последних боях форсировали тры реки Буг, Сан, и Вислу где удержали плацдарм. Как фрицы не старались нас столкнуть в Вислу и перетопить но катуковцы стояли на смерть И фрицы получили "Хуй... та хуй..."

30 октября Сегодня вручают нашему полку ордена "Богдана Хмельницкого" и орден "Красного знамени" вручает член воен-совета 1-й гвардейской танковой армии гвардии генерал полковник Попель. Этот день празднуем и не верится что это нами завоевано и специально с Москвы приехали вручать ордена. Да месяц назад Москва салютовала нам за взятые города».

– Такой наградой все мы, конечно, гордились. Это же было признанием наших заслуг. Но свою медаль «За отвагу» я носил в кармане, как и другие ребята. Только те, кто находился подальше от передка, цепляли награды на грудь. И мы поцепили бы... Но как под обстрелом поползѣшь, если у тебя на гимнастѣрке медали?

Из оперативной сводки Совинформбюро за 29 октября 1944 года:

«На территории Чехословакии южнее города Ужгород наши войска в результате упорных боѣв овладели городом и крупным железнодорожным узлом Чоп.

В Венгрии, западнее города Сату-Маре, наши войска вели наступательные бои...

На других участках фронта – поиски разведчиков и в ряде пунктов бои местного значения...

Огромные потери немецких войск на советско-германском фронте вынуждают гитлеровцев идти на самые крайние меры. Немецкое командование закрывает авиационные школы, а курсантов направляют на фронт, в пехоту... Пленные солдаты 407-го полка 121-й немецкой пехотной дивизии Гейнц Шприк, Руди Блошке и Гельмут Шуман рассказали: «Мы учились в лётной школе. В июле, когда до выпуска осталось всего лишь три недели, нашу школу закрыли. Всех недоучившихся лётчиков направили в лагерь и заставили проходить пехотную подготовку... Зачисление такого большого количества лётчиков в пехоту произвело на нас потрясающее впечатление. Мы поняли всю безнадёжность положения немецкой армии и бессмысленность дальнейшей борьбы». (т. 7, с. 230-231)

«31 октября Загорелся дом в нашей соседки т.е. в моей знакомой Я бежал тушить обгорел как хуй руки пожег фуфайка брюкы погорели. Но кое чего спасли Дом, сарай, и даже забор все сгорело до тла, и соседка выходить жыть на другой конец деревни. Туда трудно пробраться там патрули ходят но она пообещала ходить сама до соседки т.е. где я живу, а во избежании того чтобы ее не поймали патрули будет оставатся здесь ночевать чего мне и нужно Алло!!!».

– После отбоя наступал комендантский час и всякое передвижение по населённому пункту запрещалось как нам, так и местным жителям. Требовался специальный пропуск или знание пароля на эту ночь. И правильно. Тогда особенно свирепствовали бандеровцы – можно было запросто нарваться на выстрел из-за угла, на нож или на вилы.

Под Гданьском случилась такая трагедия и в нашем полку. Ребята поехали рыбачить на озеро за несколько километров от села, в котором стоял полк. Задержались до комендантского часа, а пароля не знали и пропусков не имели, поэтому решили заночевать в ближайшем от озера доме. Утром в полк вернулся один старшина. Он и рассказал, как всё было.

Ночью старшина вышел из дома по нужде. Вышел по глупости без оружия. А тут бандеровцы. Старшина упал в яму и затаился. Бандеровцы дом подожгли и уже никого живым из него не выпустили.

Повезло при этом не только старшине, но и мне. Накануне, узнав, что я профессиональный рыбак, эти ребята заезжали за мной. Но меня на месте не оказалось. Они немного подождали и уехали.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 29 ноября 1944 года:

«Перебежчик солдат 349-й немецкой пехотной дивизии Казимир П. заявил: «Я житель города Познань... Девятнадцатого октября этого года немецкая полиция устроила в городе массовую облаву. Полицейские врываются в дома и хватали всех мужчин. Когда меня привели во двор полицейского участка, там уже было около трёхсот человек. Ночью нас под конвоем увезли в Кенигсберг и разместили в казармах. Через несколько дней в казармы пришёл немецкий

полковник и обратился к нам с речью. Он сказал, что отныне мы являемся солдатами немецкой армии и должны защищать Восточную Пруссию. Я слушал полковника и думал: неужели немцы полагают, что мы, поляки, забыли их злодеяния в Польше, забыли, что Германия была и остаётся самым злейшим врагом польского народа? Неужели тупые фрицы в самом деле думают, что мы, поляки, будем воевать за немцев? При первой же возможности я перешёл на сторону русских войск. Польское население с надеждой смотрит на Восток. Поляки знают, что Красная Армия скоро освободит их от фашистского рабства». (т. 7, с. 269)

«1 ноября после вчерашнего пожара ходил сегодня в баню. Выстирал свое обмундирования и сам помылся а то был как чорт в саже. Покуда постирал то я все пальцы постирал. Как они те бабы стирают? Но зато выстирал всем на дыво все удивлялись чистой работой.

2 ноября Сегодня так кое какие делишки а остальное время читал сочинения Никитина».

– Да, жестокая фронтовая действительность была такой, в которой солдат мог превратиться в дикое, озверевшее существо. Мог, но не превратился. Мы любили петь. И любили читать. А читали всё подряд. Потому что достать хоть какую-то книгу было очень трудно. Но если уж книга попадала нам в руки, зачитывали до дыр.

К примеру, я долго не расставался с толстым сборником рассказов Михаила Зощенко. Его читали и перечитывали все ребята из нашего отделения. Книгу часто давал и миномётчикам в дивизион, где служил Лях. И Лях знал, что отвечает за неё головой. Книги мы берегли, как оружие.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 1 ноября 1944 года:

«Ещё в начале войны 8-го июля 1941 года Советское Информбюро опубликовало показание немецкого офицера, который сообщил, что задолго до нападения Германии на Советский Союз гестапо заготовило большой ассортимент «описаний зверств большевиков». В ходе войны все эти фальшивки пускали в ход... Ефрейтор 43-го пехотного полка 1-й восточно-прусской дивизии Фенбонт сообщил: «В середине октября гестаповцы начали снимать кинофильм о зверствах русских войск в Восточной Пруссии. Переодетые в русскую форму немцы бьют стёкла, ломают мебель, режут скот и поджигают дома... Этот фильм скоро будет готов. Говорили, что Геббельс очень торопит и требует, чтобы фильм был выпущен на экран как можно быстрее». (т. 7, с. 235)

«3 ноября Читаю Никитина а вечером был в своих ребят в лесу которых давно не видел (во 2-м дивизионе миномётного полка, в отделении, которым командует Лях-Г.Л.). Они жьвуют как хомякы».

– Почему «как хомякы»?

– Мы, разведчики, всегда располагались поблизости от штаба полка, а точнее – от дома или блиндажа, в котором находился командир полка. В своём расположении мы являлись как бы личной охраной комполка. Он нам очень

доверял и следил за тем, чтобы разведчики были всегда рядом. Поэтому мы жили, как правило, в лучших условиях, чем миномётчики в дивизионах, которым часто приходилось ночевать в землянках или даже просто в траншеях.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 ноября 1944 года:

«Пленный ефрейтор 390-го немецкого полка Алоиз Штольц рассказал: «21 октября подполковник Хармс зачитал нам перед строем приказ по полку: ...каждый командир отделения обязан расстреливать на месте солдат, оставляющих свои позиции. Если командир отделения нарушит этот приказ, то он должен быть расстрелян командиром роты. Командирам батальонов предоставляется право расстреливать командиров рот, которые попустительствуют солдатам. Солдаты, задержанные за пределами своего подразделения, будут немедленно доставляться в штаб полка. Там каждый пятый будет расстрелян. После этого Хармс огласил фамилии первой группы расстрелянных солдат в количестве двадцати человек». (т. 7, с. 238)

«4 ноября Сегодня услышал плохое сообщение а вечером ходил в лес смотрел картину «Борьба за Россию».

– Если я не записал, какое именно сообщение, значит, скорее всего, оно связано с тем, что кто-то угодил в лапы особиста. Чаще всего это заканчивалось штрафной ротой. А в штрафных воевали до первой крови – пока ранят или убьют. Из госпиталя после ранения штрафники направлялись уже в обычные подразделения.

Вообще, НКВД мы ненавидели. Энкавэдэшники всегда рыскали по тылам и как кого поймают без соответственно оформленных документов, сразу «записывают» в предатели. Потом поди, отмойся. Да ещё если за тебя некому из командиров похлопотать...

Бывалые солдаты загадывали молодым такую загадку: «Что за род войск: фуражка зелёная, а морда красная-красная?..». Это потому, что кормили их хорошо – пайки у них особые были. Тех из наших, кто побывал в немецком плену не по своей, конечно, воле, мы считали лучшими, самыми надёжными солдатами. Но эти подлюги им жизни не давали – цеплялись за каждую мелочь, выдумывали всякую чушь. Из-за них ребята ходили словно клеймённые пленом – им это вспоминалось на каждом шагу. И никакой кровью, как, скажем, штрафники, они уже не могли смыть своё клеймо.

В некоторых случаях энкавэдэшники действовали просто иезуитски. Помню, было это в районе Вешенской, когда мы отступали за Дон. Послали группу разведчиков найти проходы из окружения. Они из какой-то хаты выбили итальянцев и взяли там итальянские консервы. Мы тогда постоянно голодали и сразу набросились на эту еду. Но тут же появились особисты: если, мол, разведчики пришли с итальянскими консервами, значит, итальянцы за что-то дали им эти консервы...

Все понимали, что это – просто дикий абсурд, но никто ничего поделать не мог. Над разведчиками нависло тяжёлое подозрение. А после разбирательства, которое-таки состоялось, в разведку уже некому было идти. Да и незачем. Немцы так жиманули нас, что мы бросились через Дон вплавь. И живыми остались только те, кто умел хорошо плавать.

Видя и зная всё это, некоторые окруженцы, конечно, задумывались над тем, стоит ли пробиваться к своим, чтобы тебя без суда и следствия вывели на «последний парад»?.. Или лучше остаться где-нибудь в «приймаках»... И многие оставались у одиноких женщин. В зависимости от возраста потом выдавали себя или за мужа этой женщины или за сына. Правда, немцы быстро выявляли таких и никого из них в живых не оставляли.

«5 ноября Сегодня воскресения, и день такой скучный которого я как будто некогда не помню Целый день слонялся с угла в угол играл в карты и кое чего прыготовил к празднику а именно 2 литра водки

6 ноября Напряженно готовлюсь к празднику Горилкы ещо достал со склада все получил и снес до цыгана повара Там у нас будет банкет».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 6 ноября 1944 года:

«Нашими войсками захвачен приказ немецкого генерал-фельдмаршала Кейтеля под названием «Мародёрство солдат на германской территории». В приказе говорится: «По полученным сообщениям, в эвакуированных районах Германии, относящихся к зоне боевых действий, солдаты повинны в тяжчайших преступлениях по отношению к немецким согражданам. Они набрасывались на имущество и запасы эвакуированных и грабили покинутые жителями квартиры. Начальники не только не вмешивались, но даже частично сами принимали участие в этих постыдных действиях».

...За последнее время гитлеровцы чуть ли не ежедневно фабрикуют фальшивки о зверствах советских войск в Восточной Пруссии... Из приведённого выше немецкого приказа видно, кто на самом деле занимается грабежом и разбоем в Восточной Пруссии». (т. 7, с. 241)

«7 ноября Мы начали праздновать 27-ю годовщину октября а закончили кто чем Я именно похоронами своих лутших друзей которые погибли в зависленском плацдарме Кто не сочувствовал мне этим дал по голове и ушел на свою квартиру позно На квартире меня дождала погоревшая суседка Я ей и занялся до утра Чтобы патрули не тронули она осталась здесь ночевать».

– На Сандомирском плацдарме, когда немецкие танки пропахали наш второй дивизион, некоторые оставшиеся в живых миномётчики оказались в расположении 1-го Белорусского фронта, которым тогда командовал Рокоссовский. Рокоссовцы включили их в состав своих подразделений, а нам ничего об этом не сообщили. Но когда наши миномётчики погибали, их трупы рокоссовцы передавали нам, и наш штаб оформлял документы на погибших.

Во втором дивизионе воевал мой самый близкий друг Лях. Среди погибавших у Рокоссовского было много моих хороших товарищей из второго дивизиона. Погибших мы всегда стремились хоронить сами. Штатная похоронная команда действовала просто варварски. Снимали с убитых капсулы, чтобы потом передать в штаб, а трупы обычно сваливали в одну яму и закапывали без всяких надгробий, как закапывают сдохших собак. Если убитых было много, мы тоже рыли братскую могилу, но каждого заворачивали в плащ-палатку или в шинель, над могилой всегда ставили традиционную деревянную пирамидку со звёздочкой и на пирамидке прикрепляли дощечку с именами захо-

роненных.

Конечно, за всю войну пришлось похоронить очень много наших солдат. И всё-таки некоторые из них, даже мало мне знакомые, запомнились на всю жизнь. И сейчас перед глазами стоит лицо одного молодого парня. Пришёл он в наш полк с очередным пополнением, я его и видел-то всего несколько раз. А однажды в лесу я показывал телефонисту куда тянуть связь к штабу полка. И вдруг, вижу, лежит этот парень на боку. На голове – каска. Рядом – винтовка. Думал, спит. Наклонился к нему, а он – мёртвый. Нигде нет ни кровинки. Только над левой бровью маленькая треугольная дырочка. Причём, дырочка под каской. Присмотрелся внимательнее: на ребре каски вмятина. Значит, осколок ударил снизу в ребро каски, срикошетил и – в лоб...

Не хотелось верить, что он мёртвый. Обычно, у мёртвых чернеет под глазами, а у этого парня – чистое лицо. Подошёл телефонист с катушкой и тоже не верит, что парень мёртвый. Наклонился, стал слушать сердце, потом пощупал пульс и говорит: «Надо же, я думал, устал солдат и спит. Даже руки под голову положил, чтобы удобнее было...». Через этот лес наши миномётчики ходили в контратаку. Наверное, никто и не заметил, как свалило парня.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 7 ноября 1944 года:

«В течение 7 ноября на фронте существенных изменений не произошло.

...Трудящиеся Советского Союза с величайшим вниманием слушали передававшийся по радио доклад Председателя Государственного Комитета Обороны товарища Сталина на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями города Москвы 6 ноября 1944 года.

...На митинге коллектива шахты №28 (Ворошиловградская область) выступил знатный горняк Донбасса Лука Голоколосов, выполнивший к 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции семь годовых норм. Он заявил: «Доклад товарища Сталина воодушевил нас на новые трудовые подвиги. Чтобы помочь Красной Армии завершить разгром фашистской Германии, я обязуюсь до конца года выполнить ещё три годовые нормы». (т. 7, с. 241-242)

«8 ноября Сегодня продолжаем начатое газуем и очищаем головы после вчерашнего встретили по всем солдатским правилам».

– Многие офицеры не чурались солдат, часто праздники встречали вместе с нами. И пили по-солдатски много, и закусывали тем же самым – свой офицерский паёк выкладывали на общий стол. У нас строевые командиры держались к солдатам ближе, чем политработники. К примеру, заместитель командира по строевой части майор Чернуха почти всё время находился вместе с нами. Если отлучался куда-то из расположения штаба, всегда брал с собой кого-нибудь из разведчиков. Я с ним провёл много времени вместе и никогда не слышал от него окрика или грубого слова в адрес солдата. За такое же доброе отношение к нам мы уважали и майора Королёва. Этим офицерам не надо было добиваться чего-то от солдат криком или угрозами, потому что каждое их слово для нас было законом.

А вот на политработников мне как-то не везло. Ещё в сапёрном батальоне

политрук Воробьёв показал нам, какими могут быть политработники. Всегда говорил с солдатами так, словно газету читал или официальную речь с трибуны произносил. От него только и слышали: «Озверелый фашизм... Озверелый фашизм...». Бывало, заснёшь на политзанятиях, а Воробьёв разбудит и спрашивает: «О чём, товарищ боец, я сейчас говорил?». Солдат бойко отвечает: «О том, товарищ политрук, что озверелый фашизм посягнул на нашу Родину, хочет превратить нас в рабов...» и так далее. Воробьёв удивляется: вроде бы спал боец, а всё услышал и запомнил.

Политрук постоянно держал с нами непреодолимую дистанцию. Под Сталинградом уже, казалось бы, навоевались, нанюхались вместе пороху, едем на фронт, а он обращается к нам: «Вы хоть знаете, кто вы такие?..». Отвечаем: ясно кто – солдаты мы. «Нет, вы не просто солдаты, вы надежда своего народа на избавление, вы щит первой в мире страны социализма...» Слушать такое было просто противно.

Когда в первом бою 27 июня 1941 года немцы нас сильно прижали, Воробьёв порвал свой партбилет и выбросил в лесу. Это видели наши сапёры. Но почему-то Воробьёву это простили. Правда, партбилет не восстановили, а в должности политрука оставили. Какой же он политрук, если из партии фактически выбыл? Да и что же это за партия, если одних карает без вины, как моего отца, а другим прощает даже предательство?..

Кстати, позже, уже в миномётном полку, наш особист капитан Трусов уговаривал меня вступить в партию. Но я отказывался, мол, образования маловато, подучиться надо. Не знал Трусов ничего о судьбе моего отца, а то не то что бы уговаривать – в разведчиках мне не быть...

В бою с Воробьёвым часто случалась истерика. Дело доходило до комических ситуаций. Когда надо было идти в атаку, только и слышался истошный вопль Воробьёва: «Поднимайсь!.. Поднимайсь!..». И ругался при этом, всегда поминая то, на что Бог шапку вешает. Батальон перебежками уже продвинулся вперёд метров на сто, а Воробьёв лежит, уткнувшись мордой в кочку, и, не поднимая головы, по-прежнему продолжает орать: «Поднимайсь!..».

Но были и другие офицеры, которых солдат действительно готов был закрыть грудью. О Королёве, Чернухе я уже говорил. Теперь скажу о начальнике боепитания нашего минполка капитане Болбасе. О том, что происходило в полку, когда Болбас погиб, многие потом говорили: «Это был религиозный праздник». Так говорили потому, что в России во время религиозных праздников люди плачут. И у нас в полку солдаты плакали. Вот что значил для солдата настоящий командир...

О том, что Болбас погиб, мы узнали не сразу. Во время артоналёта он выбежал из штаба, и снаряд встретил его прямо на крыльце. Мёртвого Болбаса на время боя сразу спрятали, чтобы никто не видел, – командование ведь знало, как солдаты относились к Болбасу. Но утаить гибель Болбаса надолго не удалось. Штабной шифровальщик Прорубщиков сообщил нам об этом.

Прорубщиков был наш главный политинформатор. Всегда случалось так. Приходит Прорубщиков к нам, становится по стойке «смирно» и командует: «Готовсь!». Мы уже знаем, сейчас будет важное сообщение. Шифровальщики при любом штабе, как, к примеру, и писаря или ординарцы, – это солдатская элита. У них не только другая информация, но и другая кормёжка, другое жильё, другой табак.

Такие, как Прорубщиков, пользовались своим положением для общей солдатской пользы. Бывало, приходит к нам и говорит, скрывая что-нибудь под плащ-палаткой: «Меняюсь, не глядя». И все знали, что он принёс «менять» хороший табак или даже папиросы.

Разведчики с командованием полка. Во втором ряду в центре гвардии сержант Григорий Лобас. 1944 год. (Из фронтового архива Г.Т. Лобаса)

«9 ноября Налаживал неполадки которые появились всвязи с праздником. Привел в порядок вещевую книжку».

– Вещевая книжка – это и был мой дневник.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 ноября 1944 года:

«В течение 9 ноября между реками Тисса и Дунай наши войска с боями заняли более 50 населённых пунктов...»

На других участках фронта – поиски разведчиков и в ряде пунктов бои местного значения.

...Доклад и приказ Верховного Главнокомандующего, Маршала Советского Союза товарища Сталина о 27-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции вызвал огромный патриотический подъём среди красноармейцев, краснофлотцев, сержантов, офицеров и генералов Красной Армии и Военно-Морского Флота. В тыловых и прифронтовых гарнизонах, а также на многих участках фронта состоялись массовые собрания, митинги и групповые беседы». (т. 7, с. 244)

«10 ноября Сегодня ходил два раза в лес по своим личным делам Был в своих друзей разведчиков. Да сегодня выпал первый снег в Галиции»

11 ноября С утра был в лесу потом в военторг ходил. Читал книги газеты баловался с какими то девушками».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 11 ноября 1944 года:

«Ниже публикуются выдержки из найденной на поле боя записной книжки унтер-офицера 11-й роты 613-го охранного полка 203-й охранной немецкой дивизии Филиппа Моргенруэ: «Вчера мы отступили на 20 километров. Всё тяжёлое оружие и обоз пришлось бросить. Нам зачитали приказ командующего армией о том, что все приказы, независимо от их содержания, должны выполняться немедленно и без пререканий. В противном случае... военный суд и расстрел. Издание подобных приказов я нахожу знаменательным. Немецкий солдат раньше всегда беспрекословно выполнял любые распоряжения и приказы»

начальников. Теперь солдаты выполняют приказы лишь под страхом военного суда, под угрозой расстрела.

Где наша военная мощь? Кто слышит разговоры и высказывания солдат, тот сделает безошибочный вывод, что они больше не верят в благоприятный для Германии исход войны. Человеческими телами нельзя преградить путь наступающим русским войскам. Военные действия происходят на территории Германии. Для нас, немцев, война уже бесповоротно проиграна». (т. 7, с. 247)

«12 ноября Получил одно известие от которого сию на изготовке. Кое какие приготовления в хозяйстве сделал в связи этого

13 ноября Сегодня была одна неприятность в которую я вязался здуру. Чуть не попал на губу за девку пошел на перебой майору Я не знал ну его к чорту

14 ноября Готовлюсь сходить в баню ато давно был. Писма во все концы написал А вечером погоревшая хозяйка

15 ноября Ходил на склад за продуктами А остальное время продолжаю читать книги

16 ноября Сегодня целый день идет снег, и я некуда не ходил на квартире гулял в карты в Швеца польская игра».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 16 ноября 1944 года:

«В течение 16 ноября в Венгрии наши войска с боями... заняли более 30 населённых пунктов...

На других участках фронта – поиски разведчиков.

Пленный унтер-офицер 1-й роты 19-го резервного полка 8-й венгерской пехотной дивизии Янош Войчек рассказал: «Недавно венгерское командование объявило, что каждый солдат, который уничтожит один советский танк, получит пять гектаров земли. Солдаты всячески высмеивали этот приказ. Даже офицеры называют этот приказ глупым трюком». (т. 7, с. 253)

«17 ноября Ходил в лес проведать ребят (снова во 2-й дивизион к Ляху.-Г.Л.). Жьвут хорошо но жалуются надоело уже сидеть без действия Хотят на фронт. Вырвутся на оперативный простор».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 17 ноября 1944 года:

«На 1-м Украинском фронте на различных участках действовали советские разведывательные отряды. Наши разведчики добыли сведения о расположении войск противника, уничтожили до роты гитлеровцев и захватили пленных». (т. 7, с. 254)

«18 ноября Завтра праздник Артиллерии и я к нему готовлюсь. И мы все готовимся встретить бога войны на самом деле я тоже артиллеристом учился в киевской школе а на фронте попал разведчиком Это лутше специальность

19 ноября Праздник "ура" встретили хорошо если можно назвать хорошо. Газанули крепко Смотрели московский концерт. А вечером девки девки без конца Только они и плакать не могут поруски

20 ноября Сегодня от Маруси С. получил фото и писмо чему был очень рад увидеть за четыре года хотя на бумаге старых знакомых. Сейчас строчу ответ что я очень рад ее поступку».

Мне на фронт писала сестра Миши Скицкого, моего земляка из Гривенской. После войны мы с ней, можно сказать, породнились – она крестила у моей сестры Ирины дочку и стала, таким образом, моей кумой. Сейчас она живёт в Приморско-Ахтарске.

Письма для солдата – такая отдушина. Я сам очень многим писал. Кстати, писал и Шевцу, у которого мы летом 44-го были на постое в Западной Украине. Он тогда очень боялся мести бандеровцев. Наверное, из-за этого не отвечал мне...

Писал почти всем девушкам, с которыми сводила военная судьба. Вот так война связывала совершенно далёких людей.

«21 ноября Сегодня носил на зарядку акамулятор 12-ти вальтовый на горбу Ах тяжелый. Зашел к своим разведчикам а у них банкет но и я остался и пробыл до утра с одной красной как жар телефонисткой».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 21 ноября 1944 года:

«Пленный командир 1-й обозной колонны оберштурмфюрер Беринг показал: «При отступлении наши части бросили всех раненых без врачебной помощи и медикаментов. Это было сделано по приказу командира дивизии, который заявил: «Раненые солдаты нам сейчас бесполезны». (т. 7, с. 259)

«22 ноября От нечего делать читаю книгу Гоголя На дворе идет дождь

23 ноября Ходил в баню мыться А вечером на нашей квартире дан в виде концерта своими силами. Поляк до того скрепел на своей гармошке что я был вынужден выгнать его к хуям со своей скрипучой А вся кампания смеялась смотря на меня как я разделяюсь со знаменитым польским хуем

24 ноября Собираюсь в далекий край сматываю манатки. Белье отдал хозяйке постирать А вечером приходила погоревшая хозяйка Она мне сказала что у нее Я ей пообещал что когда война кончится, и я останусь живой то прыеду. Но для нее я убит уже. Я сюда не за какие деньги не прыеду у меня есть родина. С хорошымы девушкамы, а этим надо обещать пусть ждет если охота».

– Когда я вернулся в 45-м домой, у нас в Гривенской было много детей от немцев и румын. Конечно, в это же самое время в Польше и в Германии тоже родилось немало детишек от русских, украинцев, белорусов... Может быть, где-то там живут сейчас и мои дети. Если бы знал точно, обязательно нашёл бы. Как же, ведь родная кровь. Уже на территории Германии мы узнали, что этот народ живёт по закону «победителей не судят».

Когда немцы насильствовали наших женщин, русские или украинки отбивались и царапались до последнего. Мы со стороны немцев не встречали никакого сопротивления. Если победитель пришёл, значит ему надо отдать всё. Правда, дня через три-четыре они становились «просвещёнными» и начинали возражать нам: «Найн, Сталин не разрешайн...».

И к побеждённым немцы тоже относились однозначно. Я сам видел блокнот одного немецкого фельдфебеля. Там были записаны размеры обуви. Это значит, что на ком-то из убитых наших солдат он увидел сапоги или там ботинки, которые ему нужны, и сразу записал их размер. Если он записал первым, то уже никто не имеет права взять эту обувь себе. Такой у немцев был

порядок...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 24 ноября 1944 года:

«Пленный солдат 1147-го полка 563-й немецкой пехотной дивизии Йозеф Беккер рассказал: «Несколько дней тому назад наш батальон получил приказ выбить русских из занятых ими накануне позиций. В 9 часов утра, перейдя в атаку, мы встретили неожиданно сильное огневое сопротивление. Батальон оставил на поле боя почти половину своего личного состава и поспешно отступил. Раньше, чем мы достигли исходных позиций, заговорила русская артиллерия. На наши головы обрушился шквал огня и железа. Ничего более ужасного я никогда не переживал. Бросив раненых на произвол судьбы, унтер-офицеры и солдаты ползком пытались добраться до траншей. Это удалось лишь немногим». (т. 7, с. 262-263)

«25 ноября Сегодня идут усиленные сборы завтра выежаем на фронт. Правда у меня не хуй собирать бинокль одел гранаты давно в подсумках диски проверены работают как хорошая девушка А друг мой верный 6768 давно висит на груди и начищен до блеска только стое нажать как он заговорит скороговоркой Никогда он меня не подводил и кто попал на его мушку тот в Германии числится "погиб смертью храбрых"».

– Я убивал немцев только в бою. За войну лично сам, то есть не в группе, а один взял шесть «языков» и при этом ни одного даже не ранил. У нас это называлось «взять без применения оружия».

Вот, к примеру, один из случаев. Под Черниговом назначают меня старшим группы разведчиков в поиск за «языком». Вышли мы к какому-то селу, занятому немцами. Подкараулили одного старика, чтобы спросить, есть ли в селе немцы. Старик рассказал, что немцев в селе нет, но работающую кузницу охраняет «дыбилый» часовой. «Дыбилый» – значит здоровый, крепкий, сильный.

Работы для разведчиков тогда было много, и нас везде не хватало. Поэтому в мою группу дали двоих миномётчиков. Ну, мы с Амосом Шитиковым решили так: миномётчики остаются на краю села в укрытии и там ждут нас с «языком», а мы идём к кузне.

Было это, конечно, ночью. Подбираемся к кузне. И в это время вдруг машина. Останавливается. Фары слепят и не видно, кто-то из не вышел, или кто-то в неё сел. Может, увезли часового, а может, подкрепление прибыло. Минут через пять машина уехала. Рядом с кузней хата. Мы спрятались за этой хатой. Тишина. Потом слышим, кто-то кашляет. И кашель приближается к нам. Значит, человек идёт вокруг хаты. Мы отбежали в сторону и залегли в какой-то яме.

Шавк-шавк-шавк по сухой траве – шаги стали удаляться. Действительно, здоровенный немчуря ходит с автоматом между кузней и хатой. Я Амосу шепчу: «Буду брать сам. Ты лежи здесь, в случае чего прикроешь». И тут мне, можно сказать, повезло. Немец пристроился к краю хаты пописать. Спиной к нам. Такой момент упускать нельзя. Я тихо, кошачьим шагом – а нас специально обучали бесшумной ходьбе – к нему. И бац кулаком по затылку. Он замычал и сразу обмяк. Я завернул ему правую руку и прижал к себе за горло.

Тут подлетает Амос – раз ему кляп в рот. Но крепкий зараза оказался. Стал барахтаться и выворачиваться. Только я замахнулся ещё раз его утихомирить, как открывается дверь, кто-то выходит из хаты и что-то громко говорит по-немецки. Потом стал звать. А потом ба-бах из винтовки, ба-бах ещё раз.

Наш «дыбилый» засучил ногами сильнее. Я его прижал к земле коленкой, а Амос бросился за угол хаты, чтобы в случае чего оттуда прикрыть меня огнём. То ли вышедший немец увидел нас, то ли услышал нашу возню – вскинул винтовку и направился в нашу сторону. Но Амос разведчик надёжный. Он так же, по-кошачьи бесшумно, подскочил сзади и уложил немца одним ударом ножа в спину.

Теперь давай тащить «дыбилого». И побыстрее надо – в хате ещё, может, кто есть. А он, боров, тяжёлый. Но от страха мы его быстро поволокли. Тащим и надеемся, что вот-вот помогут наши миномётчики, которых оставили где-то здесь. Мы уже вспоминали и божью мать, и деточек её... А их нет как и не было. Дотащили до канавы, где я им приказал лежать. И там – никого. Ах, разтудыт твою... Кулаком по гробу... Стрельбу ведь, наверняка, слышали в соседнем селе, куда пошла машина. Надо же смываться отсюда... Амос стал заворачивать такие виртуозные матюки, а я ему: «Тише, Амос, они ж от чего-то смылись... Может, здесь ещё кто-то есть...».

Когда мы шли из своего расположения к этому селу, намечали ориентиры – одинокое дерево, склон оврага, высокая сосна на опушке, – чтобы на обратной дороге не плутать. В поиске разведчики всегда так делали. А теперь мы обнаружили себя и по этим ориентирам идти уже нельзя. Немцы не дураки, погоню организуют тоже по приметным ориентирам.

Потащили «дыбилого» по клеверу. А уже выпала роса и волочь его по мокрой траве было намного легче. Но опять же, след оставляем. «Дыбилый», зараза, упирается, за ноги нас хватает. Мы знаем, раз упирается – значит, чувствует погоню. Ну, наподдали ему, он вроде успокоился.

За оврагом на пути к лесу – речка. Немец то-ли не хотел, то-ли действительно не умел плавать. Так мы с Амосом гребли одной рукой вовсю, а другой его тащили. Да ещё поддерживали, чтобы не захлебнулся. В общем, ушли. А наши соратнички-миномётчики, оказывается, драпанули сразу же, как только услышали выстрелы и немецкую речь. Хотя выделяли из дивизиона в разведку не самых плохих. Так что не все могут вдруг ходить в разведку...

«26 ноября вечером поехали на фронт с Коровицы-самы. Все плачут так зжылись что моему крепкому сердцу на эти комедии тоже стало жаль, но з желанием поскорей уехать Прышла и погоревшая хозяйка Ох и плакала Что я ее муж что ли Она у меня попросила адрес Я ей дал номер моего автомата вместо номера полевой почты Пускай пишет мой 6768 тоже должен иметь переписку

27 ноября Ехали весь день

28 ночью прыехали на место на другой фронт. Ехали через Рава Руская, Краснослав, Люблин, Любортов, и прыехали в деревню Александрувка все полякы здесь жывут. Дорогой я чуть не замерз сидел все время на танке. Словом всю дорогу синьку продавал».

– До этого мы находились в составе 1-го Украинского фронта, а перебросили

нас на 1-й Белорусский, которым командовал Жуков. И мы поняли, раз – к Жукову, значит будем находиться на главном направлении.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 28 ноября 1944 года:

«Людские резервы Германии на исходе. ...Гитлеровцы ликвидируют некоторые специальные военные школы, авиационные, зенитные и морские части, а их личный состав переводят в пехоту. Пленный солдат 5-й роты 380-го полка 215-й немецкой пехотной дивизии Вальтер Шола рассказал: «Я старый матрос. Несколько лет назад окончил школу подводников. В сентябре этого года окончил также школу зенитчиков подводного флота. Выпускники этой школы были откомандированы в Эйнген на Дунае. На сборном пункте скопилось более 5 тысяч моряков из расформированных экипажей и команд надводных кораблей и подводных лодок. Здесь у всех отобрали морскую форму, а взамен выдали обмундирование пехотинцев». (т. 7, с. 267)

«29 ноября Нашол квартиру Хозяева полякы Есть молодые девушки "Красота" Лутше не прыдумаешь. Сейчас сажусь ответить на писма которые я получил перед отездом

30 ноября Живу на новой квартире и п'ю свежую водку которую хозяин только что выгнал

1 декабря Мотаюсь по хозяйству Налаживаю снова все артерии. Я думал что прямо на фронт а оказывается ещо с месяц постоим но нечего другие знакомые это полезно солдату такому как Я Lobas

2 декабря Сегодня день хороший теплый. И мы приспособились на дворе горилку п'ем Поляк не поспевае насыть».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 2 декабря 1944 года:

«Пленный ефрейтор 44-го батальона связи 44-й немецкой пехотной дивизии Рихард Шульц рассказал: «Командование поставило перед нашей дивизией задачу ликвидировать плацдарм советских войск на западном берегу Дуная... Первая встреча с русскими закончилась для нас очень плачевно. На нас обрушился мощный огонь из всех видов оружия. Большие опустошения произвели миномёты. Под таким убийственным миномётным огнём никто из нас ещё не был... Наша дивизия понесла тяжёлое поражение и была обращена в бегство. Под натиском советских войск мы бежали изо всех сил... В 131-м полку, к которому я был прикомандирован, как радист, после двух дней боёв осталось всего лишь 26 человек». (т. 7, с. 273)

«3 декабря Целый день шол дождь Я сидел дома А вечером ко мне прышол мой друг (Лях.-Г.Л.), и мы крепко газонули за плац-палатку Мы пропили ее за то что она пускае дождь. Так зачем же ее тогда таскать. Пускай теперь старшына прыебываеца сколько угодно спишем на боевые потери».

– Пропить солдатское имущество на фронте – это было целое искусство. Скажем, наша часть расположилась в лесу, в землянках. Мы выбираем самое лучшее из обмундирования, новый полушубок или новые валенки и посылаем с этим добром в ближайшую деревню кого-нибудь порасторопней.

Чтоб, значит, не продешевил. Как только он возвращается с водкой, кто-нибудь из сержантов с одним или двумя солдатами идут к тому, у кого только

что променяли валенки на водку. Напускает на себя строгость и с порога сразу спрашивает у хозяина: «Здесь был наш боец, валенки предлагал?». Если хозяин, поняв, что сейчас валенки заберут, а самогонку, конечно, не отдадут, начинает отказываться, сержант с ещё большей строгостью говорит: «Того бойца мы уже арестовали, и он дал показания, у кого оставил украденные новые валенки». Если и после этого хозяин валенки не отдаёт, тогда сержант командует своим солдатам: «Взять под стражу и отвести в комендатуру. Там разберёмся...». В комендатуру, понятное дело, никто идти не хочет, хотя и не знает, есть такая в лесу или её вообще нет.

Поляков пугать нам редко приходилось – до нас их немцы хорошо запугали. Те так не церемонились – всё, что им нужно, брали силой. Однако же чаще вели честный обмен. Когда только вступим в село, водка шла по дешёвке. А уже на второй или на третий день устанавливались «твёрдые цены», которые нам были хорошо известны и поднимать которые мы уже сами не позволяли: солдатская плащ-палатка – 1 литр самогона, кальсоны летние – тоже 1 литр, зимние – 1,5 литра, одеяло солдатское – до 3 литров. Самая дорогая была шинель – не менее 5 литров, ещё и с закуской. При этом количество самогона зависело и от его качества: горит или не горит, воняет дымом или нет. Летом выгоднее было брать самогон, воняющий дымом – и больше дадут, и комары потом тебя не кусают...

Непревзойдённым мастером по обмену у нас был Лях. Наденет на себя драгую плащ-палатку и так сумеет пройтись в ней перед поляками, что те не увидят ни одной дырки. А после обмена претензии уже не принимались.

«4 декабря Сегодня я занимался по старой профессии паял миски кастрюли два ведра зделал и все за горилку а злотых мне не надо Какого хрена сними делать».

– Парнем я был мастеровым. В сапёрном батальоне хорошую школу прошёл: работал и кузнецом, и слесарем. Умел паять даже без олова. Где его на фронте возьмёшь?..

«5 декабря С утра беспокойный день был. Наехали генералы вот нам и жара была. А вечером з друзьями пропивал заработаное вчера А с их стороны шенель на баш пошла Сильно жаркая».

– Генерал он и на фронте генерал. И тогда показуха процветала. Если на отдыхе в лесу стоим, то перед приездом начальства все дорожки между деревьями песком по линейке засыпали. На кухне наводили образцовый порядок и чтоб вокруг – ни одного окурка.

А с генералом, как и до войны, всегда ходила свита из проверяющих. Накануне их приезда нас всех предупреждали: смотрите, мол, не скажите, что вы не наедаетесь. Ну что ж, приказ есть приказ. Приказано быть сытыми, значит и выдаём себя за сытых. Потом, после проверки, построят полк, и мы слушаем, как проверяющие нам сообщают: «Кормят вас неплохо, обмундированием вы обеспечены, пайки НКО и ворошиловские получаете полностью...».

Какой там полностью... Если до нас половина доходила, и то хорошо. Паёк Народного Комиссара Обороны – это то, что готовят для солдата на кухне. А

«ворошиловский» – это сухой паёк.

«6 декабря С утра был в бане ну и баня хуй бы ее взял на голову воду льеш, а на яйцах сосульки намерзают, а пятки до полу прымерзают хуй оторвеш. Вечером водкой кров разгонял после такой хуеты. Лег спать с хозяйкой».

– Зимняя баня, как правило, была в каком-нибудь сарае. Грели в металлической бочке воду и поливались ею. Хотя радовались и такой возможности. Следить за своей чистотой солдату на фронте было очень трудно. А ещё больше мучались женщины-солдатки...

«7 декабря Эх малина!!! Сегодня польское свято какое то. Я приглашен к цивильным (к местным гражданским.-Г.Л.) Шкода только гадаты чего делалось когда полькы напились до пiana Яйца мои после вчерашней бани отошли А хозяйка ревнует Но хуй ей в нос вчера скурвила».

– «Шкода тильки гадаты», помню, по-польски означает: зачем зря болтать, когда надо за дело браться...

«8 декабря Сегодня шатался нечего делать так я весь день с ребятами баланду тачал в землянке

9 декабря Жызьнь пошла однообразная Сегодня пару беля тиснули Сейчас пропиваем Зачем по две пары держать когда не можеш убереж».

– Жизнь однообразная – это не значит праздная. Мы, разведчики, доставляли пакеты в дивизионы, а чаще всего – в корпус. А донесения накапливались в штабе каждый день. Бывали такие пакеты, которые доставлял сам начальник штаба, но тогда мы были обязательно при нём в качестве охраны.

Очень часто участвовали в командно-штабных учениях нашего полка совместно с той танковой бригадой, с которой должны взаимодействовать во время предстоящих боёв. Находилось много других, мелких поручений, связанных с обеспечением работы штаба.

«10 декабря Воскресение Хозяива уехали в костел своему богу молитя, а я один сижу дома. Хотя бы кто прышол може нашлиб чего лишнее в хояина та пропили покуда он богу молитя.

11 декабря Сегодня день прошол на побегушках А сейчас собираюсь дрова пилит по своей инициативе.

12 декабря Жыву по старому Байдыкы б'ю От нечего делать польскою песню учил Ны песня а хуйня какая то у нас дома собаки лутше гавкают

13 декабря Сегодня много писем получил со всего Советского Союза. Я в газету писал что я сирота ни от кого писем не получаю Так я сегодня 18 шт. получил. Некоторые прыгодные на курево. Которые плохо написано и бумага толстая я сразу позакидал никакой пользы лиш бы время терять».

– Это мне Амос Шитиков подсказал написать в «Красную звезду». Конечно, ради развлечения. Когда я написал, то, честно говоря, не надеялся получить

ответа. А тут неожиданно хлынул поток писем. Это же за один только раз приходило по 18-20 штук. Ребята все тоже удивлялись. Шутка шуткой, но я ещё раз убедился, какой же у нас действительно сердобольный, отзывчивый народ.

А одно письмо от девчонки из Киева было так тепло написано, что я решил: если останусь жив, после войны обязательно разыщу её. Фамилию и имя уже забыл, номер дома забыл, а улицу в Киеве до сих пор помню Желянская – неподалеку от железнодорожного вокзала. Ходил я по этому адресу, когда попал в Киев после войны. Но мне никто не открыл. Так я с ней и не встретился...

«14 декабря Сегодня занят был получил новое обмундирования. Перешивал пуговицы ато они не надежно прыштыты. А вечером пропивал старое обмундирования и фокстрот с хозяйкой от сердилась после того свя-та».

– На фронте иголка была большой ценностью. А ниток мы вообще не видели. Но из положения выходили так: надрезали свой солдатский ремень и из него вытаскивали нитки. Это были настолько прочные нитки, что ими достаточно было пришить один раз.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 14 декабря 1944 года:

«Пленные венгерские солдаты и офицеры сообщают о диком произволе, грабежах и насилиях, которые чинят немецкие войска на территории Венгрии. Пленный командир 2-й роты 25-го батальона 2-й горно-стрелковой венгерской бригады капитан Даниил Тобца заявил: «Отступающие немецкие войска отбирают у венгров имущество и скот. При малейшей попытке крестьян отстоять своё добро немцы беспощадно с ними расправляются. Я сам был очевидцем чудовищного злодеяния. На моих глазах немецкие солдаты сожгли деревню Неметвагаш и расстреляли многих её жителей». (т. 7, с. 289)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 декабря 1944 года:

«На 1-м Белорусском фронте на сторону Красной Армии перешла группа солдат 1-го батальона 52-го полка 5-й венгерской легкопехотной дивизии. Пленный ефрейтор Сабо рассказал: «Недавно я получил письмо от своей матери. Она сообщает, что немцы грабят венгров, забирают скот, продукты питания, одежду и обувь. Я рассказал об этом моим товарищам, и мы сговорились перейти на сторону русских». (т. 7, с. 295)

«15 декабря Сегодня был в лесу у шоферов помогал им качать скаты

16 декабря Сегодня прышол ко мне друг Лях Набрали водягы и ушли в лес Там кокнули с танкистамы Так я чуть дополз до квартиры своим хомдом

17 декабря На моей квартире собрались большие гости, я забрался как комар в щелку и не пикаю».

– Это был командующий артиллерией корпуса генерал-майор Мясоедов со свитой. В таких случаях я обычно уходил из дома или шёл на хозяйскую половину. Хотя никто меня не выгонял. Просто сам понимал – там, где высокое на-

чальство, солдату делать нечего.

Бывали случаи, когда, войдя в дом, какой-нибудь начальник ещё с порога говорил мне: «Сержант, выйди, нам поговорить надо». Но я не обижался. Если у меня было что скрывать от начальства, то и у начальства – от меня, наверное, тем более.

«18 декабря После вчерашнего дня мне на сегодня осталась неприятность но я ее устранил к исходу дня

19 декабря Сегодня утром у моего хозяина приступ аппендицита, и он едет в госпиталь, и я сним. Его прыняли, а меня по пизде мешалкой Я рад еще больше. Теперь я свободен, и еду в колонию Александровку (польское село, в котором мы тогда размещались.-Г.Л.) Дорогой ехал и думал от хорошая болезнь аппендецит сколько он мне добра сделал Я бы его взял, и розцеловал.

20 декабря Сегодня меня вызывал нач-штаба (начальником штаба нашего полка 120-миллиметровых миномётов был тогда майор Косульников.-Г.Л.) чтобы я перешол в землянку Хуй ему в жопу что бы я туда пошел а хозяйка на кого останется. Хоч бы и его аппендецит напал на брюхатого. Вечером ходил в лес в кино "Серенады южных долин"».

– По соседству с домом, где расположились мы с майором Чернухой, жила красивая полька Богда. Там за ней «стрелял» весь полк. Но она была неприступной, всех отшивала. А начальник штаба полка майор Косульников хотел, пользуясь случаем, поселиться рядом. Чтобы, значит, удобнее было добиться своего. Но выселить меня своей властью он не решался, потому что я ему сказал: «Майор Чернуха приказал до его возвращения никого не впускать в этот дом». Тут причина былая другая. Из панского имения мы притащили для Чернухи огромный, шикарный диван. Вот Чернуха и боялся лишиться этого дивана.

«21 декабря Сегодня проверял свой автомат, пистолет на кучность боя хотя я и так знаю но нечего делать. Измерял углы между кухней и штабом и вычислил прецел до одного метра так что еслиб пизданул то во всех был бы аппендецит».

– Располагалась кухня как раз напротив штаба. И штабисты зорко следили за тем, чтобы солдаты, кому не положено, не бегали на кухню. Вот я и «измерял углы», чтобы попасть на кухню незамеченным. Наша кухня славилась мастерством своего повара Архипенко, который до войны работал в лучших ресторанах Москвы, а во время империалистической войны готовил для Офицерского собрания. Но у нас он отличился не только как повар, за что получил медаль «За отвагу». Дело было так.

Над расположением полка наши истребители сбили немецкий самолёт. Его экипаж приземлился на парашютах. Двух лётчиков мы поймали, а третий ушёл. На следующий день, часа в четыре утра, вдруг в лесу началась стрельба. Мы выскакиваем из палаток и ничего не понимаем. Летят от просеки трассирующие пули. А ночью всегда кажется, что все трассеры летят на тебя. Поэтому сразу попадали на землю.

Как потом оказалось, с просеки стреляли наши патрули, которые заметили чью-то фигуру, но догнать и задержать не смогли. А в это время Архипенко уже растапливал свою полевую кухню – повар встаёт всегда раньше всех.

Чтобы солдаты не шастали на кухню, мы по приказу начальства сделали вокруг неё завалы из лапника. В этом лапнике Архипенко и увидел немецкого лётчика. Оружия у повара при себе не было никакого, но он бросился на немца, обхватил его сзади обеими руками и стал кричать: «Сюда!.. Сюда!..». Крепкий, видать, ещё был дед, если немец не смог прикончить его, пока наши патрули ни разобрались в обстановке и ни подоспели на помощь.

«22 декабря Я замечаю что полякы готовляться к какому то празднику. На мой вопрос в чем дело хозяйка ответила что пан буде водку пить ютро (сегодня.-Г.Л.) Но хуй сними абы водка была мне как то не по себе

23 декабря У поляков сегодня свято Я с утра за столом на первом месте, и чудю на чем свет. А они смеются своими беззубыми ртами. К вечеру я перепил не помню ничорта. Один поляк нарвался на меня дратся за то что я с его женой был на смене (на улицу выходил.-Г.Л.) и только прышол. Стол перевернули и выбыл ему два зуба, и свыту разорвал после чего он передо мной извинялся что надо бы жену быть а он на меня бросился и теперь весь в синяках возвращается на свою базу из за того что у него жена красива

24 декабря Брожу по лесу с ребятами с похмелья на квартиру не являюсь так как я не помню и не знаю чего я там натворил вечером смотрел картину "Пархоменко" После кино ушол на квартиру спать!!! Порядок.

25 декабря С утра обратно газанул, и показал клас ходьбы по одной доске. А сейчас думаю обработать одного двух жопного зверя Если только хозяйка не помешае Она меня уже считае как мужа, и може в любую минуту вцепится в волоса моей знакомой.

26 декабря Сегодня ождадал м – ра но он не прыехал Поужынаю сейчас, и буду ложытсся спать Хозяйка постель прыготовыла "пыжыну" нафуфырила

27 декабря Получил сегодня письмо от меньшего брата Павлика Он сейчас на том месте где я был месяц назад (на западной Украине под Яворовом.-Г.Л.) Со злости ручные часы свои загнал за 3500 злотых, и на газовался до чортиков все одно скоро фрицам черепкы будем ломать

28 декабря После вчерашнего я проснулся в 12 ч. дня пошел в лес Мне сказали что мое отделение разведчиков выехало на передовую. Туда где мы должны делать прорыв. А меня оставили Я должен привезти все развед имущество которое сейчас разбросано. Вечером я видел кино "Я черноморец" Замечательно хлопцы работают».

– Разведимущество наше составляли бинокли, буссоли, стереотрубы с десяти- и двадцатикратными насадками, ракетницы, которые мы называли «большими наганами».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 28 декабря 1944 года:

«В районе Будапешта наши войска вели бои по уничтожению окружённной группировки противника. Советские части штурмуют опорные пункты гит-

леровцев и сжимают кольцо окружения. Враг несёт огромные потери. Места боёв завалены трупами гитлеровцев, разбитым вооружением и техникой противника». (т. 7, с. 307)

«29 декабря Сегодня все собрал на транспортер а чего лишнее здал на склад А вечером упорол такого чудака что кишкы порвут ребята когда узнают. Здесь в этой деревне был дом полица Полицай удрал с немцами а дом остался Так вот мы сказали что этот дом наш, и мы его продаем Берем половину деньгами а половину водкой. Я составил купчую по руски написал какую то песню, а они думают что это формальный документ. А внизу написал «все дуракы расписываются на лицо», и они все расписались по польски Вот потеха если кто небудь им прочитает и они узнают что их околпачили».

– Это была затея Ляха. А меня он подключил как представителя командования, поскольку все поляки знали, что я жил в одном доме с майором. И оставил Лях всё как следует. В доме сделали приборку: помыли полы, позакрывали ставни. В общем, подготовили дом к продаже.

Настоящую цену мы этому дому не знали. А поляки, в свою очередь, решили одурачить нас: купить дом по-дешёвке. В общем, продали и стали выручку делить. Лях ведь был в дивизионе, командовал расчётом миномётчиков. В его расчёте были одни казанские татары. Лях с ними жил дружно. Его они просто боготворили и на всё были готовы ради Ляха. Но и Лях их в обиду никогда не давал. А меня эти татары называли «кунаком» и относились ко мне так же, как и к своему командиру. Поэтому часть водки (злотые нам были не нужны) Лях отдал своим татарам.

«30 декабря Сегодня тревога все собираются на фронт уежаем Прощай отдых Сейчас начнем за Родыну "Ура!!!" крычат Ко мне прыходили те полякы за дом поблагодарили меня, и ещо в прыдачу литр водкы дали выдать дешыво им достался. Я чуть не провалился сквозь землю от стыда хотя я изрядно был п'ян Она меня т.е. Ядвига моя хозяйка поцеловала перед всей колоной танков, а на танках сколько братвы было все полезли на карачках, и крычат что то. Что я со стыда не мог понять. Мне кажется что, и танкы улыгнулись они выдать в Челябинске не видели такого чуда и разврата. А она стоит хотя бы хны улыбается Я пошел к головному танку, и забрался на броню к своим хлопцам. А она как не мазаная телега скрипит довидзення "кжешык" Она так меня звала».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 30 декабря 1944 года:

«Как уже сообщалось, войска 3-го и 2-го Украинских фронтов 26 декабря 1944 года завершили окружение будапештской группировки противника... Таким образом, немецкие дивизии и ещё не сложившиеся венгерские части... оказались обречёнными на неизбежный разгром.

Советское командование... 29 декабря 1944 года направило командование... окружённых в районе Будапешта войск противника парламентёров со следующим ультиматумом:

«...25 декабря войска 3-го Украинского фронта... соединились с действующи-

ми в этом районе войсками 2-го Украинского фронта и завершили полное окружение немецких и венгерских войск, находящихся в районе Будапешта.

Одновременно части Красной Армии, громя разбитые немецкие войска, успешно развивают своё наступление в Чехословакии и, преодолев Вэртэшхэдьшэгские горы, завершают полное очищение от немецких войск всей Венгрии.

В Прибалтике доколачивается окружённая группа немецких армий генерала Шернера.

На западе германское наступление, широко разрекламированное гитлеровцами, выдыхается и ничего в ходе войны изменить не может.

Действительно помощи вам ждать неоткуда... Во избежании ненужного кровопролития, а также в целях сохранения Будапешта, его исторических ценностей, памятников культуры и искусства и населения от гибели, предлагаем вам принять следующие условия капитуляции...

Ваш ответ ожидается... 30 декабря 1944 года к 12 часам по московскому времени в письменной форме через ваших представителей, которым надлежит ехать на легковой машине с белым флагом по дороге...».

Всю ночь с 28 на 29 декабря и утром 29 декабря советские мощные звуковещательные станции с передовой линии фронта непрерывно передавали командованию и войскам противника... извещение о предстоящей посылке советских парламентёров...

29-го декабря в 11 часов по московскому времени с участка, расположенного на левом берегу Дуная, советский офицер-парламентёр на легковой машине, с большим белым флагом, направился к расположению противника. Когда парламентёр приблизился к вражеским передовым позициям..., он был обстрелян немцами сильным ружейно-пулемётным и артиллерийским огнём и убит.

В это же время второй советский офицер-парламентёр, с переводчиком направленный с участка, расположенного на правом берегу Дуная, с большим белым флагом пересёк линию фронта... Отсюда парламентёр был доставлен в штаб немецких войск, где немецкое командование заявило об отказе принять ультиматум и вести какие бы то ни было переговоры. При возвращении парламентёра обратно немцы вслед ему открыли огонь и выстрелом в спину парламентёр был убит, а сопровождавший его переводчик только благодаря счастливой случайности остался жив...

Само собой разумеется, что вся ответственность за жертвы среди мирного населения, за разрушение города Будапешта падёт на головы гитлеровской клики палачей и убийц. СОВИНФОРМБЮРО». (т. 7, с. 311-313)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 31 декабря 1944 года:

«В районе Будапешта наши войска вели бои по уничтожению окружённой группировки противника, в ходе которых заняли более 300 кварталов в западной части города. Одновременно наши войска закончили ликвидацию окружённых частей противника в горно-лесистом районе северо-западнее Будапешта... За день советские части истребили 2.700 немецких солдат и офицеров...

На 1-м Белорусском фронте происходила артиллерийско-миномётная перестрелка с противником...». (т. 7, с. 315-316)

На главном направлении

«31 декабря Остановились в лесу. Мороз сильный был Холодно. Во-круг сосен целую ночь танцевали от проебал мороз. Та ночь длинная хуй бы ее взял вспоминал и теплою Ядвига Хуй сней что она не руская, а поруски чувствуе все. Спасибо ребята меня спасли дали мне бушлат. Я свою шубу отдал на н.п. (наблюдательный пункт.-Г.Л.) а сам чуть с этим проклятым лесом не розпрощался. Та ещо може почудю ато с кого будут смеяться. Смерть за спиной а смеются другой раз стоит только нагадать какой небудь эпизод как все полезут со смеху».

– На передовой в лесу спасения от холода не было. Собьёмся в одну кучу, чтобы хоть как-то согреться. Тот, кто окажется в середине, под грудой тел, имеет шанс немножко согреться и даже задремать. Но очень скоро звучит команда: «Хлопцы, меняемся!..». Нижние с матюками выползают наверх, окончившие верхние стремятся забиться поглубже. Со стороны это похоже на клубок копошащихся червей.

Но можно продержаться недолго. Потом начинаем бегать, выбирая, где снегу поглубже. А мороз такой, что от бега только устанешь, но не согреешься. Снова сбиваемся в кучу. И так до утра. Одеты мы были кто в полушубке, кто в шинели, на ногах кирзовые сапоги с портянками, на руках двухпалые (чтобы на курок было чем нажимать) рукавицы, на голове шапка из «рыбьего меха». Мёрзли так, что одежды своей не ощущали.

1945 год

«1944] ончился начался 1945
1 января Новый год, а я дрожу по старому. Бегаю где глубже снегу чтобы быстрее согреться. До костра сядешь спину греешь а живот замерзает, и в желудку бекает как теленок. К 12 ч. дня привезли нам спирту по 40 гр. Так я чуть с кружкой не проглотил. Не за что и спомнить начало 45 года. И на хуя он нам нужен Я старшыну просил чтобы он мне водку выдал и за весь 46 г. Иначе я не согреюсь Хуже пытки».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 31 декабря 1944 года:

«В районе Будапешта наши войска вели бои по уничтожению окружённной группировки противника, в ходе которых заняли более 300 кварталов в западной части города. Одновременно наши войска закончили ликвидацию окружённных частей противника в горно-лесистом районе северо-западнее Будапешта...За день советские части истребили 2.700 немецких солдат и офицеров...»

На 1-м Белорусском фронте происходила артиллерийско-миномётная перестрелка с противником...». (т. 7, с. 315-316)

– Формальности и на фронте военными бюрократами соблюдались свято. Ведь водка полагалась только на передовой. Так вот, 31 декабря 1944 года, хотя мы уже прибыли на место, считалось, однако, что мы ещё не на передовой, поскольку занять позиции должны были только 1 января. Поэтому днём раньше

нам водку не выдали. Правда, сто грамм на таком морозе не спасли бы, но хоть немного бы согрели...

«2 января Мне подвезло нашли старую землянку в лесу разложили в ней костер Дыму не продышеш но хоч звезд не выдать Мать их еб мне кажется что они с меня смеются А Луна всю ночь рожу кривит Хорошо ей а здесь до слез. Та плакать некогда смеемся друг с друга. В землянке спать и думать нельзя».

– Как мы обрадовались этой землянке! Вымели из неё снег, укрыли со всех сторон лапником, немного обсыпали землёй – земля мёрзлая, много не надолбишь. А потом набилось в неё человек двадцать. Так что спать можно было в лучшем случае сидя. Пар от нашего дыхания замерзал сверху на брёвнах. Эта наморозь подтаивала, с сосулечек на нас капало, и эта влага коркой намерзала на нашей одежде. Согреться в такой землянке не согреешься, но и до смерти не замёрзнешь.

На следующий день мы устроили в землянке печку. Делалось это очень быстро. Берёшь обыкновенное ведро, прорезаешь в нём ближе ко дну дырку размером с консервную банку. Потом вырезаешь дно примерно у двух десятков пустых консервных банок. Эти банки складываются друг на друга – получается дымовая труба. Всё, печка готова. Но такую печку надо топить всю ночь. Правда, дров она много не требует, поскольку ведро нагревается как и остывает быстро. Если поблизости дров нет, разбиваем ящики из-под снарядов. Одного ящика как раз на ночь хватало.

А ведь тогда немало солдат замерзло насмерть. Было и такое, что замёрзших после ночи оказывалось больше, чем убитых после боя. Очень много раненых замерзло прямо на поле, даже с легкими ранениями. Различали убитого и замёрзшего так: у замёрзшего солдата лицо всегда почерневшее.

А под Сталинградом во время холодов надо было ещё отличить нашего от немца. Тогда, чтобы хоть как-то согреться, немцы стаскивали одежду с наших убитых солдат, а наши – с немецких. Трупы всегда лежали вперемешку в немецкой и в советской форме, а хоронить их надо ведь порознь. Среди немцев много рыжих, но у всех замёрзших одинаково черные лица. Так мы различали по причёске: наши солдаты, как правило, все были стриженные, а немцы патлатые. Если среди наших кто-то попадался с длинным чубом, он мог запросто оказаться в одной могиле с немцами.

Замёрзших трудно хоронить. В какой позе человек замерзал, в такой и оставался. В мёрзлой земле глубокую могилу не выдолбишь, а в неглубокую скрюченный труп не затолкаешь – то рука торчит из-под земли, то нога...

«3 января Сегодня нам тепло я даже уснул часа на 1,5. По близу рознюхали деревушку и снесли все белье лишнее т.е. вторую пару и променяли на водку. И вот в связи такого дела в нас "таверна" загудела песни пляскы до утра

4 января Сегодня мы поехали на зависленский плацдарм Опять Висла в августе она лутших друзей моих забрала А сейчас январь и Варшаву надо взять только мы ее и возьмем розебу. "Ура" Меня оставили на одном к.п.п. где были одни "рамы". Я одну жымнул хуй с ней что будет Може Т.Т. К 12-

ти ночи подошла наша колонна и я уехал на исходную».

– «Рамы» – это регулировщицы. «Может ТТ» – значит, могли расстрелять на месте.

А произошло вот что. Наша разведка ушла вперёд, а меня оставили на этом перекрёстке, чтобы я встретил полковую колонну и дальше следовал с ней, показывая маршрут. При этом меня предупредили: на морозе можешь не торчать, погрейся где-нибудь в землянке, но с двенадцати ночи и до часу должен быть на перекрёстке. Я и «грелся» до двенадцати, а колонна подошла на полчаса раньше. Всыпали мне тогда по первое число, но до ТТ дело не дошло – всё-таки командование знало меня хорошо. В общем, простили. Хотя, «по законам военного времени»... Пожалели, не расстреляли... Но могли отдать под трибунал. А трибунал не всех к стенке ставил. Иногда отправлял в штрафные роты.

У нас во время войны тоже заключённые были. Однажды по пути в Сталинград я видел, как они строили железную дорогу. Было это в самом конце 42-го. Мы медленно ехали в товарняке и кричали им: «Откуда родом, хлопцы?». Почему-то больше были с юга: Кубань, Дон, Кавказ. Один земляк из Славянска-на-Кубани встретился. Я бросил ему узелок сухарей. На земляка сразу налетел охранник с собакой. Мы не ожидали такого поворота. В нашем эшелоне поднялся шум. Солдаты на чём свет крыли охрану и, у кого что было, бросали заключённым. Тогда охрана стала оттеснять заключённых от железной дороги, била их прикладами.

Среди наших заключённых работали и немецкие военнопленные. Потом мы узнали, что кормили их лучше, чем наших, поэтому немцы к нашему эшелону не подходили и им прикладов не доставалось. Вот так обращались с нашими заключёнными – хуже, чем с пленными фашистами.

«5 января Нахожусь на передовой в лесу здесь ебит твою мать 100 раз хуже передовая костры разводить нельзя в землю хуй закопаешь грунт песок замерз так его нечем нековыряешь. Ходил на "передок" в первую траншею здесь ребята живут полутше в них блиндажи хоч хуевые но есть. Вечером возвратился. "Спал" т.е. бегал вместе с шоферами.

6 января Сегодня выпало мне задания ехать к своим разведчикам. Они где то здесь недалеко на высотке, а высотка эта у немцев бельмо на глазу Там у них н.п. и землянка есть Фрицы в 180 м. Получу продукты, и как стемнеет еду, и там останусь обратно по старой специальности засекают огневых гансов».

– Перед наступлением обычно проводится разведка боем. В это время мы должны были находиться в первой линии окопов или на какой-нибудь возвышенности, откуда хорошо просматриваются немецкие позиции, и с помощью стереотрубы – засекают огневые точки немцев. Сама стереотруба имела десятикратное увеличение, а когда ставишь ещё десятикратную насадку, видно на три-четыре километра как в одной комнате. Поэтому она нам намного облегчала выполнение задачи, хотя была очень неудобной – большой и тяжёлой.

Разведка боем проводилась так, чтобы немцы приняли её за основное наступление. Идут танки, пехота, выдвигается на новые позиции артиллерия,

причём, для пущей убедительности выводили артиллерию на конной тяге – мол, русские бросают в бой всё, что у них есть. В этих случаях сознательно жертвовали лошадьми, чтобы только ввести немцев в заблуждение и заставить их открыть свою систему обороны. Конечно, немцы тоже не дураки. Но иногда такой маневр удавался.

Моя задача заключалась в следующем. Сижу по возможности замаскированным со стереотрубой и у меня обязательно должна быть карта-двухвёрстка. Карт на всех разведчиков не хватало, поэтому нам выдавали кальки, с которыми работать было намного труднее, чем с картой. Отличные кальки делал наш старшина Николай Сорокин. Но копировать приходилось ещё с карт 1910 года. А за прошедшее время на местности многое изменилось: не стало каких-то населённых пунктов, например, хуторов, и, наоборот, появились новые; могло не оказаться какого-то отдельно стоящего дерева, избышки и т.п., что очень важно для привязки огневой точки к местности.

Мне необходимо засечённое немецкое орудие обозначить точкой на своей кальке. Для этого приходилось ориентироваться в основном по холмам, а также по дорогам, которые в Польше и Германии, не так как у нас, не изменялись. Ведь там по пахотному полю не то что трактор или машина – телега не пройдёт. Дуроты такой там никто не допустит. Поэтому даже просёлочные дороги остаются, можно сказать, вечными. А в общем, приходилось над калькой попотеть. Иногда даже не замечаешь, что вокруг рвутся снаряды и свистят пули...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 14 января 1945 года:

«Пленный командир 575-го полка, 304-й немецкой пехотной дивизии полковник Штреснер... рассказал: «Все ранее полученные мною приказы требовали: «В случае наступления русских не отступать ни на шаг, обороняться до последнего солдата, до последнего патрона». Однако исключительно мощная артиллерийская подготовка русских деморализовала солдат, подавила их волю к сопротивлению. Когда русская пехота перешла в атаку, солдаты моих подразделений начали отход. Меня поразила осведомлённость русских. Они отлично знали наши позиции и расположение огневых точек. Русская артиллерия била точно. За какие-нибудь 15 минут вся связь была нарушена. На командном пункте я не мог поднять головы. Управлять полком было невозможно. Все подразделения понесли большие потери от артиллерийского огня. Оставшиеся в живых солдаты разбежались». (т. 8, с. 20)

«7 января Сижу на н.п. целый день за стереотрубой аж глаза болят фрицы ведут себя осторожно. И уже знают что сюда прышла "Гвардия" им ребра ломать Ночью кричали что мол знаем что 1-я гв. танковая армия прышла говорить что не выдержать "катуковских головорезов" Это они так нас называют сволочи прышли на нашу землю, и думают чтобы мы им головы не резали. Нечево это Польша, а скоро до фрау доберемся затрепцать панталончики так как ваши ребра под нашим ударом

8 января Целый день спал а целую ночь строили себе н.п. работали как звери под обстрелом в 180 м. от противника Когда ракета загорается мы ложимся когда сгорит работаем Без отдыха ведь до росвета надо сделать голова вон. А если не сделаем и не замаскируем то нам жыть здесь нельзя.

Но мы сделали Такие орлы как у меня они на все руки не только на баб и на водку Это они говорят что это их побочная специальность так же как у меня Амос Шытиков, и Шуралев Миша с этими я шагаю от Днепра много похуже выдели. Зделали правда посовести сказать хуевое перекрытие. Но я это укрыв и вынес благодарность от лица службы всему отделению».

– Немцы засекли этот наблюдательный пункт и быстро его пристреляли. На следующее утро, когда мы оттуда уже ушли, они накрыли НП. До тех пор, пока мы туда снова ни вернулись, ни думали, что там мог кто-то погибнуть. Но обнаружили три трупа. Одного солдата не помню. Гаврилову ногу оторвало, и он, видимо, скончался от потери крови. А третьего трупа, собственно, не было – от человека остался только обрубок тела: одна грудь – без головы, без рук и без ног. Определили мы, что это был рядовой Сухих, по новенькому ордену Славы III степени, который он только что получил. Сличили номер ордена с данными в штабе – сошлось.

«У меня все руки на волдырях и синяках по прыбивал бревнами Сейчас болят иду суп уничтожать».

– Горячий суп на передке не был такой уж редкостью. Как правило, один раз в сутки – обычно перед рассветом – полевую кухню подтягивали по возможности ближе к передку. Если обстановка позволяла, кухню могли притащить ещё и вечером, с наступлением темноты.

Двое из отделения вооружались длинными палками и отправлялись, пока темно, к кухне. Чтобы не расплескать, котелки с супом вешали на эти палки, хлеб распахивали по карманам, водку или спирт брали на все отделение во фляжку, что у каждого солдата была на ремне.

Выпивку делили очень просто: почти у каждого солдата кружка была с меткой для спирта и с меткой для водки. Если, скажем, в отделении кого-то убило или ранило, а сведения интендантам ещё не подали, то нам достаётся больше положенного. В этом случае делили по булькам. И никогда не ошибались.

«9 января Был на н.п. та вдруг телефонист прышол и сказал что меня вызывают обратно в лес ебаные звери обратно буду швейком "Эх ма" пизда этот "кабанчик" Он за мной душа вон Трус ебанный Он думает что я его спасу от смерти это не всегда бывает. Один раз был момент спас Он мне говорит что когда меня нет он спать не может Хуй бы тебе под головы что бы никогда не спал Я же прычем».

– Это я думал, что меня снова назначают ординарцем к майору Чернухе. Конечно, не ординарцем в прямом смысле. Просто Чернуха имел право всегда держать при себе одного разведчика. Так плохо о нём я отозвался несправедливо. Как говорится, под настроение попал – уйти от ребят с передка всё равно что предать их. Поэтому я так и разошёлся.

Чернуху у нас все солдаты уважали за его доброе отношение к нам, за справедливость и, кстати, за смелость. А трусом он никогда не был. А назвал я его так только по тому, что он не раз мне повторял: «Когда ты рядом, я за свою жизнь не боюсь».

Действительно, был момент, когда я его спас. Историю с его плащ-накидкой я уже рассказывал. В этом был весь Чернуха. Он говорил: «Пусть меня лучше убьют, но грязь хлебать по воле фрицев я не буду». Другому бы не поверили. Но что Чернуха под обстрелом в грязь не шлёпнется, об этом у нас хорошо знали все солдаты. Ну а то, что я его называю «кабанчиком», так это за его комплекцию.

С Чернухой мы всё-таки расстались. Хотя, честно говоря, и жаль было. Когда его назначили в штаб корпуса, он снова хотел забрать меня с собой. Но тут я уже решительно отказался, последний раз и навсегда. Больше жизнь меня с этим хорошим человеком, к сожалению, не сводила.

«10 января Нахожусь на старой работе Фрыцы сейчас сильно обстреливают нас тяжёлых дальнобойных Прямо деревья с корнем вырывают снаряды Один танк зажег два подбил но до утра их отремонтировали

11 января Сегодня старое дело свое восстанавливал нечего не сделаешь надо действовать думал открытятся но не получилось».

– Тут как раз и состоялось назначение майора Чернухи в штаб корпуса, а его сменил майор Королёв. Видимо, Чернуха рассказывал Королёву обо мне раньше, что он меня решил перехватить. Именно по этой причине меня «вызывали в лес» – в штаб полка. Пришёл я ночью к тому месту, где располагался штаб, а там уже никого нет.

Одному солдату-связисту тоже нужно было вернуться в штаб. Пошли мы вдвоём разыскивать своё командование и скоро заблудились. Вышли к какому-то селению и решили здесь заночевать. А сами не знаем, на чьей территории теперь находимся – то ли у себя в тылу, то ли уже у немцев. Но всё-таки зашли в крайний дом. Хозяева, конечно, ничего не знают, но без возражений предложили кровать.

Связисту говорю: «Будем спать по очереди». Сам лёг, взяв пистолет в левую руку (в неожиданных ситуациях я с левой руки стрелял лучше, чем с правой), а связист спал на спине с автоматом на груди, поставив его на боевой взвод.

Мы знали, что на территории Польши, а особенно на территории Германии было немало случаев, когда хозяева дома, у кого вот так на ночь останавливались наши солдаты, или приводили кого-нибудь, или расправлялись с ними сами. В подобной ситуации летом мы никогда бы не остались в таком доме, а зимой нас холод загонял.

На следующее утро благополучно нашли свой штаб.

«12 января Сегодня был проводником водил начальство на н.п. которое я строил. Ком. п. (командиру полка.-Г.Л.) понравилось говорит со всем военным вкусом выбрано место ведь отсюда обзор на 360 градусов. Позно вернулся ребята получили водку Я выпил крепинько поужынал и лег спать но проснулся от крыков. Оказывается холуи перепили и начали драться попадали в траншею Хуй их и поймет кто кого б'ет Я вылил на них ведро воды холодной тогда только мог понять кто там был розтянули их Запевалу дракы привязали до колеса машины покуда проспался».

– Спал я в этот раз в штабной землянке. А «холуями» называли ординарцев

штабных офицеров. Самым привилегированным был ординарец командира полка – тот по мелким поручениям никуда не бегал, других заставлял. А у начальника штаба, у начальника связи, у парторга и у других – это все ординарцы равного ранга. Конечно, они всегда имели возможность выпить больше, чем положено по солдатской норме.

У ординарца парторга полка, который официально считался писарем, была одна постоянная обязанность, как оказалось, совсем небезопасная – постоянно держать при себе все партийные документы. И однажды этот ординарец пропал вместе с этими документами. Чтобы найти его, – а главным образом искали, конечно, не самого ординарца, а документы – подняли всех на ноги. Особенно долго гоняли нас, разведчиков. Но ни ординарца, ни документов мы не нашли. Скорее всего, его выкрали или убили и спрятали немцы. Немецкая фронтовая разведка охотилась за такими документами.

«13 января Под вечер выехали на н.п. завтра будем крушить немецкую оборону. Я со своим отделением занял исходный рубеж между 1-м и 2 батальоном Задача моему отделению простая ворваться в траншею захватить контрольного пленного и бегом его в штаб после чего находится пры опер группе и выполнять все прыказы нач штаба Это хуже он тупица».

– «Опергруппой» я здесь называю штабную группу, в которую входили начальник штаба полка, его помощник, связисты и мы, разведчики, поскольку должны всегда находиться при начальнике штаба. У начштаба была грузовая машина с будкой, которую, кстати, водил мой кореш Роговский.

Назвать «тупицей» начштаба майора Косульников, конечно, нельзя. Но по правде сказать, общаться с ним было очень тяжело. Объяснить или доказать что-то Косульникову невозможно. Если он сказал «нет» или сказал «да», то на своём будет стоять до конца. Хотя в некоторых случаях сам понимает, что неправ.

«14 января Началась арт-подготовка в 5.00 Загрохотало все. Такой сильный шум, грохот был что нельзя было говорить нечего не слышать 8.00 огонь перенесли во вторую линию обороны».

– Видно, как снаряд разрывается, но не слышно. Опасность здесь заключалась в том, что можно легко подставиться под осколок. Поэтому в такое время мы все лежали на дне окопа. А необстрелянные новички за какими-то своими надобностями ходили по траншеям. Если раз на тебя наступят – стерпишь. А второй, да ещё обеими ногами, тут уж нет. Ударить – не дотянешься. Так мы их хватили за то место, что между ног, и укладывали рядом с собой. Для их же безопасности...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 15 января 1945 года:

«Взятый в плен... обер-ефрейтор 188-го полка 68-й немецкой пехотной дивизии Вилли Гейнц рассказал: «Солдаты со страхом ждали русского наступления. Офицеры неустанно твердили, что наши позиции очень сильно укреплены и мы должны их удерживать любой ценой. 18-го декабря каждого солдата обязали прочесть и подписать особый листок, в котором было напечатано

следующее: «Я поставлен командованием в известность, что в случае моего перехода на сторону русских весь мой род – отец, мать, жена, дети и внуки будут расстреляны». Солдаты были возмущены, но все молча подписали эту бумажку. Однако гром русских орудий оказался страшнее угроз немецкого командования. Это был настоящий ад. Такого ужаса мы ещё никогда не испытывали. От артиллерийского огня мы понесли огромные потери. В траншеях попеременно валялись раненые и убитые солдаты. Раненые взывали о помощи, но никто им её не оказывал. Некоторые солдаты сошли с ума. Русские нанесли нам страшный удар. О сопротивлении нечего было и думать. Я с группой солдат сдался в плен». (т. 8, с. 21)

«Я со своим отделением побежал к проволочному заграждению и начали проволоку резать. Задом нас горели три наших танка, а остальные вели огонь с хода держа направления по соше к городу Головачув».

– Обычно впереди идёт пехота. Во время артподготовки пехотинцы стараются преодолеть нейтральную зону ползком, потом режут проволочные заграждения, а когда огонь переносится на вторую линию немецких окопов, поднимаются в атаку. Но так бывало далеко не всегда. Часто случалось, что пехоты на нашем участке не оказывалось – просто не хватало войск. Ведь матушку-пехоту выбивало первой. Тогда, к примеру, в нашем полку в атаку бросали всех, кто не стоял у орудий.

Немцы минировали не только передний край перед своими окопами, но очень часто им удавалось заминировать и нейтральную зону. Поэтому шли танки, которым не страшны противопехотные мины, а мы бежали за ними строго по следу гусениц. Шаг влево или шаг вправо – и нет тебя...

Кстати, к концу войны у нас уже было немало американских лёгких танков «Прощай, Родина». Такое название им дали, конечно, наши танкисты, которые не хотели воевать на этих машинах из-за того, что у них броня была только лобовая, а сзади башню прикрывал только брезент. И пушка у них не поворачивалась. Из такого танка только хорошо выскакивать, когда он загорится. Но экипаж мог погибнуть от осколков сзади или сбоку разорвавшегося снаряда, даже от пуль атакующего «мессершмитта» или станкового пулемёта, если танк оставит немецкую пехоту позади себя или начнёт маневрировать вблизи немецких окопов. Ведь и нас, и немцев учили стрелять даже по смотровым щелям танков. А тут такая прекрасная мишень.

Приходилось нашим танкистам воевать ещё и на английских танках «Валентина». Честно говоря, не знаю, почему их так называли. А ещё – на тяжёлых американских «Трумэн». Все они были очень неповоротливы и горели как факелы. У тяжёлого «Трумэна», как в насмешку, были узкие гусеницы. Чуть грязь или сыпучий грунт – он сразу увязал. Наша «тридцатьчетвёрка» против этих танков на поле боя словно заяц против коровы. К тому же у «Трумэна» гусеницы и башня высокие – легко попасть из противотанковой пушки.

Вот автомобили у них были хорошие. А танки – ни к чёрту. Если в атаку пошла ленд-лизовская техника, то потом навстречу нам то и дело попадались наши танкисты. «Всё, – говорят, – хлопцы. На сегодня мы отвоевались».

«Мередзян хватился за живот, и сел, просто ад нечего не слышать и невидать то ли разрыв или выстрел. А от дыма и пыли поднятой снарядами темней темной ночи».

– Тогда осколком в живот ранило татарина Мередзяна. Самое страшное ранение – это в живот. После него, как правило, не выживали. Хотя бывали исключения. В госпитале рядом со мной лежал солдат, у которого осколком перебило прямую кишку. Врачи сшили её и вывели прямо из живота, а на конце приспособили к ней резиновую перчатку. Кал самопроизвольно выходил в эту перчатку, которую солдат сам время от времени освобождал и промывал.

Во время боя за нами иногда шли санитары с собачьими упряжками. В каждой упряжке по три собаки, которые вполне могли вытащить раненого с поля боя, причем, без погонщика. Они хорошо знали, куда тащить, – туда, где их перед боем кормили. Именно в этих местах раненых принимали медики, оказывали им первую помощь, а дальше их уже эвакуировали на каком-нибудь транспорте.

Но нередко бывало, собаки из двух упряжек, оказавшись рядом, начинали драться. И санитар не к раненым бежал, а разнимал своих собак. Хотя зимой надо быстро вытаскивать раненых, потому что многие погибали уже не от ран, а от холода. Зимой случалось и хуже. То ли одуревшие от грохота боя, то ли контуженные от близких разрывов, собаки не возвращались к своему месту, а затаскивали раненых куда-нибудь в овраги или в чащобу, где раненые и умирали.

«Когда мы наконец добрались до траншеи то в траншеи уже работали штрафники и мы как раз были к стати. Завязалась такая трескотня что нечего не поймешь».

– Штрафники подошли откуда-то с фланга, видимо, таков был замысел атаки. Ведь одни танки против пехоты, можно сказать, ничто. Они пройдут по всем линиям окопов, а немцы всё равно останутся в них. Это в чистом поле танк может стрелять по пехоте из курсового пулемета (*пулемёт, встроены в корпус танка – неподвижный.-В.М.*) и давить её гусеницами. А в хорошем окопе ты лёг на дно, и тебе не страшен никакой танк...

Работали штрафники здорово. Среди них почти все были офицеры. Гораздо меньше сержантов и совсем не было рядовых. Мы к ним относились хорошо. А может быть, даже лучше, чем к другим нашим товарищам. Потому что хорошо знали, как наши командиры попадают в штрафники – за малейшую провинность, а то и вовсе без вины. Скажем, под очередной высоткой полегла вся рота. Виноват в этом какой-нибудь тупица из старшего начальства, а если жив остался комроты, то его и отдадут под трибунал.

В нашем полку тоже чуть что – сразу тебе говорят: «Пойдёшь служить к Черепанову!». В составе нашего 8-го мехкорпуса постоянно находился штрафной батальон, которым почему-то бессменно командовал майор Черепанов.

«Нам сразу здалось 6 солдат с унтером. Задача наша была выполнена и можно было нам гнать пленных в свой "кибитка" Но не тут то было попали в собачью бутку Оказывается фрицы пошли справа в контр-атаку и окру-

жыли нас а танкы которые должны были поддержать нас обошли болото и завязали бой на улицах Головачува. Мин. через 20 штрафники пошли в атаку Мы за ними Фрицы не выдержали нашего "ура" Бежать Мы им вдогонку лимонки начали пускать и шить с автоматов в 9.30 мы доставили пленных в штаб это были первые языки. И получили задания двигаться нам за автоматчиками 1-го батальона который рвет все немецкие основания на город Родом».

– Мы, разведчики, ходили в атаки с главной для нас задачей: захватить пленных. Как пленных взяли, можно было возвращаться в штаб полка. Когда в этот раз ворвались в немецкие окопы, сразу никого там не обнаружили. Смотрим, валяется какая-то посуда, похожая на большие бутылки, только не стеклянная. Думали, в ней шнапс. А морозы стояли крепкие, вот мы и приложились сразу, чтобы согреться. Но это оказались немецкие термосы с горячим кофе. Матюкнулись, конечно, а кофе всё ж выпили. Теплее стало, как от шнапса, можно воевать дальше.

На немцев налетели мы за следующим изгибом траншеи. Они сразу побросали автоматы и стали что-то кричать нам. А за грохотом боя ничего не слышно. Но раз в нас не стреляют, значит, можно брать живыми. Пехота в бою, как правило, пленных не брала. Её задача – вперёд, вперёд и только вперёд! Конечно, она за спиной у себя не оставит живых немцев... Когда и кому в горячке боя возиться с пленными?..

«В 10.00 мы на танках ворвались в предместье города Родом где завязались уличные бои до вечера в меня в отделении осталось 7 чел. со мной».

– В моём отделении со мной было десять человек. Мередзяна ранило во время атаки. Второй разведчик, когда, возвращаясь, вели пленных, сошёл с танковой колеи и подорвался на mine. Ему повезло – остался жив, только оторвало ступню. Это уже не воин. Отвоевался, значит... Третьего разведчика накрыло осколками от снаряда во время боя под Головачувым. Причём, от нашего же снаряда.

Кстати, здесь мы видели наши снаряды неразорвавшимися. Когда же не разрывались немецкие снаряды или бомбы, а такое случалось довольно часто, политруки использовали это для своей пропаганды. Вот, мол, что означает коммунистический лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь!» – это немецкие рабочие из чувства пролетарской солидарности занимаются на своих заводах вредительством.

А что же тогда говорить о наших рабочих? Разве их можно заподозрить в преднамеренном вредительстве?.. Сталин даже за случайное опоздание на работу шестнадцатилетней девчонке давал пять лет лагерей! Поэтому мы не верили рассказам о «пролетарской солидарности». Да и не с тем же, в конце концов, пролетариатом мы сходились в кровавых рукопашных, когда зубами глотки друг другу рвали?

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 января 1945 года:

«В Восточной Пруссии наши разведывательные подразделения захватили секретный приказ командира 1-го немецкого парашютно-танкового фузилер-

ного батальона «Герман Геринг», разосланный командирам рот – лейтенантам Ланге, Книсту, Грабнеру и Вагачу. В приказе говорится: «В случае захвата в плен русских солдат и офицеров – одного или двух из них немедленно доставлять в штаб батальона, а всех остальных расстреливать»... На приказе имеется следующая надпись: «Только для командиров рот. После ознакомления сжечь».

В этом приказе нет ничего нового. Он лишь подтверждает то, что уже давно известно, а именно: что гитлеровские мерзавцы истребляют советских военнопленных. Повторяя свои преступные приказы об убийстве военнопленных, фашистские изверги в то же время стремятся сохранить это в тайне. Приказы, конечно, можно сжечь, можно уничтожить и некоторые другие уличающие документы. Однако это не спасёт гитлеровских палачей и убийц. Им не удастся спрятать концы в воду и уйти от ответственности за все свои преступления». (т. 8, с. 13)

«С 12 ч. арт подготовка длилась до одиннадцати часов т.е. 3 часа обрабатывали немецкую шкуру сплошным огнем от набили немцев везде где ни глянь. За это время взяли все три линии укреплений город Головачув и с полсотни деревень. Ночью мы пошли в обход лесами куда и сами не знаем идем следом за танками С заду едут артиллеристы Машынами тянут свои царь пушки».

– Когда, наступая, немцы шли в прорыв, им не всегда это удавалось. Но я не помню случая, чтобы наш прорыв захлебнулся. Бывало, медленно, очень медленно, с огромными потерями, но всё-таки немецкую оборону прорывали. Успех прорыва зависел, в основном, от взаимодействия танков с пехотой. Ни одни танки, ни одна пехота прорывать оборону, конечно, не могли. А когда у немцев появились фаустпатроны, фаустники ни на первой, так на второй или уже на третьей линии обороны всё-таки выбивали наши танки.

Тогда нужно бросать в бой новую технику. Если она была, то на это всё равно уходило время, за которое, лишившись танков, откатывалась и гибла наша пехота. Появлялись танки, а вслед за ними надо было бросать новые подкрепления пехотинцев. И такая мясорубка продолжалась до тех пор, пока прорыв, наконец, ни завершался.

«15 января Преследуем противника. Наседаем на пяткы так что не поспевае и бежать. Сейчас гоним по над рекой Родомка, от пизды наломали что бросае все вооружения, валяется сколько угодно трофеев не сосчитать. А деревни гады жгут. Населения встречае з большой радостью предлагают все свое лутшее, победителям. За сегодня взяли много населенных пунктов».

– Деревни немцы жгли, чтобы нас оставить на холоде. Морозы тогда стояли сорокаградусные. Но на холоде оставались не только мы, но и местное население.

«Мне сегодня розрывная пуля попала в окуляр бинокля и разбила зараза».

– Случай произошёл редкий. Мы ехали на машине в открытом кузове. Причём, нас было столько много, что все стояли. Я стоял чуть-ли не в последнем ряду. И что-то мне понадобилось увидеть впереди. Только поднёс к глазам бинокль, и тут – бац! Пуля прошла сквозь все ряды впередистоящих, никого не задев. Всем просто повезло. Ну а больше всех повезло мне. Не подними я бинокль в этот момент, получил бы пулю в лоб.

«16 января Сейчас повернули на север, ночью форсировали реку Родомка, и преследуем гансов Сейчас много в плен стали здаваться. Короче говоря им не убежать от нас наши броне транспортеры быстрее ходят чем гансы пешком. Наша разведка творит чудеса все время мы движемся в передовом отряде А бригада (танковая.-Г.Л.) и не развертывается движется колонной Нам самим не хуй делать. Фрицы пры звуке "русская гвардия" бегут хуй догонишь. Такое впечатление нагнала наша часть. А трофеев так и говорить нечего их валяется везде и всюду Какой то город большой ночью заняли где фрицы от внезапности бегали спросонок в одних кальсонах а мы их из автоматов как куропаток стреляли».

– На подступах к этому городу убитых немцев – тьма, сплошные зелёные шинели, а между ними – редко наши серые. Запомнился один случай. Молодой солдат-пехотинец, видно из пополнения, подбегает к своему командиру: «Товарищ лейтенант, один немец лежит живой». «А как ты узнал, что он живой?». «Я видел, он глазом моргнул». «Ну тогда стрельни в него...».

Стоящий рядом со мной Шитиков засмеялся: «Чудит над молодым лейтенант – сейчас молодой в труп будет стрелять...». Действительно, кто бы мог подумать, что на таком морозе живой немец мог так долго мёртвым притворяться.

Солдат выстрелил – немец вскрикнул, дернулся и затих.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 16 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление 14 января на двух плацдармах на западном берегу реки Вислы южнее Варшавы, при поддержке массированных ударов артиллерии, несмотря на плохие условия погоды, исключившие возможность использования авиации, прорвали сильную, глубоко эшелонированную оборону противника.

За три дня наступательных боёв войска фронта, наступавшие на двух плацдармах, соединились и продвинулись вперёд до 60 километров, расширив прорыв до 120 километров по фронту...

Сегодня, 16 января, войска 1-го Белорусского фронта в результате стремительного наступления, поддержанного авиацией, в 20 часов штурмом овладели крупным промышленным центром Польши городом РАДОМ (выделение-В.М.) – важным узлом коммуникаций и сильным опорным пунктом обороны немцев...

Наши войска, наступающие в западном направлении, сломив упорное сопротивление немцев, совершили стремительный манёвр и вышли на подступы к городу Радом. В этом городе находились крупные силы немецких войск. Сегодня советские танкисты и пехотинцы нанесли немцам сокрушительный удар

с трёх сторон и овладели важным узлом коммуникаций городом Радом. В бою за Радом разгромлены части двух пехотных и двух танковых дивизий противника.

За три дня боёв войска 1-го Белорусского фронта нанесли противнику огромные потери. Уничтожены тысячи немецких солдат и офицеров. Только за первые два дня наступления, по неполным данным, нашими войсками уничтожено 75 танков и несколько сот орудий разных калибров. За это же время захвачено у немцев 465 полевых орудий, 540 пулемётов и много других трофеев». (т. 8, с. 21-22)

«17 января Сегодня я был направлен во второе хозяйство (второй миномётный дивизион.-Г.Л.) со своим отделением. Я здесь теперь буду. Заняли много населенных пунктов где идут сплошные оборонительные ... но мы их давим без треску».

– «Давим без треску» – это немного не так. Да, действительно, дороги были забиты отступающими: тут и техника, и люди, и конные повозки... А танкистам, конечно, нужен темп. С техникой они расправлялись просто – шарахнул, и машина летит с дороги. А вот повозки старались ударить так, чтобы коней не задеть. Если лошадиная труба или человеческий труп, да ещё с шинелью наматываются на гусеницы, приходится останавливаться и багром освобождать их. Иначе танком трудно управлять. Поэтому не только живых немцев, но и трупы танкисты объезжали.

В этот день я был во втором миномётном дивизионе и видел, что произошло в расчёте, которым командовал мой друг Лях. Перед тем, как штурмовать какой-то очередной населённый пункт, решили своими силами провести небольшую артподготовку – просто, чтобы вызвать панику.

Развернули миномёты, стали стрелять. И у Ляха одна мина не вышла из ствола. А выстрел должен произойти либо при наколе мины, когда она свободно падает в ствол оперением вниз, либо после того, как дёрнешь за спусковой шнур. Когда заряжающий опустил мину в ствол, а выстрела не произошло, дёрнули за шнур. Выстрела опять нет. Значит, решили, заряжающий опустил грязную мину, и она застряла в стволе. Чтобы её оттуда достать, миномётчики отсоединили ствол от станины и только начали его переворачивать, как мина прошла по стволу и накололась...

После выстрела мина ушла в сторону дороги, по которой двигалась наша колонна, но разорвалась удачно, на обочине. Поскольку ствол уже не упирался в станину, он улетел куда-то в кусты. При этом отдачей разбросало весь расчёт, а наводчику Некрасову (единственный русский в татарском отделении Ляха) прицелом разбило всю грудную клетку. Когда мы к нему подошли, он был уже мёртвый.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 17 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, развивая стремительное наступление, овладели столицей Польши – городом Варшава... Сегодня советские войска совместно с частями 1-й Польской армии с разных сторон ворвались на улицы Варшавы. В результате комбинированного удара с севера, запада и юга польская столица освобождена от немецких захватчиков.»

Продолжая наступление, войска фронта с боями продвигались вперёд. Советские подвижные части прорываются в тылы противника, подавляют узлы сопротивления, громят его коммуникации и подходящие резервы. В течение дня наши части заняли ряд городов и более 800 населённых пунктов. В ходе боёв противник несёт исключительно тяжёлые потери. В одном районе бойцы Н-ского соединения наголову разбили 73-ю немецкую пехотную дивизию. На поле боя в районе действий этой дивизии подсчитано более двух тысяч трупов немецких солдат и офицеров. Остатки 73-й немецкой дивизии, численностью в 600 человек, взяты в плен. По предварительным данным, наши войска за день захватили у немцев 25 танков, 122 орудия, 211 миномётов, 378 пулемётов и другие трофеи». (т. 8, с. 24-25)

«18 января Движемся стремительно лесами без остановки в тыл к фрицам иногда бывают стычки но они нас не ождали здесь и от внезапности бегут. Ночью обошли город Лодзь Он весь горел его бомбили наши "Иллы" А трофеев сколько Бросаем все и машины танки все все!!!

19 января Тоже самое продолжаем гнать все слабей и слабей сопротивление немцев Сейчас мы находимся в глубоком тылу у немцев 450 кл. от нас пехота отстала А мы здесь водворяем свои законы. Поляки со слезами встречают целуют хоч не слезай с транспортера».

– Темп наступления был такой, что некогда побриться. Все бородами пообрастали. Да кто на это внимание обращал, если не успевали как следует поесть и поспать. Спали урывками, в самых неожиданных ситуациях и позах. Скажем, идёт ночью машина, слева на крыле лежит вперёдсмотрящий, чтобы шофёр мог вести машину без света фар. Если дорога хорошая, шофёр говорит вперёдсмотрящему: «Спи!». И тот спал прямо на крыле (от мотора хоть немного, да идёт тепло), пока шофёр снова не разбудит.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта успешно развивали наступление. Наши танкисты, пехотинцы и артиллеристы, участвовавшие в глубоком обходе Варшавы..., повернули на запад. Отбрасывая и громя противника, советские части продвинулись на 30 километров и ворвались в город Лович. Этот город расположен в 50 километрах северо-восточнее Лодзи и является крупным узлом коммуникаций... В ходе боёв противник несёт огромные потери... Наши войсками захвачены у немцев крупные трофеи, в том числе 40 танков, 174 орудия, более 200 пулемётов и несколько тысяч винтовок. Взято в плен более 3.000 немецких солдат и офицеров...

Советские лётчики наносили массированные удары по узлам сопротивления противника и отступающим колоннам немецких войск. В результате налёта на железнодорожную станцию Лодзь взорвано бензохранилище и уничтожено 10 немецких воинских эшелонов». (т. 8, с. 26)

«20 января Сегодня почти не встречали сопротивления целый день было скучно Правда в одной деревне было полицаи вступили в перестрелку но сейчас все они валяются по улицам Заняли много деревень. А обоз без конечный стоит на дороге, а немцы разбежались Наши танки давят эти

повозки которые стоят на дороге.

21 января Сегодня взяли штурмом город Конин Здесь два раза прышлось кричать "ура" Город обороняли офицеры "SS" но сейчас они все мертвецы».

– Тут впервые я встретился с эсэсовцами. Раньше мне не доводилось их видеть ни мёртвыми, ни пленными. Держались они стойко. В плен никто из них не сдавался.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 23 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, развивая успешное наступление, 23 января... с боями заняли города Пакош, Стшельно, Слупца, Голина, КОНИН (выделено мной-В.М.)...». (т. 8, с. 36)

«22 января Сегодня встретились с фрицами они отчаянно защищали авио-заводы Но все напрасно Некоторым только удалось спастись в лесу. Мы заняли авиа заводы А здесь сколько готовых самолетов мистеров. Аэродром так сколько глаз видит одни мистера стоят только без горючего От заводы громадные 25 кл. занимает в квадрате, и все в лесу Недалеко отсюда город Познань Мы движемся на него».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 26 января 1945 года:

«На Познанском направлении войска 1-го Белорусского фронта, продолжая наступление..., на трёх аэродромах и на авиационном заводе в районе города ПОЗНАНЬ (выделено мной-В.М.) захватили 292 немецких самолёта». (т. 8, с. 41)

«23 января Сегодня мы стоим в обороне в 12 кл. от Познани на реке Варта все мосты фрицы взорвали и не начом переправится Саперы строят переправу А мы беспощадно п'ем ром лекер коняк шампанское которого здесь такие склады вай вай Мы ходили с другом Ляхом в эти склады и нарвались на пьяных немцев которые до сих пор не знали что здесь уже работают Славяне а не Арийцы разговор был "короткий" Они больше не прохмелятся Мы набрали чего нам надо и вернулись на свою базу где продолжыли "девушка из маленькой таверны"».

– Попали мы в винные склады, которые уходили под землю на целых три этажа. Попали, можно сказать, случайно, хотя нюх моего друга Ляха никогда не подводил. Как он безошибочно выходил в радиусе двадцати километров на корову, потому что безумно любил парное молоко, так же точно Лях шёл туда, где есть что-нибудь выпить.

Смотрим, горит какое-то здание. Подошли, видим – кто-то поджёт рядом опилки, чтобы имитировать пожар. Тут нам стало ясно: внутри немцы. Мы и пошли туда со всеми предосторожностями.

В такой ситуации каждую секунду ждёшь нападения. Но вдруг, только услышали пьяную немецкую речь, как тут же из-за поворота коридора прямо на нас выходят несколько немцев. Лях молниеносно вскинул автомат и выстрелил (он у него был поставлен на одиночный огонь), а сами мы бросились

назад, за угол. Я спрашиваю: «Ты кого?..» Он отвечает: «Заднего...» Правильно сделал – немцы нас увидели впереди себя, а убит задний, значит, подумают, что окружены. Действительно, в коридоре крики, беспорядочная пальба. Воспользовавшись паникой, мы выскочили из-за угла и несколькими длинными очередями расстреляли их.

Дальше шли с ещё большей предосторожностью. Потому что себя уже обнаружили, и если немцы ещё остались, они обязательно устроят нам засаду. Но больше никого не встретили. Тут же выпили тост за то, чтобы побывать на Одере. Дело в том, что тот унтер, которого мы накануне в бою взяли в плен вместе с солдатами, сказал нашему переводчику: «Мы побывали у вас на Волге, теперь побываете и вы у нас на Одере».

«24 января Стоим на месте и газуем без конца Часто налетает немецкая авиация Тогда только у нас прекращается пьянка выскакиваем на улицу и стреляем по самолетам кто с чего с петеэров (противотанковых ружей.-Г.Л.) винтовок пулеметов зиниток. "Сегодня 7 шт. сбили". Словом воюем между войной и девушками которых у нас сейчас полный дом. Сейчас ребята принесли всевозможных вин Некоторым, и во сну не снилось Эх "полундра"».

– «Сбили 7 самолётов» – конечно, это неправда. Поэтому я и поставил здесь кавычки. А девушек этих мы освободили из концлагеря. Кого только среди них не было: бельгийки, полячки, голландки, итальянки, русские, украинки, француженки и даже... немки. Вот мы и отметили их освобождение. Пьянка получилась хорошая. В том смысле, что с хорошими харчами, с хорошим вином. И офицеры пили вместе с нами. Так что нас никто не останавливал.

Только потом произошёл один нехороший случай. У нас был железный закон: на передке, да ещё во время боя не напиваться до чёртиков. Тот, кто этот закон нарушал, тот, как правило, погибал. То же и тогда получилось. Один дурень набрался так, что во время переезда на машинах вывалился из кузова и попал под колёса задней машины.

«25 января На росвете переправились через Варту и обрушылись на фрицев А они бегут не догониш а население как приветствует кричать "Ура" плачут танцуют обнимают все удовольствия свои предлагают нечего неоткажут только гони немцев А мы гоним Хули нам больше делать».

– Варту форсировали не сразу. Первая же «тридцатьчетвёрка», которая пошла по льду, провалилась. Экипаж утонул вместе с танком. Тогда мы разобрали поблизости панские сараи, уложили в несколько слоёв доски на лёд и периодически поливали их водой, пока сорокаградусный мороз ни сковал их словно бетоном. Потом по этому настилу танки прошли как по мосту.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 27 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта с боями продвигались вперёд. Советские танкисты и пехотинцы, овладев плацдармами на западном берегу реки ВАРТА (выделено-В.М.), совершили стремительный обходный манёвр и заняли города Замтер, Бук, Стэншев. Тем самым перерезаны все шоссейные и железные доро-

ги, идущие из города Познань в Германию. Другие наши части плотным кольцом окружили в Познани крупные силы противника и ведут бои по ликвидации попавшей в «котёл» группировки немцев. (т. 8, с. 46-47)

«26 января Заняли город Вольштейн А Познань обошли Хуй сними пус-кай живут пока до них наша пехтура доберется».

– В Познани было много немецких танков, артиллерии, пехоты, но главное – немецкие офицеры привезли туда свои семьи. Поэтому они так отчаянно и держались за этот город. Брали Познань очень долго и с большими потерями.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 26 января 1945 года:

«...В результате одиннадцатидневных наступательных боёв войск 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова потери противника по основным видам боевой техники и людям составляют: пленными и убитыми – 117.700 солдат и офицеров; самолётов – 243, танков и самоходных орудий – 750, орудий – 2.152, миномётов – 2.250, пулемётов – 10.900, бронетранспортёров – 371, автомашин – 6.179». (т. 8, с. 44)

«В этом городе много военно пленных русских американцев француз голанцев норвегов Ах как они нас приветствовали за свое освобождение нельзя описать».

– Когда подошли к лагерю, окружили его и остановились. Кто находится в этом лагере, нам было неизвестно. Какое-то время длилась жутковатая тишина. Через колючую проволоку на нас смотрели совершенно нечеловеческими глазами истощённые, полуозверевшие люди. Они не могли не знать, что пришли их освободители. А я не мог понять: то ли они нам не доверяют, то ли просто не верят в своё близкое освобождение. Почему молчат?

Сколько тянулась немая сцена, сказать не могу. Но в какой-то момент в этой страшной тишине из-за проволоки раздался крик: «Эй, славяне!!!». И тут всё сдвинулось. Наши солдаты побежали к проволочному ограждению, танки двинулись к большим железным воротам. Но из лагеря закричали: «Стойте! Не прикасайтесь к проволоке и к воротам – они под током!». Заключённые показали нам трансформаторы. Мы тут же забросали их гранатами.

Однако на территории лагеря, как нас снова предупредили, может работать автономная электростанция. Тогда кто-то из солдат подошёл к проволоке и, взяв свой автомат за деревянный приклад, стволом попробовал, есть ли напряжение. Тока не было. Это послужило сигналом к штурму. Танки снесли ворота и ограждение. Люди из лагеря бросились к нам. Повисали на шее, на руках, целовали нашу форму, автоматы, танки...

Трудно было удержаться от слёз. А они не плакали. Их лица нам казались по-прежнему каменными и ожесточёнными. Плакать они стали потом – наверное, когда полностью осознали, что они освобождены.

Старшим в нашей группе оказался майор Королёв. К нему и подошли заключённые, попросили разрешения вооружиться. Королёв не возражал: «Если у вас есть чем, вооружайтесь». В мгновение пожарными баграми и кирками

они сорвали двери со склада оружия на территории лагеря. Там оказались старые мадьярские винтовки с длинными стволами. Через несколько минут все заключённые ходили вооружённые этими винтовками.

И только потом мы поняли, зачем им нужно было оружие. Как они нам рассказали, три года немецкие фрау мордовали их на домашних работах ещё больше, чем охранники с овчарками на местных каменоломнях. Вот они и ринулись в город рассчитаться. Решительнее всех действовали американские заключённые. За полдня они в городе хороший шмон навели...

Тут майору Королёву пришлось решать ещё одну трудную задачу. Заключённые сказали, что весь лагерь заминирован и в любой момент может быть взорван. А где находится центральный пульт, никто из них не знал. Как быть? Решили, что надо найти ту самую автономную электростанцию. Если пульт не там, то без напряжения он всё равно действовать не будет. А территория лагеря была такой огромной, что сколько я по ней ни бродил, границ не видел. Американцы вызвались помочь найти электростанцию. И действительно, её нашли и уничтожили.

«Два генерала здесь было один француз другой италянец Их повезли в штаб А я газова с американцами девок немом им привел. Они попервах отказывались стеснялись А потом когда подвыпили за уважения меня стали целовать Я это отстранил погуляли хорошо. Ведь мы сегодня находимся в 12 кл. от немецкой территории где живут настоящие Арийцы Американцы восхищаются нашими солдатами а именно их бестрашьем и выносливостью. Говорят что русские непобедимы. Верно».

– С американцами мы хорошо погуляли. Эти ребята как-то и по духу, и по настроению оказались нам ближе. Хотя многому у нас удивлялись. К примеру, их очень заинтересовала наша обгоревшая машина ЗИС-5. Кабина у неё почти вся выгорела, щитка приборов вовсе нет, от руля осталась одна железная арматура. А мы на этой машине ездим...

Ходили американцы вокруг неё как вокруг какого-то редкого музейного экспоната и всё задавали один и тот же вопрос: «Неужели она может двигаться?». Водитель сел за руль, соединил каких-то два торчащих внизу проводка – это значит «включил зажигание», завёл двигатель и поехал.

Американцы в восторге аплодировали и смеялись: «Такая надёжная техника может быть только у русских!». А потом, уже за столом, показывали нам немецкие газеты с карикатурами на русских солдат, где мы были изображены все увешанные орденами и медалями, и спрашивали: «А почему у вас на груди нет наград? Вы что, плохо воевали?». Когда мы начали доставать свои награды из карманов, они хохотали до слёз.

Никто из наших не знал английского, а из американцев – русского. Поэтому мы объяснялись на каком-то интернациональном языке. Я немного говорил по-польски, один поляк – немного по-французски, и немного по-французски говорили некоторые американские лётчики, которые воевали во Франции. Этого нам хватало, чтобы понять друг друга.

«27 января Продолжаем гулять в Вольштейне с Военно пленными американцами летчиками. Сегодня собралась нас большая кампания нас два

русских переводчика и поляк Через посредством переводчика мы разговариваем с ними Полячок девушек много собралось и все такие проститутки что я не могу представить Американцы только губы дуют это им не нравится а все же водят прохлаждать в другую комнату. С одним капитаном я обменялся портсигаром в честь памяти».

– Ох, как я жалею, что потерял этот портсигар. Капитан-американец, когда мне его дарил, на внутренней стороне нацарапал свой адрес. Раньше он мне, конечно, не понадобился бы. А сейчас обязательно написал бы ему письмо.

«К вечеру я уехал в полк. Встретил ребят с хорошим настроением Шытикова Шуралева Роговского и других рассказали кто убит кто ранен Я им рассказал кто из наших друзей ушел в розпоряжение "Исуса Христа" За все это хорошо выпили.

28 января За ночь подошли в плотную к немецкой границы Я сейчас вижу пог-столб Стреляем за границу. Немного сопротивляется Здесь маленькая речушка протекает он мосты взорвал ну и держится как утопающий за волосинку».

– Граница как раз и проходила по этой речушке. Мы ликовали: «Братва, ура! Дня через три будем у Гитлера! Наконец-то мы добрались до его берлоги».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 29 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, развивая успешное наступление, пересекли границу Германии западнее и северо-западнее Познани, вторглись в пределы немецкой Померании... Северо-западнее города Познань противник пытался остановить наши войска у польско-германской границы на рубеже реки Нетце. Опираясь на долговременную полосу обороны, немцы оказывали упорное сопротивление и часто переходили в контратаки. Советские танки и пехота при поддержке артиллерии одновременно во многих местах форсировали реку Нетце и прорвали вражескую оборону... Широко применяя обходные манёвры, советские части громят подходящие резервы противника. За день боёв истреблено более 4.000 немецких солдат и офицеров. Нашими войсками захвачены трофеи, в числе которых 12 танков, 70 орудий, 300 автомашин, 60 паровозов и 50 железнодорожных эшелонов. Взято в плен 1.100 немцев». (т. 8, с. 49-50)

Бои в Германии

«29 января Прорвали границу и заняли какой то город названия не знаю потому что из жителей ни одного человека!!!»

– Гражданское население Германии строго выполняло инструкции военного командования: если успевали, все до единого уходили из городов и посёлков. Но немцы не предвидели такой темп нашего наступления, и чаще всего жители не успевали.

Большинство гражданских немцев вели себя высокомерно. К примеру, спросишь на немецком языке название города, он, хотя и поймёт, но молча поворачивается и уходит.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 31 января 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая успешное наступление к западу и юго-западу от Познани, пересекли германскую границу, вторглись в пределы Бранденбургской провинции и с боем овладели городами Ландсберг, Мезеритц, Швибус и Цюллихау – крупными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев, прикрывающими подступы к Франкфурту-на-Одере...». (т. 8, с. 53)

«Нас под этим городом прыжали к земле "мистера" Бронетранспортер сгорел два человека убиты Я легко ранен в голову. Не знаю случайно остался жить. Сейчас в голове шум...».

– На этот раз меня спасла каска. Осколок пробил-таки каску, но не до конца – застрял в ней. Рассёк только мне затылок, а череп остался цел.

«Своего любимца бросили взяли трофейною машину четырехмесную легковую "Опель капитан" установили два пулемета и газуем догоняем своих Отстали».

– Потеряли мы своих потому, что догоняли их по следам танков, а потом решили срезать угол, и следов уже не нашли. Ехали просто по направлению на Запад, пока не попали под налёт «мессершмиттов». А этого «опель-капитана» мы нашли оставленным в чьём-то личном гараже. Раньше на такой машине кататься не приходилось – для нас были вдиковинку и обогрев лобового стекла, и установленные на крыльях сигналы поворота с откидывающимися в сторону флажками – красным-левым и зелёным-правым...

Пулемёты установили так: «Дегтярёв» впереди, в опущенное стекло правой двери, а «Максим» – на сиденье сзади, стволом в заднее стекло. Двое сели впереди, а мы с Зеленским устроились на заднем сиденье. Ехали наизготовку, чтобы в любой момент открыть огонь.

«30 января Ищем своих Хуй знае где делись в одну деревню ночью залезли где были еще немцы Ели выбрались с нее один ранен Я хуярил с пулемета по улицы без конца пока деревня не скрылась в темноте и лента кончилась а вода в кожане закипела хоч чай пей».

– Пуля попала пулемётчику, который сидел с «Дегтярёвым» впереди, в руку. Раздробила ему кость. Кричал бедолага от боли очень сильно. Мы быстро его перевязали и – дальше. Гнали здорово. Машина хорошая и дороги – лучше не надо. Или асфальт, или брусчатка, но без единой ямочки. Открытых мест почти не встречалось, всё время слева и справа тянулась лесопосадка.

В одном месте у нас кончился бензин. Наш транспорт мимо идёт, но бензина ни у кого не допросишься. В наступлении всегда тылы отстают, и с горючим проблема...

Остановился около нас один капитан-пехотинец, заглянул в машину и говорит: «Зачем вам столько оружия?». Мы его уже хотели послать куда подальше, когда поняли, что он имеет в виду старый немецкий меч, который мы взяли в том же гараже, где и «Оппеля». Смекнули: «Меч – твой, если достанешь канистру бензина». Через пять минут капитан принёс нам канистру бензина. Ну и пройдоха попался. Такие обычно в пехоте не задерживались. Очень быстро выбивались в адъютанты или интенданты.

«Колеса нас заебали вдоску через каждые 5-ть кл. качаем резина ни к хую. А днем "мистера" жызни не дают, та ещо шофер трус ебаный а не человек Может машину разбить в месте снами пры налете "мистеров" Он тогда ни хуя не видит от страха хоч глаз ему коли. От нам наказания. Я один раз не выдержал показал пистолет. Что если говорю разобеш машину то капут тогда!!!».

– Шофёра этого майор Королёв взял из тех заключённых, которых мы освободили в концлагере. Украинец. Помню, говорил, что родом из Херсона. Встречались такие шофера, которые панически боялись налёта авиации. Случалось, при налёте бросали машину, даже если в ней были люди, и прямо на ходу выпрыгивали из-за руля. Наш тоже, как услышит вой самолёта, прямо какой-то шальной делался. Машина у него начинала вихлять по всей дороге, в ямы влетала, на обочину выскакивала. Ну а чтобы он чего похлеще не откол, я вытащил пистолет и предупредил: «Прыгнешь, пулю в затылок получишь». Можно ведь остановиться, укрыться где-нибудь в кювете, или под деревья загнать машину.

Конечно, никому не хотелось погибать, особенно сейчас, когда Берлин уже рядом, и войне финиш виден. Раньше я думал, что где-то на этой войне и мне конец найдётся – остаться живым и не надеялся. А в Германии уже гнал от себя такие мысли. Очень хотелось дойти до Берлина и дожить до того дня, когда в тебя уже не будут стрелять. Но ведь служба есть служба, и свою солдатскую работу надо выполнять – за тебя её никто не сделает.

Сколько таких случаев было в сорок пятом... Засечём где-нибудь укрывшуюся группу немцев. Казалось, ну и чёрт с ними, пусть второму эшелону достаются. Чтоб лишний раз голову под пули не подставлять. Но нет, ребята сами говорят: «А ну давайте крикнем танкистов и выкурим гансов...». Это уже было в крови – свою солдатскую работу выполнять добросовестно и доделывать её до конца.

«31 января Сегодня часов у 12-ть ночи нашли своих в лесу Стоять на ис-

ходной в 12-ти кл. от Франкворта Горючего ни капли Пробовали заправлять спиртом мотор сильно греется и бессильный Будем ожидать подвоза».

– Трофейного спирта тогда добыли столько, что можно было даже в бензобаки заливать. Мотор «Опшеля» на спирту заводился, но работал плохо. Только и того, что мы наслаждались газами из выхлопной трубы – сильно пахло домашним печёным хлебом.

«1 февраля Сегодня ребята здесь начудили А в основном гуляем без конца Немок девушек хватает так что больше нечего и не надо Я лутше установил пулеметы на машине назвали мы ее "ух прокачу" Ходил к другу Ляху я у него и уснул не мог ходить ноги не носят.

2 февраля Сегодня собрались все вместе кутить наварили кур и засели».

– Входим в немецкую деревню – нет ни одного жителя. Бродят по улицам и мычат не доенные коровы, кричат не кормленные свиньи, под ногами куры бегают. Так мы не только кур варили и пили парное молоко, но поросят успевали поджарить. Опытный солдат умел всё делать быстро.

«Пели разные песни вспоминали за свою родину где нам Москва все время салютует Сегодня мне как то не по себе я тоже кое чего прыпомнил за свою Гривенскую где у меня остались родные близкие друзья Мне наверно не прійдется быть на родине. Я правда удивляюсь как я до сих пор жив. Сколько я своих друзей похоронил. И хорошие друзья Эх!».

– Иногда вот такая хандра нападала. Опасное это состояние. Вдруг, неожиданно начинаешь словно бы смерть свою предчувствовать. Вот тогда всего боишься, превращаешься в форменного труса. Но длится это недолго. Хотя часто случалось и так. Захандрит какой-нибудь солдат, даже заплачет, не стесняясь товарищей. «Меня, – говорит, – скоро убьют...» И действительно, вскорости погибает. Некоторые в таком состоянии как будто сами искали смерти – лезли под пули, от осколков не прятались. Человек не мог долго ходить с мыслью, что его убьют. Лучше уж скорее...

«3 февраля Двинулись в перед На опушке леса какая то деревня нас в нее обстреляли Мы залегли на улице нельзя и голову поднять Кроют "станкачи" немецкие. Ожыдать будем подхода танок. К ночи фрицев вытряхнули з деревни и остались здесь до утра продвинулись мы на на 15 кл. все, город Франквурт справа!!!

4 февраля Утром двинулись дальше без сопротивления но через 13 кл. на станции завязался бой Мы забрались на крышу вокзала с пулеметом "де-ше-ка" и начали полоскать фрицам ворту Через пол часа фрицы зогнали нас с крыши Мы укрылись между вагонами где мы обнаружыли два пульманских вагона с часами Нагрузили машину ими для ребят».

– С часами вышла такая история. Кто-то из наших лихих ребят, оказавшись между двумя составами, решил посмотреть, что может быть в немецком ваго-

не. Но поскольку лезть на него, чтобы открыть, было опасно – пули вокруг так и свистели, швырнул гранату прямо в двери. Двери, понятно, в щепки, а из вагона вывалились и разбились ящики с ручными часами.

Ручные часы тогда в России были редкостью. Да и не только ручные. У нас в Гривенской в хате никогда не было даже ходиков – время по солнцу определяли. И тут мы перед такими трофеями не устояли. Потом в полку одаривали всех часами. А их набрали столько, что многие, и я в том числе, отправляли посылками домой.

За всю войну я отправил домой две посылки. Первую – не помню с чем. А вторая была с часами. Но бог наказал за чужое добро. Дома у меня решили часы не продавать, а выменивать на продукты, задабривать ими, когда это будет нужно, врача или учителя. И спрятали узелок с часами на время в печи – боялись, что кто-нибудь случайно увидит и донесёт. Вскоро печь затопили, забыв про узелок. В общем, как эти часы пришли, так они и ушли. Никто о них не жалел и после войны не вспоминал. Мама, когда я уже вернулся с фронта, только раз по этому поводу и сказала мне: «На чужой каравай, сынок, роток не разевай».

«К вечеру пошли в атаку фрицы не выдержали штыкового удара и драпанули. Очистив станцию и деревню мы окопались на окраине Я со своим "де-ше-ка" лежу на железной дороге.

5 февраля Нас послали искать свои тылы потому что горючего нет. А фрицы это поняли и все время лезут в атаку. И вот мы на своем "ух прокачу!" носимся по всем тыловым дорогам до вечера искали но нечего не нашли вернулись с пустыми руками мне стыдно было докладывать что не нашли».

– Тут я, конечно, вспомнил случай на дороге, когда какой-то пехотный капитан смог достать бензин за пять минут, а разведчик за весь день не смог... Да, с горючим в наступлении просто беда была. А ведь в некоторых случаях горючее становилось важнее, чем боеприпасы. В конце концов, если кончились боеприпасы, можно как-то сманеврировать – сменить позиции или отойти – и тем самым сберечь людей и технику. А танк, бронетранспортёр или машина без горючего – это просто недвижимая мишень, которую бросить нельзя.

Продовольствие тоже не успевали подвозить. Но бог с ними, с продуктами, из положения всегда можно выйти. Кстати, на территории Германии, вот только не помню, с какого числа, нам отменили паёк НКО. Фактически – сняли с довольствия. Видимо, высшее командование посчитало, что доставка продуктов в Германию – это лишнее разбазаривание их, потому что в то время мы часто захватывали немецкие продовольственные склады, которые на территории Германии встречались довольно часто.

Мы много раз убеждались в том, что такое голод. Как жили немецкие или польские крестьяне, нам и не снилось. Геббельс знал, чем можно до смерти запугать и настроить против нас тех же поляков, – советскими колхозами, в которых люди пахут от зари и до зари, но ни гроша не получают и пухнут от голода...

А решение об отмене пайка НКО (продукты, из которых на фронте готовили горячую пищу) в той ситуации, наверное, было правильным. Страна голо-

дала, а мы на германских дорогах гусеницами танков давили валяющиеся никому не нужные куски сала. Хотя не все из нас находились в одинаковом положении. Кто-то ходил по салу и колбасе, а кому-то и ничего не доставалось – если в полосе наступления, к примеру, не попадались продсклады. А те склады, которые попадались, просто грабили. Растаскивали кто куда и сколько может. Никакой учёт не вёлся, централизованного снабжения с этих складов не было. Значит, кто опоздал, тот опять голодный.

«6 февраля Ночью прышла одна заправочная машина заправила нас и мы двинулись обратно вперед. По дороге встречается много немцев с красными флагами идут к нам в тыл говорят больше не хотим воевать вот когда поняли тупые ваши головы».

– Если шли сдаваться в плен, то почему с красными флагами, а не с белыми?

– О, немцы хорошо знали, какую силу имела в нашей стране коммунистическая идеология. Среди пленных всегда находилось много таких, кто объявлял себя коммунистом. И красные флаги, и крики: «Рот фронт!» – всё это, чтобы нам потрафить. Куда и подевалась хвалёная германская спесь.

Когда они ощущали свою силу, то пленные плевали нам в лицо, отказывались отвечать на вопросы и зачастую легко шли на смерть с криками: «Хайль Гитлер!». Сейчас они сами с нами заговаривали – хотя и подло, но многие умели говорить по-русски, потому как не один год ходили по нашей земле. Говорили о том, что Гитлер силой заставил их воевать, что они – только солдаты и должны были выполнять приказ. Но это и были в основном солдаты. Офицеры среди таких пленных почти не встречались.

Конечно, мы им не верили. Но никто их не трогал. Многие из нас не прочь были и позубоскалить с ними. К тому же их практически не охраняли. Очень часто они спрашивали у нас, где находятся пункты приёма военнопленных, и сами направлялись туда. Пленных тогда шло к нам в тыл столько, что если приставлять к ним конвоиров, то у нас и воевать было бы некому.

«7 февраля Остановились в лесу в заводе недостроенном не успели фрицы достроить заправляем машины наконец дождались горючего а то все время на соплях ехали.

8 февраля Стоим на перегруппировке Гуляем на все сто Возможностей здесь молоденьких немков и югославок много вот мы ими занимаемся Гуляйте браткы пока есть Возможность до Берлина осталось недалеко».

– Гуляли на всю железку в основном молодые солдаты. Хотя и те, кто постарше, как Роговский, Шишлаков, у которых уже было помногу детей, тоже от нас не отставали. Потому что жили одним днём. Роговский, к примеру, у нас отличался тем, что в конце каждого дня перекрестится и домой напишет самое короткое письмо: «Я, слава богу, живой».

«9 февраля Сегодня утром поехали мы с м-м (майором Косульниковым.-Г.Л.) на Одер Через Ланзбер который мы брали Тогда в нем и людей

было не выдать а сейчас много Большинство иностранцы Здесь нас мистера погоняли трохи».

– Это мы ездили на рекогносцировку для организации переправы. С хорошим настроением ездили. Потому что на пути к Берлину оставалась последняя переправа. Мог ли я об этом думать, когда Днепр форсировал?..

«10 февраля Мне предложили послать домой посылку Я поручил своему другу чтобы он отослал а то мне некогда Я пошел в разведку Може меня до вечера еще ебнуть».

– Речь идёт о той злополучной посылке с часами. А предложил мне отправить часы домой Роговский и подсказал, чтобы я в письме написал, зачем они дома нужны: на продукты менять, врачей и учителей задабривать...

«11 февраля Выехали на другой участок фронта Целую ночь ехали а утром залегли спать

12 февраля Двинулись на исходную через город Кинзберг и заняли оборону в какой то деревне. Сейчас мы дело имеем с немецкими моряками попробуем как у них зубы».

– Раньше я уже рассказывал о том, как наши штрафники разделались с моряками немецкой одерской флотилии. Это когда прямо во время боя они успели раздеть убитых моряков. А одежда на них была не то что на пехоте – потеплее, поудобнее и из лучшего сукна.

«13 февраля "Эх ма" наша таверна работает без перебоя. Кто останется жив тот после войны вспомнит за нее. Кругом гремят разрывы снарядов в нижний этаж уже штук 5-ть попало а у нас только одна болванка прошила крышу не смотря на это все мы п'ем песни поем на акордионе играе радист а мы танцуем Нач-таверны назначен Я. А как только фрицы подымутся наш де-ше-ка их укладывает Он у нас такой серьезный водку не п'ет девок не ебет нас остерегает Хотя он стальной но мне подчиняется без капризов за что я люблю тех людей которые его зделали на заводе Ну браткы Вып'ем за плохих артиллеристов что не могут до сих пор попасть по нашей таверне она им жызни не дает А именно мой Любимец ДЕ-ШЕ-КА.

14 февраля Сегодня я водил своих разведчиков на церкву на колокольню Я думал оттуда лутше будет лупить фрицев. Но только мы залезли на колокольню так он как дал беглый по ней Так мы кубарем с летели в низ Одного тяжело ранило в живот не выживет бедный но я его успокоял что хирурги все зделают только не беспокойся не трать на то психики».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 14 февраля 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, сломив сопротивление окружённой группировки противника, 14 февраля штурмом овладели городом Шнайдемюль – важным узлом коммуникаций и мощным опорным пунктом обороны немцев в восточной части Померании. По предварительным данным, в боях при ликвидации окружённой группировки противника и овладении городом Шнайде-

мюль войска фронта взяли в плен более 5.000 немецких солдат и офицеров... Противник потерял только убитыми более 7.000 солдат и офицеров». (т. 8, с. 75)

«15 февраля Моего хозяина переводят Выше а взамен за него приехал другой. Вот как раз мне момент выйти в отставку Мне хочется перейти к своему другу в 2-й дивизион».

– Хотя майора Чернуху назначили в штаб нашего 8-го механизированного корпуса где-то ещё с месяц назад, он по какой-то неизвестной мне причине продолжал служить в полку. Но в этот день Чернуха, наконец, сдал свою должность заместителя командира полка по строевой части майору Королёву. Королёв был человек степенный, серьёзный. Хотя наш солдатский юмор понимал, ценил и выпить с нами мог. Иногда посылал зампотылу капитану Шибаеву записку, чтобы тот отпустил нам спирта. А что ещё солдату от командира надо.

Майор Королёв не был профессиональным военным. О нём мы знали только, что до войны работал в Прибалтике главным инженером какого-то большого завода.

«16 февраля Сегодня везу своего хозяина на новое место Он меня приглашае но я не хочу мне скучно будет в тылу. Ехали через Кинзбер под Ланзберг Он там остался, а мы вернулись, и заночевали в одной деревне где девок было видимо не видимо Ноч провели ай я-я как тебе не стыдно писать!!!».

– Компания девушек тогда была интернациональной. Преобладали полячки, которые здесь работали у бауэров. Кроме них мы прихватили и немок. Первые к нам со всей душой, а вторые смотрели на нас, как мне показалось, с омерзением. Но мы к этому относились спокойно, ведь находимся на вражеской земле. Так, наверное, и должно быть...

«17 февраля Вечером приехал в свою часть где таверна по старому работает. Сразу же меня вызвал командир полка, и приказал быть на крыше со своими хлопцами и установить одного Максима в помощ для де-ше-ка.

18 февраля Мы выехали на н.п. с новым хозяином На место приехали утром и взялись за свое дело Отсюда прекрасно выдать все как на ладони но вечером нас по радиии срочно вызвали назад».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 18 февраля 1945 года:

«Командир 3-го дивизиона 91-го немецкого артиллерийского полка капитан Вилли Нафцигер, взятый в плен на 1-м Белорусском фронте, рассказал: «Мой дивизион был придан 6-му артиллерийскому полку 6-й пехотной дивизии. На совещании офицеров командир полка майор Брунг хвастливо говорил: «Наша оборона укреплена и насыщена таким количеством техники, что русские не смогут её прорвать». Подобные иллюзии разделяли и другие офицеры. Через несколько дней всех нас постигло горькое разочарование. Русские войска быстро преодолели казавшиеся неприступными позиции. Наши разбитые части в беспорядке отступали. Теперь всё потеряно. Нет никаких надежд на благопри-

ятный для Германии исход войны. Страна истощена, её резервы иссякают». (т. 8, с. 83)

«19 февраля Утром рано вернулись к своим и таверна заработала с новой силой А вечером выехали на другой участок фронта

20 февраля Приехали на Новое место Ехали всю ночь через Ланзберг и много других городов Я лично устроился Хорошо.

21 февраля Гуляем п'ем веселимся как можно лутше выжымаем из жызни все что можно девушек здесь хоч отбавляй Бельгийкы хорошие нечего плохого не скажеш правда по руски не понимают Но они тоже Молодые и знают без розговора чего нам нужно.

22 февраля все в том же духе только я отобрал 12-ть девушек дал им продуктов и объяснил что завтра у нас праздник и надо к нему прыготовить в виде пира будет Они с радостью взялись за это дело.

23 февраля Сегодня День Красной армии наш кровный праздник После построения было кино "Серенады солнечных долин". А после кино командир розрешил гулять от пуза и поминать деда Кутуза. Когда мы прышли в зал то все было готово и девушки на фуфыренные Нас прышло 10 а два спились и легли спать девушки мне сейчас же заметили что пан не справедлив что мол девушек прыгласил 12 а ребят только 10 Но я им сказал что руские могут управится и з двумя. Гуляли хорошо до вечера а вечером каждый за свою мамашу и понеслас После каждого "танца" за стол Я уже под утро уснул с "Гели" Хорошая девченка только трудно ублаготворить одному».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 23 февраля 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта после месячной осады и упорных боёв завершили разгром окружённой группировки противника и 23 февраля полностью овладели городом и крепостью Познань – стратегически важным узлом обороны немцев на Берлинском направлении. В ходе боёв в Познани войска фронта взяли в плен 23.000 немецких солдат и офицеров во главе с комендантом крепости генерал-майором Маттерн и его штабом... Противник потерял только убитыми свыше 25.000 солдат и офицеров». (т. 8, с. 90)

«24 февраля Похмеляемся и разбираем кто какой был и сколько "кто кого" Моя "Гели" не прышла Говорить голова болит Но нечево у нас в запасе есть и я пошел спать с "Ненси"».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 24 февраля 1945 года:

«С огромным подъёмом встретили советские бойцы, сержанты, офицеры и генералы приказ Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза товарища Сталина о 27-й годовщине Красной Армии. На фронте, в прифронтовых и тыловых гарнизонах во многих частях и подразделениях состоялись массовые митинги и собрания. Речи выступавших на митингах проникнуты горячей любовью и безграничной преданностью к товарищу Сталину, к нашей могучей Родине». (т. 8, с. 93)

«25 февраля Сегодня мы с м-м выехали на машине смотреть на новое место куда мы должны переехать Но когда вернулись ночью то все уехали остались одни тылы Я пошел ночевать до Ненси она с радостью прыняла

26 февраля Утром выехали на фронт дорогой машина на которой мы ехали перевернулась и мне помяло бока Прыехали в лес Сыро снег идет спал возле костра это не Ненси».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 26 февраля 1945 года:

«Как уже ранее сообщалось, наши войска при ликвидации окружённой группировки противника в городе Шнайдемюль (14 февраля, в Померании, войска 1-го Белорусского фронта-В.М.) взяли в плен более 5 тысяч вражеских солдат и офицеров. Кроме того, в лесах севернее Шнайдемюля советские части ликвидировали две группировки немцев и взяли большое число пленных. В числе пленных комендант города Шнайдемюль полковник Генрих Ремлингер..., начальник инженерной службы шнайдемюльского гарнизона полковник Альфред Курхауп... Пленный полковник Генрих Ремлингер рассказал: «27-го января я прибыл в город Дойч-Кроне в штаб Гиммлера, командующего группой немецких армий «Висла». Гиммлер объявил мне, что я назначен комендантом Шнайдемюля, и добавил: «Вам предоставляются неограниченные права, и вы должны удерживать крепость любой ценой». Вскоре после этого русские окружили город. За несколько дней боёв мы потеряли убитыми и ранеными свыше 4 тысяч солдат и офицеров. В городе царили паника и хаос. Многие офицеры пришли к заключению, что гарнизон обречён на гибель, и высказывались за капитуляцию. Я по радио связался со штабом и доложил, что положение гарнизона критическое. В ответ была получена радиограмма за подписью Гиммлера: «Ваше положение нам известно. Держитесь. К вам идёт помощь». Не дождавшись никакой помощи, я на свой риск и страх решил прорваться из Шнайдемюля на север. Однако мы натолкнулись на русских, понесли чрезвычайно тяжёлые потери и были рассеяны. Меня и моего начальника штаба взяли в плен».

Пленный полковник Альфред Курхауп сообщил: «Шнайдемюльский «котёл» стал могилой для многих тысяч немецких солдат. Ни одному даже мелкому подразделению не удалось пробиться из окружения. Вырвавшиеся из города группы были настигнуты русскими в лесах и по частям уничтожены. На лесных и просёлочных дорогах я видел тысячи трупов немецких солдат, брошенные танки, самоходные орудия и разбитые автомашины. В плену я встретил многих офицеров шнайдемюльского гарнизона, которые вместе с разрозненными группами солдат сложили оружие и капитулировали». (т. 8, с. 95-96)

«27 февраля выехали в город Реец здесь будем ломать фрицам ребра он здесь тоже подготовил к сопротивлению все время обстреливает квартал в котором наши танки замаскированы

28 февраля Сегодня шпроты индюшка на прованском масле и выпивка Сидим целый день в подвалах Ходить по воле фрицы не разрешают все время обстреливают».

– Шпроты, индюшка – это редкие консервы, которые достались нам с немецких продовольственных складов, раньше пробовать не приходилось. Их магазины мы никогда не трогали. А зачем? Нам нужна была только еда, которой пока хватало. Поэтому я даже не знаю, что в то время было в немецких магазинах.

«1 марта Сегодня сижу со своей братвой на четырех этажном доме на чердаке отсюда все выдать Засекли две огневых точки Батареею противника Вечером отдали артиллеристам пускай проучать

2 марта Сегодня нашего одного разведчика убило Хоронили вечером всем отделением С автоматов салютовали. Какие то грусные дни наступили Водку надоело пить Женщин и не показывай Та еще "фрау" Ну их в Хуеву деревню.

3 марта Лежу в подвале на перинах меня что то знобит Боюсь что бы не заболеть А ребята в очко режут».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 3 марта 1945 года:

«Взятый в плен командир 304-й немецкой пехотной дивизии генерал-майор Ульрих Лисс длительное время работал в 3-м отделе немецкого генерального штаба (отдел западных армий). В январе 1945 года Лисс был назначен командиром дивизии и направлен на советско-германский фронт. Пленный рассказал: «Германское командование со дня на день ожидало зимнего наступления русских. В высших военных кругах господствовала уверенность, что немецкой армии удастся удержаться на оборонительных рубежах на Висле. Через несколько дней после начала русского наступления от этой уверенности и следа не осталось. Прежде чем генеральный штаб успел принять какие-либо меры, русские на обширном фронте смяли и сокрушили немецкую оборону. Немецкое командование приказало приостановить все наступательные операции на западном фронте и перейти там к обороне. Началась спешная переброска войск с западного фронта на восточный. Однако было уже поздно».

Пленный командир 433-й немецкой пехотной дивизии генерал-лейтенант Люббе сообщил: «За четыре дня моя дивизия была разбита и перестала существовать как боевая единица. Ещё задолго до январского наступления русских я весьма пессимистически оценивал положение немецкой армии. Доводы разума говорили о том, что у Германии уже нет никаких шансов на победу. И всё же чрезвычайно быстрый разгром немецкой обороны явился для меня полной неожиданностью. Я не допускал мысли, что продвижение русских будет таким стремительным и глубоким». (т. 8, с. 102)

«4 марта Сегодня ездил связываться с соседями Кто справа Кто слева вернулся в город позно вечером Как раз под арт налет подоспел пролежал с пол часа в канаве головы поднять нельзя Вот чистил ебаный нос но обожды доберемся до вас фрыцакы яйца поадрываем».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 4 марта 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта перешли в наступление на участке восточнее города Штаргард. Немцы сосредоточили в этом районе крупные силы и в феврале неоднократно пытались отбросить наши части на юг. Войска фронта в ходе боёв измотали противника и утром 1-го марта сами перешли в решительное наступление... Наши подвижные соединения, прорвавшись в тылы врага, опрокинули и рассеяли подходившие резервы немцев. Овладев важными узлами коммуникаций..., наши войска вышли на побережье Балтийского моря в районе города Кольберг. В ходе наступления нанесено тяжёлое поражение двум моторизованным и трём пехотным дивизиям СС и другим соединениям противника. Многие немецкие части были разбиты в первых же боях. Их

остатки, потеряв управление, бродят в лесах и вылавливаются советскими бойцами». (т. 8, с. 103-104)

«5 марта Сегодня гулял целый день а к вечеру ходили в разведку за языком Но хуй... Языка не достали нас обстреляли два раза и мы с тремя ранеными вернулись в свой подвал не удачно Неудобно и докладывать о таком плачевном номере».

– Мы докладывать должны были своему непосредственному начальнику майору Королёву, а тот – выше. Выходит, мы подвели Королёва. Конечно, за это ни нас, ни его никто не накажет. Взять языка – задача очень непростая, и далеко не каждый раз удаётся её выполнить. Но как бы там ни было, даже если неудача оплачена кровью, всё равно стыдно... И не столько перед начальством, сколько друг перед другом, перед ребятами из дивизионов.

На этот раз Королёву учинили хороший разнос. Язык был крайне нужен. Королёв сообщил нам об этом без обиды. Ведь он сам ставил нам задачу, указал конкретное место, где надо работать. Мы точно выполнили все его указания.

Очень часто мы действовали одинаково. Выходили в немецкий тыл, к какой-нибудь оживлённой дороге и подбирали такое место, где немцы могли остановиться, чтобы справить свою нужду. Это был почти беспроектный вариант. Как только немец спустит или расстегнёт штаны, мы тут как тут. Главное, чтобы не пикнул, шум не поднял. Немецкая разведка тоже очень часто пользовалась этим способом. Поэтому по одному в машине немцы не ездили. Много раз слышал, как наши солдаты о ком-то рассказывали: пошёл до ветру и не вернулся...

На передке труднее брать языка. Ползёшь на брюхе к немецкому окопу, а сам думаешь: «Может, вот сейчас навстречу своей смерти ползу». Но о чём бы ни думал, пока тебя не обнаружили, назад дороги нет. А обнаружить могли запросто. Ведь у них тоже наблюдатели сидели впереди окопов. Причём, у нас наблюдатели выделялись один-два на взвод, а у них – в зависимости от местности, чтобы ночью они находились на расстоянии визуальной связи. Было бы у немцев организовано ночное наблюдение так, как у нас, мы бы таскали языков столько, сколько нам нужно. Поэтому их наблюдателей мы очень опасались. Если он тебя заметил первым, то всё пропало. Уйти живым, конечно, шансы есть. Но на «языка» уже рассчитывать не приходится...

Потом. Начнёшь резать проволочное ограждение, вдруг, зазвенят где-то подвешенные пустые консервные банки. Или наткнёшься на специальный сигнальный кабель, который включает в их расположении электрический звонок. Под осветительную ракету можно попасть. В спокойное время, когда не шли бои, немцы пускали ракеты с интервалом три-пять минут. Ракетчики находились друг от друга на расстоянии метров триста, не больше. А это значит, что на местности перед окопами не было участка, который бы не освещался их ракетами.

Хотя немецкой предусмотрительностью мы тоже пользоваться умели. Кто-нибудь из нас в стороне специально банками загремит. Поднимается стрельба. Мы под этот шум проникаем за проволочное ограждение. Через какое-то время он снова гремит банками – снова стрельба. Потом ещё раз, ещё раз. А мы делаем своё дело.

Конечно, тот, кому доставалась в разведке такая задача, нередко оказывался убитым. Поэтому прибегали к такому способу только тогда, когда не оставалось других. Что ж, приходилось платить дорогую цену, чтобы выполнить главную задачу. «Язык» нужен на верх, а там не спрашивали, какой ценой он добыт. «Язык» должен быть в штабе, потому что должен быть, если отдан на то приказ! А значит, никаких наград за «языков» не получали. Да кстати, об этом и не помышляли. Считали каждый поиск обычной для себя работой.

На нашей территории немцы очень боялись советскую разведку и больше остерегались. А в Польше и, особенно в Германии, нам стало легче работать.

Когда идёшь в разведку, документы и награды оставляешь в штабе. С собой берёшь гранаты – в каждый карман по гранате, два запасных диска к автомату ППШ, а к ППС (*автомат Симонова, рожковый.-В.М.*) рожков брали столько, сколько можно с собой унести. На немецкий манер запикивали их в голенища сапог. Только у немцев сапоги были раструбом, и они могли засовывать в них по несколько рожков. А в наши сапоги заходило только по одному.

Конечно, для фронтовых разведчиков нужна была специальная форма, чтобы каждому предмету было своё место, и чтобы ничто не мешало тебе двигаться. Но почему-то никто об этом не заботился.

У разведчиков действовал железный закон: независимо от того, взят «язык» или нет, своего раненого или убитого во что бы то ни стало принести обратно. Правда, случалось и такое, что из поиска не возвращался никто. Так, к примеру, произошло у нас под Житомиром. За «языком» пошли только что прибывшие к нам курсанты разведшколы, десять человек. Не вернулся никто. Что там с ними случилось, мы так и не узнали.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 5 марта 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 5 марта овладели городами Штаргард, Наугард, Польцин – важными узлами коммуникаций и мощными опорными пунктами обороны немцев на Штеттинском направлении, а также с боями заняли более 150 других населённых пунктов... Немцы потеряли только убитыми свыше 4 тысяч солдат и офицеров». (т. 8, с. 104-105)

«6 марта С утра выпили А до вечера спали в 9 ч. вечера идем обратно за языком Теперь идем в 5терых Тры ушло в госпиталь. Язык нужен во чтобы то не стало А ночь сегодня должна быть темная потому что хмарно!!! До проволочного заграждения добрались за 20 мин. перерезали и по пластунски двинулись дальше Я первым дополз до траншеи в ней никого не было видно. Но только я спустился как показался фриц с котелками Он шол прямо ко мне Я подпустил его в плотную и ударил его прикладом по голове и когда он падал то всего меня облил супом гороховым. Я быстро вытащыл свою добычу наверх а здесь братва подхватила и мы его поволокли как миленького. Я боялся за то что я думал что я его на смерть убил Думаю если не отойдет то все пропало А мертвый нам на хуй нужен. Но когда втянули в свою траншею и начали лить холодную воду на голову он зашевелился и начал что то бульмотать по немецки Думаю он на меня сердился за то что я не дал ему суп покушать Хуй ему в зубы наша задача выполнена

7 марта Сегодня возил фрица в штаб Он оказывается не рядовой а унтер офицер так что мы с ним одного звания Он на меня часто смотрит из под лоба Я через переводчика спросил что разве он меня не узнае ведь я с ним первый познакомился в траншеи правда Може он сердится до сих пор за суп Так я ему давал в замен консервов Хуй бы тебе дал если бы ты не нужен для штаба Был бы ты уже в исуса Христа в приемной».

– Первый раз ходить в разведку мне довелось ещё в то время, когда я служил в сапёрном батальоне. Было это на Дону. Пехотной фронтовой разведке тогда придавались сапёры для того, чтобы проделывать проходы в минных заграждениях.

Переправились мы ночью на лодке через Дон, вошли в затон и поднимались по нему с километр – до тех пор, пока не нашли на берегу густые заросли. Здесь можно было высаживаться. Первыми пошли мы, сапёры. Смотрели внимательно, какая трава: если примята – здесь немцы могли выставить мины, если не тронута – шли туда.

Командовал разведчиками старший сержант. Мужик опытный, воевал ещё на Халхин-Голе. Когда в небольшой лесок вошли, наткнулись на машины в аппаратах. Значит, здесь будет сильная охрана. Обошли машины и двинулись по опушке.

Вдруг, видим, на дороге стоит одна машина. Шофёр качает колесо, а кто-то, наверное, офицер сидит в кабине и насвистывает какую-то мелодию. Брать его в кабине труднее. Решили подождать. Сержант нам, сапёрам, говорит: «Мы сейчас – к машине, а вы укройтесь где-нибудь здесь. Сидеть и ждать нас. Ваша помощь понадобится, если завяжется перестрелка».

Разведчики подбирались к машине, как я до войны заходил на кабанов, – против ветра. Чтобы ни случайным шорохом, ни даже запахом себя не обнаружить. Офицер в кабине продолжает свистеть. Потом заговорил с шофёром. Речь не немецкая. То ли румынская, то ли итальянская. Хлопнула дверца. Он вышел, ударил ногой по колесу, заложил руки за спину и потихоньку побрёл по дороге. Тут его и взяли наши ребята. Двое как из-под земли выросли рядом, и через секунду – уже никого не видно. Всё произошло так тихо, что шофёр как качал колесо, так и продолжал качать. Но не долго. Скоро и он оказался связанным и с кляпом во рту.

Возвращались к затону строго по своему следу, чтобы не напороться на мину. Но в лодку все мы поместиться не могли. Я предложил: давайте пленных, оружие и свою одежду в лодку, я сяду на весла, поскольку с лодкой управляться умел хорошо, а остальные – в воду и держаться за борта лодки. Так и сделали. Когда уже были на середине реки, немцы нас заметили. Целый фейерверк из ракет устроили. Стрельбу подняли как во время боя. Но переправились мы благополучно.

Вышли на свой берег, и только тут сержант вытащил кляп у офицера. На вид молодой очень, лет девятнадцать-двадцать, не больше. Первое слово, которое он сказал, было «мама». Сказал по-русски. Мы даже опешили. Ведь на том берегу слышали чужую речь. Но нет, в конечном итоге оба – и офицер, и шофёр – оказались итальянцами. А почему он произнёс «мама» на русском языке, узнать не довелось – сержант приказал нам возвращаться в свою часть.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 7 марта 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта развивали успешное наступление... Наши войсками ликвидирована группировка противника, окружённая южнее города Шифельбайн... Советские танкисты в боях за ликвидацию окружённой группировки противника истребили до 4 тысяч гитлеровцев. Район боёв усеян разбитой техникой, вооружением и трупами солдат и офицеров противника». (т. 8, с. 108)

«8 марта Сегодня в 6 ч. утра арт-подготовка началась. Совпадение и женский праздник Арт-подготовка длилась 5 ч. От крепкая была Когда взвилась серия красных ракет сигнал в атаку мы поднялись и скрыком "Ура" побежали к фрицевским траншеям уцелевшие фрицы бежать мы им в догонку с автоматов начали шыть Ворвались в деревню А здесь паника Мы начали ее разбирать Я четыре диска патрон выпустил».

– Своих два диска израсходовал, а ещё два взял у раненых. Автомат так нагрелся, что за ствол и даже за диск его не удержишь. Приходилось держать за ремень. Немцы-солдаты бегут, но отстреливаются. Замечал, как они не только в нас стреляли, но и по своим офицерам, которые пытались их остановить, гнали назад, в окопы, и тоже стреляли в них из пистолетов.

«Начал гранаты лимонки бросать где по густей гансов было. Когда как закрыть мой Михаил, я к нему но помоч не мог невчем Ему пуля разрывная попала прямо в грудь. Я возле него залег потому что прямо на меня шли 8-м фрицев Я в них бросил противотанковую Кто с них остался жив тот убежал».

– Это Миша Шуралёв закричал... Последний раз в своей жизни. Когда я побежал к нему, он был уже мёртвый. А в груди страшная рана. Даже раной это не назовёшь. Грудь вся вырвана. Всё залито кровью, только белые косточки рёбер торчат. Вижу, теперь ему уже ничем не поможешь, поэтому побежал дальше, за немцами. Надо завершать главное дело.

«Когда деревня была взята я попросил чтобы отпустили нас похоронить Мишу Вернулись похоронили мы его за городом на перекрестке дорог. Нас осталось четыре теперь. Ну братья теперь за Мишу будем ногти вырывать. Как я теперь его любимой напишу Мне Амос сказал напишем в месте когда выйдем на отдых с условием если останемся живы. Незаметно мы догнали своих А все же не верится что Миши нет снами».

– Нас осталось теперь четверо. Вчетвером мы Мишу и хоронили: Шитиков Амос, Лозуков Сергей, Коба и я. Хоронили как и всех, по-солдатски. Вырыли могилу поглубже, чтоб никто его случайно потревожить не мог. Завернули Мишу в плащ-палатку, сверху ещё шинелькой укрыли. Каждый бросил в могилу по горсточке земли: «До свидания, дружок... Может, скоро встретимся...».

Какое-то надгробие не из чего делать, да и времени не было. Разбили ящик из-под снарядов, вбили над могилой кол, на него приладили дощечку с надписью: «Шуралёв Михаил (отчества мы не знали), погиб 8.ІІІ.1945».

Миша нам много рассказывал о своей жене. Познакомился он с ней в Казани. Она работала на том же заводе, что и Миша. Жили, как он говорил, душа в душу. Каждое её письмо Миша нам пересказывал. Никто из нас такие ласковые письма не получал. Все мы ему по-хорошему завидовали. И теперь ясно понимали, что будет значить для неё известие о Мишиной смерти. Потому и не решались сообщать. Амос даже «хорошее» оправдание придумал: мол, сообщим, если живы останемся, а если сами погибнем, то наша смерть нас и оправдает перед Мишиной женой.

«9 марта Преследуем противника Он бегит бросает все по дороге особенно машин много вся дорога забита Горючего нету».

– К концу войны, можно сказать, сразу после того, как капитулировала Румыния, у немцев с горючим совсем стало плохо. В атаку танков шло меньше, чем было на самом деле. Авиация всё реже и реже тревожила нас. А брошенных машин заметно прибавилось.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 9 марта 1945 года:

«На Штеттинском направлении наши войска очищали от противника восточный берег реки Одер. Нанося немцам удары с севера, востока и юга, советские части продвигаются к городу Альтдамм – опорному пункту противника, прикрывающему Штеттин с востока. Пехотинцы и танкисты, поддержанные артиллерией, выбивают немцев из укреплений, построенных в населённых пунктах и у дорог. Только на одном участке наши войска истребили до полка пехоты противника. Захвачено у немцев 2 самоходных и 132 полевых орудия, много миномётов, пулемётов и другие трофеи». (т. 8, с. 111)

«10 марта Сегодня ночью в одной деревни застали фрицев на постели За час всех перестреляли Они под утро собрались з духом Хотели вернуть деревню но позно уже было Правда окружыли а днем мы розогнали все эти ихние попытки».

– Здесь война пошла какая-то размеренная. Как вечер, так бой кончается. Утром снова начинается. Время обедать – немцы опять огонь прекращают. После обеда бой продолжается. Только на стратегических направлениях бои шли круглые сутки. Вначале это и нам понравилось. А что, выспаться успеваем и поесть тоже. Но канитель эту хотелось поскорее кончать.

Теперь мы воспользовались их распорядком войны по-своему: пошли в наступление ночью, когда нас меньше всего ждали. Но пока в бой не вступили, стали решать, где можно заночевать в тепле. Майор Королёв достал свою карту, я ему фонариком-«жучком» подсвечиваю. Смотрим, неподалеку посёлок. Решение быстрое: туда. Остановились у крайнего дома. В посёлке тихо. Никого не видно. Были бы немцы, часовых выставили. Поэтому уверенно заходим в дом. А они там, голубчики, вповалку спят.

Конечно, никто из них уже из этого дома не вышел. Среди немцев в посёлке началась паника. Выбегают из домов и стреляют кто куда. Мы тоже прицельный огонь вести не могли – темно, можно по своим влупить. А когда несколько домов загорелось, тут уж мы стали их расстреливать.

Вообще ночь – самое благодатное время для разведчика. Ночью задачу можно выполнить лучше, и как говорили, малой кровью. Вот, к примеру, каким был самый «спокойный» рейд за «языком».

Украина. Лето. Чуть светать начинало, когда мы вышли к селу. Знали, скоро кто-нибудь из местных погонит свою корову на выпас – у него обстановку и узнаем. Точно, гонит старушка. Мы к ней:

– Бабуля, ты только не шуми и не бойся... Немцев в селе много?

– Да чего ж, сыночки, мэни своих бояться? А нимцив богато. У каждой хати нимци.

– Нам нужен офицер... Ну, такой, в высокой фуражке, с пистолетом на боку... В какой он хате?

– Бачила. Он у той. Живе с нашою селянкой-сучарой. Вы ж и еи ты ж накажить.

Охраны никакой не было. Видимо, думали, в глухомань забрались, никто их здесь не застанет. Потихоньку открываем дверь... Лежат в постели голые женщина и мужчина. А рядом с кроватью на стуле аккуратно повешена форма обер-лейтенанта. Немец сразу проснулся и что-то стал говорить по-немецки. Мы ему автомат показали, и он успокоился. А баба в крик.

– Молчи, блядюга. Ты нам не нужна. А хахалю объясни, пусть одевается.

Стал обер-лейтенант одеваться. Руки, ноги дрожат, в штанину никак ногой не попадёт. Мы ему помогаем – спешить надо, пока его команда не очухалась. Пока он одевался, я ножом отхватил от его исподней рубахи пол рукава, засунул в пустой кисет. Получился хороший кляп. Немец увидел его, замотал головой. Спокойно объясняем: так надо. Подчинился и на этот раз. Вывели его из хаты и бегом в лес. Забежали в заросли. Всё тихо. «Ну, бабуля, дай бог тебе здоровья!». Задача, считай, выполнена. Вот только сучару, как просила старушка, не наказали. Ну да не наше это дело. Бог ей судья...

«11 марта Удерживаем все эту деревню Ночью они обратно нас окружили а днем мы восстановили старое положение Словом ночью их прымущество а днем наше Бой идет днем и ночью и большинство рукопашные

12 марта Погнали фрицев к морю Бегут как угорелые в одной деревне остановились на ноч С Лазуковым Сережою обрабатывали немок».

– Буквально вчера кровь и смерть друзей, а сегодня женщины в постели?..

– Я уже говорил: солдат на фронте живёт одним днём. Вчера убили Мишу Шуралёва. В какой момент убьют тебя, ты не знаешь. Может, завтра. А может, сегодня. Через час... Мы, молодые, спешили взять от этой жизни всё, что ещё не добрали. Даже если перед боем у тебя есть последний кусок хлеба или щепотка табака, ты обязательно съешь хлеб и докуришь табак.

Хотя здесь была и другая причина. У убитых, как правило, ещё на поле боя забирали продукты и курево. Мы рассуждали так: пусть лучше ничего при тебе не будет, чтобы тебя мёртвого никто не обшаривал...

«13 марта Движемся все дальше Уже недалеко Балтийское море Ночью обратно с Сережою с немками воевали Здесь комедия получилась Мне прышлось целый час работать Ой устал же будь ты проклята

14 марта Фрицы было задержались Но на них поднажали Они дальше сквозанули Сегодня мы освобонили лагерь в котором немцы держали евреев девушек одних. Стражу мы здесь же розстреляли на ихних глазах Они ещо и ногами топтали розстреляных Лезут целовать. Грязные какие Голодные Пухлые От ветра падают».

– На этот раз охранниками были шестидесятилетние старики из «фольксштурма». Заключённые налетели на их трупы с каким-то просто нечеловеческим рёвом. Они их, наверное, растерзали бы там на куски. А мы сначала не поняли, что узники – это девушки. Надо было хорошо присмотреться, чтобы в этих страшных людях узнать девушек – перед нами двигались просто бесполое скелеты, обтянутые кожей. Они бежали за нашими машинами, тянули к нам свои жуткие костяшки рук. Но мы не могли давать им еду в руки, потому что они кидались прямо под колёса. Хлеб, консервы – всё, что у нас было, мы бросали подальше от машин, прямо на землю.

Через какое-то время мы встречали бывших же узниц совсем в другом виде. Они отъедались хорошими немецкими харчами, наряжались в одежду немецких фрау и уже спокойно разгуливали по немецким городам на высоких каблуках.

«15 марта Сегодня мы вышли в польский коридор Горючего ны хватило и мы остановились Нас с Амосом послали в разведку на ближайшую соше разведать кто по ней движется Но не доходя до соше схватились две женщины и бежать от нас Я крикнул Ханды Хох Но одна обернулась два раза выстрелила в меня и бежать Одна пуля попала в сапог а другая мимо. Я резанул с автомата и обе свалились как мешки Я подошел взял пистолет а документы не схотел брать они были все в крови и мне не схотелось маться».

– Когда мы видели этих женщин, то хотели у них спросить, как выйти к дороге. А тут такое приключилось. Кто ж мог подумать, что они будут стрелять? От неожиданности сработала обычная реакция разведчика: мгновенно отвечать на первый же выстрел в тебя. Одна из них – молоденькая девушка. У неё не было оружия. Она бежала быстрее другой, не оборачиваясь, и оказалась несколько впереди неё. А стреляла в меня пожилая женщина. Я когда по ней дал очередь, то зацепил и девушку.

Произошло всё так быстро, что Амос Шитиков, который шёл за мной шагах в двадцати, ничего не понял. И кричит мне:

– Гришка, ты что спятил?! Зачем по женщинам стрелял?

– Так и по мне ж они стреляли...

– Какого хрена брешишь, кто там по тебе стрелял.

– А ну пошли...

У пожилой женщины в руках зажат маленький пистолетик, и ствол ещё теплый. В этот момент у неё задвигались ноги. Я крикнул:

– Амос, берегись!

Бросился к ней и вытащил из руки пистолет.

У девушки оружия не оказалось. Хотели проверить, мертвы они или только ранены. Но тут Шитиков закричал:

– Стой! Хендэ хох!

Неподалеку из тех же зарослей, откуда выбегали эти женщины, выскочили трое мужиков. Но эти сразу остановились, а один охотно подбежал к нам. Он оказался украинцем, но, как объяснил, давно жил в местной немецкой деревне. В эту деревню недавно вошли наши войска, и жители побежали сюда прятаться. Мы узнали у него, как выйти на шоссе, и пошли дальше своей дорогой. Только теперь уже страхуя друг друга от подобных неожиданностей.

Амос Шитиков был хороший разведчик, надёжный друг и, кстати, талантливый человек. Замечательно играл на аккордеоне, на баяне. Даже сам музыку сочинял. Одно, как его называли, «классическое произведение» особенно запомнилось. Называлось оно «Марш от Бреста до Берлина». Исполнял его Шитиков на немецких губных гармошках. Были у него три такие гармошки, все разной величины и по-разному звучали. С ними Амос расставался только тогда, когда шёл в разведку. Когда он исполнял этот «марш», никаких комментариев не требовалось. Мы узнавали 41-й год, 42-й, 43-й и даже конкретные события: вот пересекли польскую границу, вот находимся на отдыхе, вот – на передке...

Погиб Амос, когда я уже был в госпитале, 3 мая 45-го года. Война уже практически закончилась. Ребята по Берлину ходили свободно. Потом мне Роговский рассказывал: на одной из берлинских улиц человек десять наших полковых ребят, среди которых был и Амос Шитиков, накрыл немецкий фаустник.

«До соше подошли а здесь описать нельзя обоз машины танкы друг на друга лезут фрыцы убегают Мы в лес и к своим Но по дороге встретили девушек немок Так мы Ай я.я. и бегом дальше Через пол часа наши танкы начали ломать все подряд а наша работа была поливать розбегающих фрицев Поработали крепко».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 15 марта 1945 года:

«Немецкие «летучие военно-полевые суды» заседают день и ночь и пачками выносят смертные приговоры. И всё же они не успевают рассматривать все дела о дезертирстве. Поэтому нацистские офицеры зачастую расстреливают солдат без всякого суда и следствия. Пленный солдат 234-го полка 56-й немецкой пехотной дивизии Иозеф Дуллинг рассказал: «22-го февраля в нашем батальоне были расстреляны без суда 15 немецких солдат за то, что они оставили позиции». (т. 8, с. 120)

«16 марта Перед городом Нойштат нас немцы остановили и мы топтались до самого утра нечего не могли зделать Здорово власовцы держались Гады же руские и на русских хвост поднимают».

– Главным препятствием перед Нойштадтом стала дорога, которая была сплошь забита брошенной немецкой техникой. Наши танки вели огонь и одновременно работали на этой дороге как бульдозеры. А о власовцах мы узнали от пленных, которых взяли в Нойштадте. Держались власовцы до последнего и в плен не сдавались. Потому знали, что прощения им не будет. Бросить фронт и бежать в немецкий тыл они тоже не могли – там их немцы расстреляют.

Смотришь, морда рязанская, а лопочет по-немецки. Многие так хотели выдать себя за немцев. Но ни у кого не получалось. Тем более переводчики быстро разбирались, кто немец, а кто нет. Мы тогда власовцев ненавидели люто. Считали их всех добровольными предателями. Если в разведке власовец встретился, сразу очередь ему в живот. Хотя после этого и приходится другого языка добывать... И Польшу им простить не могли. Ведь это же власовцы, передевшись в красноармейскую форму, специально вырезали поляков целыми сёлами, чтобы тем самым вызвать ненависть к Красной Армии.

Мы не сразу узнали, что среди власовцев было немало наших военнопленных, которые вступили в эту армию, чтобы только спасти свою жизнь, а там, надеялись, перейдут через линию фронта. Всё оказалось не так просто как нам преподносили политруки и агитаторы из политотдела. А мы всех власовцев клали без разбору, под одну гребёнку...

На мой суд, так тех, кто стоял перед выбором – стать власовцем или смерть принять, надо было простить. А истинных предателей, тех сволочей, которые резали поляков, прощённые назвали бы сразу. И уверен, что ни один предатель от возмездия не ушёл бы. Ни один! Тогда не та обстановка была, чтобы можно было спрятаться за чужие спины.

«17 марта После арт подготовки прорвали оборону Заняли город Нойштат и деревню Реда Перед городом Рамель и Яново обратно немцы и власовцы задержали нас Сейчас мы видим город Гдыню и Балтийское море в бинокль Хорошо выдать как идет погрузка на порохода С крейсеров б'ет тяжелая артиллерия Как попадет снаряд в дом так и следа нет вот Это Да!».

– Немцы стремились уйти через Гдыню морем.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 13 марта 1945 года:

«Северо-западнее Гдыни наши войска заняли ряд населённых пунктов. Противник, прижатый к Данцигской бухте, отчаянно сопротивляется. Советские пехотинцы, танкисты и артиллеристы наносят врагу непрерывные удары и настойчиво продвигаются вперёд. Занят железнодорожный узел Реда, находящийся в 13 километрах от Гдыни. Ожесточённые бои идут у внешнего обвода данцигско-гдынского укрепленного района. За день уничтожено до 3 тысяч солдат и офицеров противника». (т. 8, с. 116-117)

Из оперативной сводки Совинформбюро за 22 марта 1945 года:

«Развивая успех, наши войска вышли к городу Нойштадт. Всю ночь, не стихая, шли ожесточённые уличные бои. К утру город был очищен от гитлеровцев. В Нойштадте захвачены большие трофеи, в том числе склады с военным имуществом». (т. 8, с. 130)

«18 марта Сегодня целый день наступали и ни хуя не продвинулись два раза город брали Рамель и оба раза нас фрицы выгоняли по пизде мочалкой».

– Чтобы накрыть немцев в Гдыне, надо было взять Рамель. Но место страшно неудобное. Слева крутой увал, а справа к нему болото подступает. Между

валом и болотом остаётся только одна дорога, которая ведёт в Рамель. А за Рамелем – простор до самой Гдыни – только жми на педали та на гашетки.

Засел этот Рамель у нас костью в горле. Нам же очень хотелось побыстрее до Гдыни добраться, чтобы не дать немцам уйти морем. Ох и мясорубка же была на этой дороге. Если передний танк подбивают, задний должен был стаскивать его в сторону. Пехоты сколько положили здесь... Танки так и шли гусеницами по трупам наших солдат – туда, обратно, снова туда. Потом видел, что от тех солдат осталось. Как засушенные в книге бабочки – одна распластанная по земле пропитанная кровью шинель.

«19 марта Сегодня целый день кутим! А вечером ходили в разведку до моря на фланг взяли 7 матросов немецких двоих с собой взяли а остальных там оставили досыпляют Мы их на постели взяли Моторку ихнюю я зажег Когда все ушли далеко ох мне и хотелось покататься Я вот уже 5-й год не вижу моря Эта Война... Но и хуй с ним

20 марта Обратно хотели взять Рамель Но ни хуя не выходит Целый день горел бой и продвинулись всего с пол километра Эх ма!!! Ебаные власовцы.

21 марта Ходили в разведку но не удачно Налетели на немецкою засаду Двоих убили одного мы взяли а один остался Нельзя было взять остался у немцев Коновалова похоронили в Реде На росвете салютовали как раз когда наши арт подготовку начали Нам нач-штаба разрешил отдыхать».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 27 марта 1945 года:

«На Гданьском (Данцигском) направлении войска 2-го Белорусского фронта... прорвались к центру города Гданьска. Одновременно войска фронта, наступая на город Гдыня, заняли населённые пункты Лаузекауле, РАМЕЛЬ (выделено.-В.М.), Айхенберг и ворвались в город Гдыня, где завязали уличные бои». (т. 8, с. 138)

– За болотом в бинокль были видны польские хутора. Значит туда как-то можно добраться. Вот нас и послали на это болото найти обход. И такой обход мы действительно нашли. Правда, техника не пройдёт, а пехота – запросто. Но его знали и немцы. Поэтому и устроили там засаду. Место равнинное, заросшее высоким бурьяном. Спрятаться некуда. А они секут из автоматов и пулемётов. Думал, все там поляжем. Стали отползать. Одного разведчика уложили наповал первой же очередью с очень близкого расстояния. Отстреливаясь, мы бросились назад, а убитый остался рядом с немцами.

Коновалова вначале ранило в грудь. После этого он ещё полз вместе с нами. Мы ему, конечно, помогали. А второй раз пуля попала ему в шею, и он потерял сознание. Тут уж положили его на плащ-палатку и поволокли. Хотели поджечь бурьян, чтобы спалить тех немцев. Я знал, как плавни горят. Там от огня спасения нету. Но бурьян – не камыш, никак не горел... Даже не знаю, как удалось уйти.

Когда уже вышли к своим, я почувствовал, что плащ-палатка стала тяжелее, прямо из рук вырывается. «Братцы, – говорю, – да он уже мёртвый». Мёртвого всегда тяжелее нести. Похоронили Коновалова под чьим-то домом, в цветнике. Шитиков придумал ему «памятник» – капот и два крыла от маши-

ны. На капоте нацарапали надпись...

«22 марта До 5-ти вечера спали а потом зготовили ужын и гуляли до 12 ч. ночи А перед утром нас вызвали на передок Готовится обратно наступление

23 марта Обратно арт подготовка УРА!!! и на месте в перед ни шагу Та и наступать ни з яким хуем Танкы бездействуют Болото А пехоты почти хуйма Словом наступае в 10 раз меньше чем обороняется».

– К тому времени у нас пехоту почти всю выбило. Не успевали хоронить. Поэтому некому было наступать по разведанному нами обходу через болото.

«24 марта Сегодня на наше н.п. нарвались фрицы Они не думали здесь встретить русских встреча была короткая но горячая От наших обятий не ушел не один У нас один ранен в колено Будет без ноги а он танцор мировой

25 марта Сегодня подходят новые части с отдыха А мы наверно скоро смотаемся на отдых на пополнения Я сейчас прышываю пуговицы все время отрываются просто одно мучения пока прышыл все пальцы поколол Как те бабы ш'ють и пальцы целы».

Перед броском на Берлин

«26 Марта Сегодня мы вышли на отдых из боев с под города Гдыня Так и не прышлось побывать в этом городе в честь этого пянствовали целую ночь Много здесь лутших друзей осталось А именно Шуралев Миша Он со мной шагал с под Белгорода Амос легко ранен в руку но он в госпиталь не пойдет и мы напишем любимой Мишиной в Казань. А за что мы будем писать она все одно ничего не поймет».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 28 марта 1945 года:

«Продолжая продвигаться на север, советские войска сегодня штурмом овладели городом ГДЫНЯ (выделено мной.-В.М.) – важной военно-морской базой и крупным портом на Балтийском море. В боях за Гдыню наши войска нанесли противнику тяжелые потери». (т. 8, с. 141)

«27 марта Сегодня мы с утра уежаем на отдых ... Лансберг. Здесь мне сегодня повезло Напился до пiana и зашел ... на одно женское лицо И вот мы ...ились с другом ...чавун двух ... а третий убежал Я ему в догонку с пистолета но не попал ушел в лес ... На выстрелы собралась братва ... посадили нас в бронетранспортер и мы ... по своем маршруту ... нас получилось ...».
(Здесь и далее в местах пропусков текст оригинала восстановит не удалось.-В.М.)

– В этот день мы попали в большой двухэтажный дом, который заняли освобождённые нами из концлагеря девушки-еврейки. А тут уже оказались шустрые из другой части. Ну меня с пьяных глаз и повело: мы, значит, освобождали, а вы пользуетесь... Короче, вышла пьяная драка из-за женщин, что на фронте было явлением обычным. Правда, на этот раз она затянулась. И один из них, как потом оказалось, водитель машины, видя, что разведчики

скоро разделяют пехоту под орех, сел в машину, рванул в нашу часть и донёс майору Королёву. Вышло так, что в пылу драки я даже не заметил, что передо мной уже не пехота, а наш Королёв. Врезал и ему... Но, правда, он не обиделся. Приказал только сдать оружие и возвращаться в часть.

Как же это было стыдно на глазах у всех сдавать майору свой пистолет. Наверное, этот стыд разведчика перед пехотинцами понял и Королёв. Его бронетранспортёр уже отъехал метров на сто, когда он вернулся и отдал мне пистолет.

А к этому моменту я уже заметил, что в стороне поотдадь стоит и ухмыляется тот шофёр-доносчик. Ну, такого стерпеть было нельзя. Как только пистолет оказался в моих руках, тут я ему и устроил цирк: стрелял под ноги, то справа, то слева, а он подпрыгивал как девка через скакалку...

После чего Королёв решил не оставлять нас здесь. Сдать оружие уже не требовал, а приказал сесть в его бронетранспортёр. На следующий день незлобно отчитал: «Вы что, с ума посходили? Уже край войны, а они палят друг в друга...». Тем всё и кончилось.

«28 марта И сегодня ... мы месяц назад ... прыступной жизни ... недавние бои везде ... груды кирпича ... женщины просят ... в 41 кричали ... сейчас просят ... рабов ...

29 марта Прыехали на ... место розполагаемся в лесу. А я с м – м (Королёвым.-Г.Л.) в домике лесника Ребята здесь кругом строят землянки. Случайно мне попала одна фрау которою я не прозевал

30 марта Был сегодня в гостях у своего друга Ляха жывет он хорошо строит землянку ... розчетом. Мы с ним хорошо газанули ... я пошел домой через лес спать ... ездил ... за г.Лансберг ... подвернулась не ... обеспечена. Вернулся ... их до чортиков ели ...стели Мотоцык ... мотоцык. А вечеру ... себе фрау для бла... су стрелял с пистолета ... болезней ... брошу ... деревню ...

3 апреля До 10 ч. ремонтировал мотоцык Кто то спиздил пружыну карбюратора ну и я тоже вынул з другого после ремонта долго катался а вечером водил хлопцев в деревню

4 апреля Сегодня ездили в деревню мыть мотоцыклы. Дети так з нами познакомились что когда заметят нас все бегут к нам за конфетами».

– Отношения с немецким населением у нас складывались по-разному. Но, в основном, нормально. Ну а дети есть дети, с ними всегда общий язык найдёшь. Нам нравилось, что они нас не боятся, доверяют нам. Война тяжела для всех, в том числе и для немецких детей. Ведь многие из них, так же как и наши, лишились своих отцов. Поэтому нам хотелось как-то пожалеть, пригреть немецких детей, показать и доказать, что мы им не враги. Наш повар Архипенко, когда раздавал из котлов еду, всегда подгонял солдат: «Быстрее, быстрее, славяне! Вон ещё сколько ртов накормить надо» и показывал в сторону детворы. Оставшееся в котлах обязательно раздавалось детям. Видя это, их матери вскоре стали приходить к Архипенко и предлагать свою помощь на кухне. Повар не отказывался и работали они в дружном согласии. Вскоре солдат на кухню уже не назначали, со всем управлялись немки.

А с конфетами такая история вышла. Мальчишки помогали нам мыть мо-

тоциклы. Был среди них старший, лет двенадцати, огненно рыжий парень. Поскольку он верховодил над всеми, мы прозвали его «оберлейтенантом», и ему это очень понравилось. Так вот, этот «оберлейтенант» страшно возмутился, когда мы угостили конфетами подошедших девочек. Вначале мы не поняли его возмущения, а потом кое-как объяснились. Оказывается, девочкам нельзя было давать конфеты, поскольку они не мыли мотоциклы, а значит, не заработали. Только сейчас мы поняли, почему пацаны отказывались брать у нас конфеты до того, как не помогут мотоциклы: в этой стране все едят только заработанный хлеб.

А насчёт заработать они были сообразительные. «Оберлейтенант» сам предложил нам «за дополнительную плату» показать, где живут молодые немки...

В это время мы квартировали в доме у фрау, которая вела своё хозяйство одна. Вначале не обращали внимания, а потом заметили: уж очень вежлива она с нами, обходительна, стремится во всём угодить. А сама в глаза наши заглядывает с какой-то тревогой. Думаем, неспроста всё это. Так и оказалось.

Захожу однажды в её сарай. Уж, зачем, не знаю. А там мужчина прячется. По его виду я понял, что это немецкий офицер. На ломаном русском языке он объяснил, что является мужем фрау. Пришёл я к нашим ребятам, рассказал, кто прячется в сарае и предложил: «Чёрт с ним, пусть остаётся со своей фрау. Одним пленным больше, одним меньше...». Ребята со мной согласились. Потом фрау была очень нам благодарна за то, что мы не тронули её мужа.

«5 апреля Мы сегодня переежаем на новую квартиру. К исходу дня хорошо встроились в отведенному нам домику.

6 апреля К нам в часть приехала фотомашына фотографировать нас Я несколько раз сфотографировался, а после всего напились так что ели добрели до своего домика

7 апреля Сегодня был занят полу... писем здому давал ответы ... задали такую пянку!!!

8 апреля Сегодня я ходил на охоту ... Целый день прошатались выпил ... спирт который был в нас во фляг ... шли домой но наскочили на стадо ди... подняли такую стрельбу что бедные ко... в ходе этой перестрелки убили две козы

9 апреля Сегодня мы в шестерых фотографировались в трех позах а вечером кутили и я водил ребят к своей знакомой немке Сегодня она бедная работнула.

10 апреля Сегодня по тревоге выежаем на передовую за Одер Ночью переехали Одер и заночевали в какой то разрушенной деревне. За ночь два раза налетали фрицы бомбить.

11 апреля Утром рано уехали на самый передок заняли оборону как раз в поместье фельдмаршала "Паулюса" Большое у него имение было здорово жыл и захотел Сталинграда ... день было тихо. Только самолеты ... его одиночками летают».

– Интересное поместье у фельдмаршала было. Громаднейший двухэтажный дом, наполовину уже разрушенный снарядами. А рядом какое-то странное сооружение: большой высокий холм, в который с двух сторон встроены

массивные железные ворота. Когда мы вошли в эти ворота, увидели обширные помещения, уходящие вниз, под землю, на три или даже на четыре этажа. Связывались они винтовыми металлическими лестницами.

Ворота в центральный зал такие, что сюда зайти могла любая техника. И людей здесь можно разместить очень много. Сооружение настолько укрепленное, что никакой артиллерией, никакими бомбами его не разрушить. Видимо, ещё до войны, собираясь в боевой поход на Восток, фельдмаршал думал о том, что придётся скрываться от славян у себя дома.

«... сегодня весь день бы тихий но ... была ужасная с вечера и до утра ... самолеты-снаряды, и мне не прыш... всю ночь был проводником ... Всех водил пры этом вместе приходилось ползти по пластунски ... иначе нельзя дорогу простреливал тяжелый пулемет.

13 апреля День тихий, тихий а вечером налетели кукурузники фрицевские, и целую ночь чемоданы с гранатами бросали у нас одна машина загорелась».

– «Чемоданы с гранатами» – это кассетные бомбы. По размерам и по форме такая бомба действительно напоминала чемодан. Сброшенный с самолёта, «чемодан» в воздухе раскрывался, из него высыпались небольшие бомбочки примерно штук сто. Разрыв каждой по силе такой, как у гранаты. Осколки с неба сыпались градом. Потери среди нашей пехоты от «чемоданов» были большие. Если над тобой выбросили «чемодан» и рядом нет укрытия с прочной крышей, то всё, хана.

Кассетные бомбы немцы бросали и над нашей территорией. У меня во дворе и сейчас поилка для кур устроена из такого «чемодана».

«14 апреля Сегодня была разведка боем в ходе чего захватили много пленных и одну деревню. Мое отделение сыграло большую роль мы взяли три станкача и 83 ч. пленные За это меня и все отделение представили к наградам Меня к ордену "Отечественная Война" 3 ч. убито с отделения. Бой по характеру был ожесточенный После арт налета мы пошли на Ура чего фрицы не выдержали и повернулись к нам спиной».

– На этот раз разведка боем имела такой же успех, как настоящее наступление. У всех у нас было одинаковое настроение – поскорее закончить войну. Поэтому в каждый бой шли не просто смело, решительно, как у нас любят писать, а я бы сказал, с каким-то остервенением.

А тут ещё такой необычный случай произошёл. Один радист нашего полка объявил, что он слышал в эфире сообщение о капитуляции Германии. Славяне уже начали ликовать: «Войне конец! Германия капитулировала!». Но вскоре майор Королёв разъяснил обстановку: немцы хотели бы капитулировать только перед Соединёнными Штатами Америки и Великобританией, но не перед Советским Союзом. Очевидно, об этом и шла речь, да радист не разобрался. Так что ликование отменяется... Ну, после этого злости ещё прибавилось.

– Почему разведчики так часто ходили в атаки? Разве их не берегли для выполнения специальных задач?

– Как-то командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал Катукон, бросая весь танковый полк в труднопроходимую, хорошо простреливаемую ложину, сказал: «Мне в Берлине не надо тысяча танков, а нужен только один – для парада». По этому же принципу относились и к нам, разведчикам. Причём, мы всегда оказывались на самых трудных участках, потому что имели специальную подготовку и действовали, конечно, лучше пехотинцев.

В этом бою моё отделение взяло 83 пленных и трофеи прямо в немецких окопах. Конечно, в начале войны такого случиться не могло. Но и сейчас немцы далеко не сразу поднимали руки вверх. Надо было вынудить к сдаче в плен первых человек десятков. Потом уже другие охотнее сдаются. Кстати, и в конце войны немцы не сдавались, если у них оставался ещё хоть какой-то шанс на спасение.

Здесь удивили нас немецкие блиндажи. Отделаны они были как меблированные комнаты в хороших квартирах. И по крепости сработаны надёжно. Значит, строились не в суматохе отступления, а заблаговременно. Вот она, немецкая предусмотрительность...

«15 апреля День бы тихий. Изредка ... минометная перестрелка Я целый день занят ... сымал схемы разведкы».

Последний бой

«16 апреля Сегодня в 5.00 ч. началась арт подготовка длилась 3 часа Ох и сильная была черта нивыдать ни слышать сплошной вой и не разбереш где выстрел где ... Я лежал на пахоте без окопа не схотел рыть. От зрывов земля дрожала. В это время мне вспомнились мои все знакомые вот они сегодня возрадуются тому что оборона под Берлином прорвана. А потом после узнают что вовремя этого прорыва убиты друзья братья отец Но все же пиздец фрицам которые надумали оборонять Берлин через два часа пойду и я в атаку со своим отделением. Умру но зато и моя капля крови послужить розгрому немецкой банды. Под конец арт подготовки стало совсем темно от пыли, и дыма Когда пошли на Ура я несколько раз падал в ...ие воронки а за мной мои сла... Больше я ни хуя не помню ... боя как во сну Я первый поче... и не разберу Я тогда и не сущес... автомат мой решетил всех ... которые встречались мне в этом ... залегли мы перед какой то деревней ... у меня горела голова от нервного озноба И я как будто стал прыпоминать что и я же участвовал в этом историческом прорыве Обороны которой лично командовал Гебельс

17 апреля Была обратно арт подготовка в районе города Зиксендорф За день продвинулись кл. 8 и заняли город Зелов. Бои ужасные не на жызнь а на смерть. А ночью пошли в обход Целою ноч двигались по лесам полям без дорог аж не верится что такая глуш в сорока кл. от Берлина.

18 апреля Целый день шли бои за один населенный пункт Я его названия не знаю Мать бы я его еб... Такие бои что нельзя и подумать Я несколько раз был от смерти на миллиметр и не знаю до сих пор жыв но чувствую что ебнуть».

– Эту запись я сделал за день до того, как меня накрыло снарядом. Значит, предчувствие меня не обмануло... Взрывы рядом. Да так ложатся – впереди, справа, слева, сзади, что некуда бежать. Осколки, пули впиваются в землю настолько близко, рукой потрогать можно. Каждый следующий кусок крупновской стали может быть твоим.

По-разному люди ведут себя под таким огнём. Кто мечется, по полю катается, божью мать и её деточек поминает. А кто просто лежит и смирно ждёт своей участи.

«В меня в отделении осталось два. Вечером штур... заняли этот ебаный населенный ... даже не хочу знать не то что записывать ... Сейчас газуем в одном подвале ... до утра будем спать а завтра мой день рождения».

– В этот день во время боя нас разведчиков послали в один из наших дивизионов. Прошли лесом, а потом надо было от одной опушки до другой поле пересечь. Понаблюдали с минуту, вроде бы не видать немцев. Ну и рванули через поле. А он, подлый, подождал, пока мы отбежим от леса метров на двести, и как врубил из крупнокалиберного станкача. Поле ровнехонькое, ни одного пригорочка. Хоть бы кочка какая...

И бьёт, зараза, мастерски. Первой очередью отсекает нас от одной опушки, второй – от другой, а третья – на поражение, по живым мишеням. Мы катаем-

ся по полю как по горячей сковородке. И отстреливаться не можем, потому что не видим, откуда бьёт.

Остаться бы нам всем на этом поле, если бы не подоспели вовремя наши славяне. Откуда они взялись, так и не знаю. И кто это был, тоже неизвестно – пехота, разведка или кто другой. В то время скученность войск была такой, что все мы считали себя из одной части, и выручали друг друга независимо от того, какую задачу сами имели.

«19 апреля Сегодня мой день рождения утром перед наступлением я напился до чертиков».

– Мне исполнилось 24 года. Тогда, утром, я ещё не знал, что мой день рождения станет для меня последним днём войны. К 19 апреля ребята готовились. Кто выпить припас, кто закусить. По такому случаю старшина выдал водки сверх положёного пайка. Поскольку день предстоял жаркий, решили отметить с утра. Как раз кашу на завтрак подвезли.

Только расположились, прибегает майор Королёв: «А ну-ка рассредоточиться! Быстро!!!». Немцы знали примерное время нашего завтрака и могли одним снарядом накрыть сразу всех. Королёв оказался прав. Только мы разбежались от машины, под которой расселись, как прямо над ней разорвался бризантный снаряд. Тысячи осколков посекали машину и всё вокруг.

«Продвинулись лесом кл. 12 и остановились у деревне Албсдорф Не как не выдем з деревни держитса ебу его мать. В 4 часа пошли в атаку и здесь меня ебнуло в спину двумя осколками но деревню все же взяли Я говорить не могу но все понимаю и смеюсь от боли Кров пошла ртом носом дело тяжелое Я прошел метров двести и упал здесь меня подхватил друг мой Амос перевязал и дотянул до соше где меня положили в машыну».

– До дороги с того места, где меня накрыл снаряд, я как-то сам добрался. Но полз, наверное, почти в беспамятстве. Потому что не знаю, кто меня подобрал и кто притащил на НП полка. Это мне потом рассказали, что выручил меня тогда Амос Шитиков. Правда, запомнилось, как в ранах булькала кровь, когда я делал выдох. Поскольку лёгкие были простреляны, воздух из них выходил прямо через раны. Но скоро я стал задыхаться – кровь пошла ртом.

Когда снова пришёл в себя, уже был перевязан. Причём, индивидуального пакета оказалось мало, так меня чьей-то исподней рубашкой перетянули. Ну, тут я начал вырываться. Мне воздуха не хватало, хотелось содрать с себя всё.

«Ребята подходили прощаться Прощания печальное было. Подходили брали за руку и обратно ложыли назад Я не мог не рукой не ногой двинуть. Мне так жалко что не мог не одного прощального слова сказать Вечером меня повезли в госпиталь и я дорогой потерял сознание».

– Все мои ребята были рядом. А Амос Шитиков плакал навзрыд, как женщина. Наверное, думал, что мне хана.

У меня в нагрудном кармане гимнастёрки лежал маленький трофейный браунинг. Я хотел отдать его Амосу на память. А он одной рукой слёзы выти-

рает, а другой заталкивает этот браунинг обратно в карман и говорит: «Он тебе ещё пригодится...».

Когда меня раненым увезли, дневник остался у Амоса – в госпитале его, конечно бы, нашли и передали кому следует. После того как Амос погиб в Берлине 3 мая, дневник хранил у себя Роговский. Он оставался служить в Германии до 46-го года. Только в 46-м тетради снова попали в мои руки. Когда Роговский вернулся домой в Донецк, я специально ездил туда за дневником.

В госпитале как только почувствовал себя лучше, попросил у ребят бумагу, химический карандаш и стал снова записывать. Все события прошедших дней восстановил по памяти. Потом, в 46-м году, уже у себя дома, эти записи я перенёс в последнюю тетрадь дневника.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 19 апреля 1945 года:

«За последние три дня в районе Центральной группы наших войск велась силовая разведка, которая переросла в бои по захвату и расширению плацдармов на реке Одер и реке Нейсе. На Одере наши войска захватили и расширили плацдарм западнее Кюстрина.

За 19 апреля на всех фронтах подбито и уничтожено 129 немецких танков. В воздушных боях и огнём зенитной артиллерии сбито 140 самолётов противника». (т. 8, с. 177-179).

В госпитале

«20 апреля Не знаю что мне делали когда привезли в сан-бат Кололи резали швы кому чего здумалось то и делали. Операцию сделали я не знаю когда. А к вечеру я оказался за Одером в фронтовом госпитале в городе Ланзберге. Где мне было много приключений покуда я попал на койку 5-ть часов путешествовал на носилках которые носили девушки. Когда меня принесли в палату я уснул сразу же и спал до утра».

– В санбат меня привезли без сознания. Но потом сознание стало возвращаться как бы постепенно: глаза открыть не могу, шевельнуться не могу, а уже слышу, что вокруг происходит. В этот момент какой-то майор медицинской службы (я его увидел чуть позже, когда открыл глаза), думая, что я ещё без сознания, сказал кому-то: «Этот безнадежный. Бестолочь пехотная, его нельзя было перевязывать». Лежу и думаю: «Что он такое говорит... Ведь я живой...».

Только не могу понять, где нахожусь и что со мной случилось. Такое чувство, будто я куда-то от людей улетаю, улетаю, и люди от меня уже далеко, далеко...

В госпитале спросил у врачей, почему майор так сказал: нельзя было перевязывать? Оказывается, при таком ранении кровь должна выходить наружу, а после перевязки она пошла внутрь.

На госпитальной койке я лежал только на правом боку и постоянно отхаркивал большие «пирогии» крови.

«21 апреля Лежу мне стало значительно легче Носили меня на рентген но результатов не знаю Подняться сам не могу».

– Чувствовал себя плохо. Стал спрашивать у врачей: когда же мне сделают операцию? И очень удивился, когда сказали, что операцию уже сделали. Значит, я периодически впадал в беспамятство, но сам этого не замечал.

«22 апреля Сегодня сам поднялся с просоння но сейчас же упал на пол Меня обратно положили на койку сестры Через раны много выделяется жидкости Из ран вытягивают вату. Меня когда ранили я был в фуфайке и осколки туда натянули ваты А сейчас их вытягивают».

– Мучился я от боли сильно. Но это чисто физические муки. Их легко терпеть, потому что просыпался я и засыпал с одной мыслью: всё, отвоевался, теперь останусь живым.

Часто говорят и пишут, что раненые ещё не долеченными убегали из госпиталей на фронт. Я не знаю ни одного такого случая. Зато знаю другие. Идёт дело у раненого на поправку, скажем, уже начинает наступать на перебитую ногу. И вот он исхитряется так где-нибудь упасть, чтобы снова повредить эту ногу.

После госпиталя обычно направляли в маршевую роту, с которой вылечившийся солдат должен был пройти до фронта километров 30-40. Бывало, эти километры солдат идёт целый месяц, пока его патруль где-нибудь не поймают.

Такому вылечившемуся в госпитале выдавался, как мы его называли, «бабушкин» продаттестат. Это значит, что на счёт еды можно было рассчитывать только на сердобольных бабушек, которых встретишь по пути. Потому что аттестат выдавался только на три дня.

«23 апреля Сегодня я сам поднялся и начал хуевато ходить Доктор поймал меня в коридоре и прыказал сестрам что бы меня не куда не пускали А я их и боюсь же Хуй они меня удержат куда схочу туда и пойду».

– Мне принесли утку. Но пользоваться ею, когда в палате лежит семьдесят человек, да ещё постоянно ходят сёстры, я не мог. Терпел сколько сил хватало. А потом ночью, чтобы из сестёр никто не увидел, поднялся и как краб боком пополз в туалет. Ну и нарвался на доктора, который тут же устроил сестрам разнос за меня.

Однажды ночью я точно так же выползаю в коридор – ба, немцы!.. Несколько человек ходят по коридору, а один прямо передо мной стоит. Пожилой, в солдатской форме. Я рукой по привычке лапаю то место, где должен висеть пистолет, а сам иду на немца. Тот начал пятиться от меня, а в глазах – страх. Наверное, у меня был вид не очень миролюбивый. В этот момент в коридоре появилась сестра, и всё разъяснилось: в госпитале работали пленные.

Первые дни я лежал в коридоре. Но в палате каждую ночь кто-то умирал – почему-то раненые умирали в основном ночью, – и скоро меня перенесли в палату. Хотя лучше бы не переносили. Стоны, крики, команды разные в бреду. И не было такой ночи, чтобы никто не умер.

Рядом со мной лежал солдат почти всё время без сознания и всё время бредил. У него крупным осколком срезало всю грудную клетку. Когда его перевязывали, я видел, как у него в груди бьётся сердце. Кровь убирала тампоном, чуть не прикасаясь к самому сердцу.

С другой стороны – старший лейтенант, также не приходя в себя, часто бился в конвульсиях. А однажды, вдруг, замер в скрюченном состоянии. Всё, отмылся... Так и не приходя в себя.

Утром в палате все просыпались примерно в одно и то же время. Кто с койки встаёт, кто с соседом заговаривает, кто сестру зовёт. А кто лежит тихо, не открывая глаз. Значит, с вечера заснул, а утром уже не проснулся. Приходят санитары с носилками – койка освободилась...

Из оперативной сводки Совинформбюро за 23 апреля 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта, перейдя в наступление с плацдармов на западном берегу Одера, при поддержке массированных ударов артиллерии и авиации, прорвали сильно укреплённую, глубоко эшелонированную оборону немцев, прикрывавшую Берлин с востока, продвинулись вперёд от 60 до 100 километров... и ворвались в столицу Германии Берлин». (т. 8, с. 183).

«28 апреля Здоровье мое лучше стало я познакомился с одной сестрой до которой я сегодня приглашен на квартиру. Пойду хуй с ним что будет

29 апреля Меня утром прынесли на носилках от моей знакомой Поднялась большая температура. Значить з девками ещё нельзя баловаться т. е.

...

1 мая Сегодня привозили хоронить з Берлина "Героя Советского Союза" и я туда попал он был в нашей части. Здесь я напился и попал до девок которых сюда завезли немцы. Я здесь с одной девушкой проспал до утра конечно не только спал а ещо больше чем спал А утром меня забрал коменданский патруль и отвез в госпиталь телегой Чуть не разтряс ебаный».

Из оперативной сводки Совинформбюро за 30 апреля 1945 года:

«Севернее Берлина войска 1-го Белорусского фронта с боями заняли город Цеденик и крупные населённые пункты ... В Берлине войска фронта, продолжая вести уличные бои в центре города, овладели зданием германского рейхстага, на котором водрузили знамя победы. Нашими войсками также заняты главный почтамт, министерство внутренних дел и до 200 кварталов в центральной части города...». (т. 8, с. 195).

«5 мая Я попал на эвакуацию в глубокий тыл погрузили нас в вагоны и повезли в Россию ебись все В Россию ехали через Познань Лодзь Выгрузили нас в Люблине где я на ходу познакомился с одной проявой от которой хуй по хорошему от крутиш придётся ... Я это и встрюю».

– Госпиталь в Люблине был забит тяжелоранеными, поэтому нам, вновь прибывшим, отвели блокгауз. Завезли нас туда и забыли. Ни перевязок, ни кормёжки. Многие попростужались.

На следующий день мы начали бунтовать, и нас разместили в палатках, поставленных здесь же, во дворе госпиталя. Обслуживали госпиталь поляки. Врачей было мало, а остальной медперсонал мог только утку поднести или тарелку супа. Да и то не докричишься. У меня как раз из раны на спине пошла жидкость. Все бинты намокли, потом присохли к телу. А перевязать некому.

К раненым полякам в госпитале относились точно так же, как и к нам. Для офицеров госпитальное начальство отвело отдельные палаты, поэтому, какой за ними был уход, не знаю. Кормили очень подло: перловка и горох. Горох весь в дырках, червяками поеженный, отчего в супе плавала одна шелуха. Короче, раненые – это отработанный материал, шлак. Коль Берлин взяли, шлак уже не нужен.

Из оперативной сводки Совинформбюро за 2 мая 1945 года:

«Войска 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова, при содействии войск 1-го Украинского фронта под командованием Маршала Советского Союза Конева, после упорных уличных боёв завершили разгром Берлинской группы немецких войск и сегодня, 2 мая, полностью овладели столицей Германии городом Берлин – центром немецкого империализма и очагом немецкой агрессии. Берлинский гарнизон, оборонявший город, во главе с начальником обороны Берлина генералом от артиллерии Вейдлингом и его штабом, 2 мая в 15 часов прекратил сопротивление, сложил оружие и сдался в плен». (т. 8, с. 199).

«9 мая День победы а нам даже суп и тот хуевый дали Как только зайдет кто з начальства так и отпиздим Что он ебаный забыл за нас от восхищения что Германия розгромлена разве мы не учасники этого А ну попадись».

– Вот так и встретил День Победы. Утром вбегают сёстры-полячки, кричат: «Вшистка герман забил! Война капут!». Мы поняли: война кончилась. К десяти часам в городе началось ликование. За забором радостные крики, песни, музыка. Весь медперсонал разбежался праздновать победу. Им, конечно, было уже не до раненых.

После обеда, которым нас, понятное дело, никто не накормил, у меня стала быстро подниматься температура. Временами я начинал бредить. Тут появилась одна сестра. Я ей пожаловался. Она отвечает: «Доктора позову». Но никакого доктора я так и не дождался. К вечеру совсем плохо стало. Перед глазами пошли радужные круги. Но пока ещё сознание не потерял и сам себя слышу: командовать начал – кому залечь, кому стрелять, кому куда бежать...

В бреде почему-то раненые всегда командовали. И не только командиры, но и рядовые. В общем, в этот день не смог я радоваться победе вместе со всеми. А из госпиталя тогда вместе с медперсоналом разбежались и все раненые. Кто мог ходить...

«12 мая Меня отправляли ещё дальше в тыл т.е. в Россию. И я сильно розсиховал Бил всех подряд госпитальских работников даже сам не помню чего я делал Старшей сестре голову сапогом пробил Меня закрыли на замок в ординаторской я на себе порвал обмундирования. А наутро я проснулся меня разбудили Я лежал на полу все было порвано Температура в меня поднялась до 40 и меня отставили от отправки

15 мая Я уехал в Россию в сан поезде Дорогой много чудес творили которых нельзя и записывать Везли через Киев мой знакомый город Прывезли в Харьков

21 мая где я должен окончательно вылечится. Здесь с многими девушками знакомился но долго с ними не дружил Мне не попадало такой как мне надо.

Я скоро познакомился со всеми в госпитале меня все знали и по блату меня выпускали в город Правда не в легальном положении в одних кальсонах и халате зато з горячим сердцем. Мне стало много знакомых городских девушек и я начал пропадать з госпиталя на несколько суток за что меня часто вызывал начальник госпиталя Он мне сначала грозил а потом начал смеяться з моих поступков а их у меня было хоч отбавляй правда он меня прыдупредил что бы я не достал себе Т.Т. (трипер.-Г.Л.). Так как говорят здесь его много.

И вот 2 июня я познакомился с зубным врачом познакомился крепко правда она была пожылая 42 г. и все время протестовала что мол с нее смеются Ну я хуй на нее положил правда после этого она написала мне два писма что я грубиян и не образован что так зделал. Я ей на два писма одним ответил. "Что я грубияном никогда не был а за образование это да!!! Но зато хуй образован потому что драл ее образованою". Мне говорили ее прыближенные что она меня посчитала по моему розговору с хорошим образованием а оказалось противоположное Ну это дней за 5-ть все перемялось Поговорили немного и забыли Только она нос морще когда прохожу мимо ее кабинета с братвой которая всегда меня сопровождала Мы ходили по городу гулять всегда большими партиями.

9 июня Когда я вернулся с такого гуляния я заметил новую сестру Я с ней сразу познакомился ее звать Маруся и только поступила работать. Я ей предложил вечером чего небудь поболтать так как я знаю много фронтовых эпизодов, а ей все одно целую ночь не спать так как она дежурная сестра сегодня. И вот после этой ночи она меня пригласила к себе на квартиру. Но к сожалению я ей сказал что я не могу туда пойти в одних кальсонах Там коменданские патрули не пропустят А з боем до девушки не пойдет неудобно Она согласилась на следующее свое дежурство принести мужской костюм мне чтобы я мог розгуливать с ней по городу куда нам здумается. Я ее ожидал с нетерпением Ведь мне же большая выгода подумайте только такому как я и не снилось Ведь я после ранения стал почти горбатый».

– Так сказалося ранение. Полностью выпрямиться я не мог, сильно болела спина. Я и домой приехал таким же скрюченным. До сих пор я стараюсь держать левую руку в кармане – как только вытащу из кармана, она у меня оттопыривается как тогда, после ранения. Наверное, было бы хуже, если бы не мои ... швейцарские часы.

А дело вот в чём. В этом госпитале палатный доктор-еврей Осипов обратил внимание на мои трофейные золотые швейцарские часы. И как-то сказал, когда мы были наедине: «Если вы их будете сбывать, я у вас куплю...». Мне сразу стало всё понятно. Я тут же снял с руки часы и подарил их доктору.

После этого случая он проявлял ко мне особое внимание. А перед тем, как мне выписываться, Осипов дал напутствие. Ранение, говорит, у вас непростое, вылечиться полностью будет трудно. Да одним лечением тут не обойтись. Нужно обязательно выполнить следующие условия: срочно бросить и никогда больше не курить; каждый день не менее шести часов быть на свежем воздухе; ни в коем случае не переохлаждаться и не купаться в речке и не мокнуть под дождём; питание должно быть хорошим, высококалорийным. И дал, кстати, совет против советов: народные целители, говорит, будут заставлять вас есть всякую дрянь, наподобие мяса кошек и прочее. Ни в коем случае не делайте этого.

И правда, в станице быстро нашлись такие советчики. Но я поверил Осипову и больше никого не слушал. Курить бросил и до сих пор не курю. В рыбаки не пошёл, чтобы не намочить, хотя очень тянуло к этой работе. И вот всю жизнь просидел за баранкой, шоферил...

Но с питанием не всё получалось. Какое хорошее питание могло быть после войны? Правда, выручала корова – это уже сметана, масло, молоко. Но и в семье же ещё сколько ртов, кроме меня...

Когда я женился в 46-м году, моё дело заметно пошло на поправку. Маша всё жертвовала ради меня и, честно говоря, здорово поддержала. Буквально через год я почувствовал себя намного лучше.

«Правда по сути говоря она мне на хуй нужна Но мне нужны условия которые как раз у нее я и достану все те которые требуется для моего выздоровления А то меня аж передергивает когда я вспомню свою Кубань станицу которой я не видел уже пять лет За то хуй его знае на какую только авантюру бросися И вот она прышла принесла все что обещала После дежурства мы с ней поехали в горсад Да минуточку Когда я одел граждан-

ский костюм то я испугался иду по улице и мне кажется что все на меня смотрят Ведь пять лет назад как я ходил в костюме Вот почему я себя чувствовал нехорошо».

– Когда ночью меня в госпитале не было, ребята обязательно прикрывали. Делалось это так. Во время обхода палат врачами ходячие раненые перебежали из палаты в палату и ложились на пустые койки. Соглашались на это всегда с большим удовольствием, потому что тому, кто прикрывает, доставалась пайка самовольщика. А я в госпиталях не встречал ни одного неголодного раненого.

«В горсаде она танцевала а я сидел и думал вот скоро подойдет то время когда она под мою музыку затанцует только не так. После танцев поехали к ней на квартиру Она жила одна Мне лутше плюс к моему сегодняшнему успеху. Когда получилось совсем иначе Она легла спать так как будто я с ней жынился и живу 2 года Слушайте даже мне стало не удобно конечно не от совести а от другого все так внезапно и в противовес моим планам Думаю а вдруг Генерал сифон, даже аж заикнулся отказаться, что мол после тяжелого ранения машина не работае но потом решил хуй с ним хватит чудить мне по белому свету черным».

– «Генерал Сифон» – это сифилис. Тогда ещё братва смеялась: «Мандавошки, стройся! Сам генерал Сифон идёт!». На Западе ходила ещё одна венерическая болезнь «испанский воротничок». Почему так называлась, не знаю, но слышал, что она намного тяжелее сифилиса.

В конце войны для венерических больных открылись специальные госпитали. Врачи и сёстры в таких госпиталях ходили почему-то в чёрных халатах. Попадать туда было небезопасно – после него можно было запросто оказаться в штрафной роте.

На территории Польши в наш полк вместе с молодым пополнением иногда приходили те, кто побывал в таком госпитале. Они рассказывали, что лечили там без всяких медикаментов. Только кололи какую-то сыворотку, после которой тебя трясёт как в лихорадке и поднимается температура до сорока градусов. В то время мы уже знали, что высокая температура убивает сифилис. Бывало, сифилитики, которые скрывали свою болезнь, вылечивались сами по себе после сильного воспаления лёгких или после ранения, которое вызывало высокую температуру.

Когда воевали на своей территории, такого количества венерических больных у нас не было. Да и о «чёрных» госпиталях я впервые услышал только в Польше. Наши солдаты подхватывали эти болезни в основном от интернированных девушек. В этих местах было много военнопленных французов, американцев, итальянцев и других, которые вели более свободный образ жизни, чем, скажем, русские или украинцы. И существовала такая закономерность – там, где меньше военнопленных, к примеру, в сельской местности, там реже встречались венерические болезни.

«И вот когда я!!! То я не черта не понял Я думал что я проехал верхом на паровозе Прямо явно слышу как пар свистит только не из под-

колес а с ушей у нее. После чего она меня так прыжала что я крикнул У меня ж ведь раны а она от блаженства все забыла Но хорошо что я не забыл. Я ее хотел даже чемнибудь обидеть но ни тут то было она была как разъяренный зверь Схватила зубами мою рубаху что мне даже нечего и думать вырваться с такими ранами Я тогда тяжело вдохнул и прытаился как котенок Я слышал когда то розказывали за бешенство матки но я не верил Ну а это ебит твою мать попался Та еще с таким здоровем как у меня сичас. Последующие номера были лекше, а утром она стала страшная аж посинела Батиньки мои Но я прымерился мне здесь большая выгода стала Я накатаюсь как на паравозе на а утром чего моя душа пожелает Носе чуть не на руках. Когда она дежуре то мы частенько ходили в скверик за речушку в бур'ян. Я это место называл плацдарм Он полит нашей кров'ю и потом Потом это больше Я с этого плацдарма уходил мокрый от пота и пьяный. Не мог удержать до утра. А иногда ходили у церкву за ограду но здесь она говорить не удобно святое место Мне один раз казалось что на одной Иконе какой то Бог смеялся во весь рот когда мы танцевали второе колено. Я ей когда это сказал она не стала туда ходить. В виде Бога стала бояться. Интересно уперед посветила Богу пиздой перед самым носом тот бедный аж на мать Божу задивился Я думал что мы искусим святых и в их пойдет повальная ебля в церкви. Чесное слово друзя правда было все это. А почему я записываю хуй его знае в точности я не могу объяснить от не хуй делать. А во вторых мне не когда не встречалось "бешенство матки". Правда один раз видел до войны в Батуме бешеную собаку Но ее сейчас же убили на улице, а эту до сих пор никто не убил».

– Когда после ареста отца в 37-м году я скрывался в Батуми, на одной из улиц произошёл такой случай. Иду и слышу крики, а потом выстрелы. Народу собралось много. Подхожу, спрашиваю: «Что случилось?». Один грузин отвечает: «Дурной собака убили». Все вокруг одобряли, что застрелили бешеную собаку, говорили о том, что бешеная собака не имеет права на жизнь.

На работе в госпитале, вообще в жизни Маруся вела себя обыкновенно, ничем особо не отличалась от других девушек.

«Правда я таких женщин не советую убивать Они очень полезные для мужчин все отдаст Но а мне такой и надо было Через нее я вылечился так быстро Я лутше всех жыл в палате продуктов госпитальских я не кушал и все мне завидовали и советовали чтобы я с ней расписался Я им отвечал на чем я буду розписываться на залупе чтоли. Все знали что я безпризорный родни у меня никакой нет (это я им такую баланду пустыл) и мне больше нечего не остается как жыть у ней и все поэтому тащит мне У меня правда иногда аж голова кружится. Хуй с ней пусть мечтае что угодно я все вижу как сквозь стекло чего она думает. Но это все нечево, а подошло то время что мне выпишыватся и она узнала что мое ранение попадае домой. Вот то здесь мне и дало подумать как мне отвязаться. Я решил обратно хитрить Своего доктора попросил чтобы она прыписала морской воздух Вот она мне, и прыписала жыть тры месяца в Новоросийске Туда мне и билет дали Ну это мне стояло блатом который носила сама же Маруся. Ну а как извесно я не поехал в Новоросийск а слез в Стиблиевке.

Комисовали меня 5 июля до 12 июля шли прощания все это время я ей только обещал без конца. Когда я прыеду чего будем делать и как жыть будем. И вот 12 июля ночью я уежаю все связано она меня провожает до станции. Прыехали на станцию она все время плачет Незнаю чего или того что я уежаю или того чтобы поскорей сматывался Пасажыры на это обратили внимание Некоторые смеются некоторые сожалеют. А я хоч бы скорей оторваться А поезд как нарочно на час опаздывает И на конец состав подошел Она вцепилась прямо зубами в мои губы я чуть не крыкнул, и поскорей побежал в вагон а сумку забыл в нее. Тогда в же она через окно передала мне. Она думала что я от волнения забыл сумку а я от радости. И вот этим и кончилась любовная драма назад вертаться в Харькове я некогда не думаю так как я там головы не забыл Правда сын или дочь но это она угробит сатана полосатая».

– Не думал я тогда, что судьба снова сведёт меня с Марусей и, кстати, всё в том же Харькове. А произошло это так.

В Харькове жил мой младший брат Мишка. В 50-м году он позвал меня к себе подзаработать – тогда шофёры требовались везде, а в колхозе платили мало, точнее, вообще не платили, только ставили в ведомостях палочки, которые назывались «трудодни». Ну, я и подался. Шоферили мы с Мишкой на кондитерской фабрике, возили сахар.

Заметил я, что вокруг Мишки стали вертеться какие-то незнакомые мне люди и всё уговаривают его «доить корову». Какая корова? И почему Мишка должен её доить? Я на него насел: признавайся! Он и признался.

Когда мешок с сахаром берёшь за углы как за коровьи соски и дёргаешь его, сахар из мешка высыпается в заранее проделанную дырку. Оказывается, эти тёмные люди «доили корову» в одном условленном месте, куда Мишка заезжал по пути с железнодорожной станции на фабрику.

Мне стало страшно. Тогда за килограмм украденного сахара давали сразу десять лет тюрьмы. А тут такое. Я, конечно, знал, что Мишка вором не был, а пошёл на это с голодухи – на те деньги, что мы зарабатывали за баранкой, прокормить семью было очень трудно. Написал я заявления «по собственному желанию» от своего и от Мишкиного имени и отнёс их начальнику отдела кадров.

А в тот день, когда мы собирались уезжать из Харькова, я решился-таки повидать Марусю. И раньше об этом думал, но, честно говоря, боялся нашей встречи. Встретился с ней около её дома. Поговорили просто как старые знакомые. Она рассказала, что вышла замуж, и, кстати, показала своего мужа, который якобы только что пошёл на работу, – от её дома по улице, действительно, шёл какой-то мужчина. Так и не знаю, правду она тогда говорила или нет. Встреча была короткой. Я пожелал ей семейного счастья, на том и расстались.

С другими фронтовыми девушками, кроме харьковчанки Маруси, видеться после войны не доводилось. Может быть, конечно, где-то дети мои есть... Но если бы знал точно, где они, нашёл бы обязательно. Нашёл бы!.. Любыми путями!..

Домой!

«14 Июля Я слез в Таганроге решил навестит сестру Зою которой не видел 11 лет Ну встреча извесно какая бывает. Я думаю каждому прыходилось когда небудь встречаться с родными которых давно не видиш Сестра меня попросила чтобы я пожыл в нее дня тры Я согласился. Познакомила меня со своей подругой Марусей. Маруся мне понравилась и мы сней вечерухой пошли в кино оттуда я ее проводил домой Оказывается она суседка Чехова и кто мог думать что я по суседски с Чеховым буду и..... Марусю С таким великим писателем я провел тры ночи по суседски.

15 июля Ночю я розпрощался с Зоей а Маруся проводила до станции Я сам ее попросил а то я плохо дорогу знал. К утру я был в Ростове в Ростове обычно зделал пересадку и взял курс на Кубань перед вечером я прыехал на ст. Кавказскую Здесь не медля пересел на краснодарский поезд и пока-тил ближе к своей родине в вагоне розговорился с солдатами Н.К.В.Д. Они меня розспрашивали за Германию за бои под Берлином Я им охотно отве-чал розказывал, и не доежая Краснодара разулся чтобы ноги отдохнули а сам сразу уснул».

– Молодые были солдаты. Да если б и не молодые, то тоже не знают о жизни на передке. Просто потому, что я их там ни разу не видел. Побывать на передней линии им пришлось только тогда, когда мы в сорок первом отступали и отступали так, что догоняли отряды НКВД. Фронтовики обычно ненавидели энкавэдэшников и милиционеров. Среди нас даже поговорка такая была: ты человек или милиционер?

«В Краснодаре проснулся за сапогы а их хуй был портянки одни оста-лись Я портянки в карман и вылез на перон ато поезд шол в Новоросийск Эх ебанный народ на такую подлость гады пошли просто нищенство Но здесь мне не хуй розгадывать. Я сел на Ахтарский поезд и утром без ника-ких проишествий босиком портянки в кармане выгрузился в Тимашевке Сейчас же пересел в вагон на Стеблиевку забился в самый угол шенель у головы и стал до сыплять».

– Из госпиталей мы выходили кто в чём. Из последнего, харьковского, я вы-шел в обычных солдатских брюках, стоптанных кирзовых сапогах, а рубашку мне дали короткую и почему-то чёрного цвета. Наверное, от какого-то умер-шего железнодорожника досталась. Шинель б/у да такая подлая, что, видимо, ни один солдат в ней на передке ползал. А своих вещей я, конечно, не полу-чил. Особенно жалко было добротные трофейные сапоги и новый солдатский ремень...

Выписывали меня досрочно и на том условии, что я живу в райцентре, где мне каждый день могут делать перевязку и в любой момент оказать медицин-скую помощь. Это я специально им наврал – очень домой хотелось. Продуктов с собой не давали. Вместо них – два аттестата, один денежный, другой продо-вольственный. Отоварить продовольственный аттестат можно только на спе-циальном продпункте. Первый такой на моём пути встретился лишь в Росто-ве. Дали мне там одной селёдки, больше, говорят, ничего нет.

А с денежным аттестатом вышло всё сложнее. Только дома от фронтовиков узнал, что не аттестат, а деньги должны были выдать мне в госпитале. И кстати, немалую сумму – за всё время после последней получки, которую я получал ещё до своего ранения в Германии.

Ну, раз не выдали в госпитале, значит выдадут по аттестату в военкомате. С этим я и пришёл в Славянский райвоенкомат. Обратился к самому военкому. Он направил меня к своему заместителю, а тот говорит: «Сдайте аттестат в канцелярию и покурите пока...». Сдал и жду, пока начислят деньги. Не дождавшись, захожу снова в канцелярию. А моему вопросу там удивляются: «У нас нет вашего аттестата». Как нет? Только что сдавал... Нет, и всё тут. Я – к замвоенкома. Тот: «Ничего не знаю». Ну, я их покрыл по-солдатски, плюнул и дверь хлопнул. А домой, в свою станицу, надо сорок километров пешком идти. Пока дошёл, остыл.

Вот так нагло сволочи тыловые наживались на солдатских кровных рублях. Ведь отбирали, можно сказать, последнее. Тогда по второй группе инвалидности я получал пенсию – 170 рублей, а буханка хлеба тогда на базаре (в магазинах хлеба не было вообще) стоила 250 рублей. Полагалась мне ещё доплата за награды, которую мне тоже не платили.

Сейчас можно услышать рассказы о том, будто массовый патриотизм был у нас такой, что все фронтовики отказывались от доплаты за награды в пользу государства. Брехня. Кто же откажется, если с голодухи пухли? Да я не знаю ни одного такого фронтовика. Наоборот, у нас все станичники, что живыми вернулись с фронта, возмущались: почему тем, кто живёт в сельской местности, надбавка положена меньшая, чем городским. По нас что, не свинцовыми, а резиновыми пулями стреляли! Или наши раны не так болели!?

Всё это делала тыловая бюрократия, за всю войну так и не понюхавшая пороху. Многие из них до 41-го года ходили в активистах. Вот кто – хуже бешеной собаки. Ведь до войны они просто затравливали нас детей «врагов народа». Потом стали нашими захребетниками, а некоторые и предателями. Как, к примеру, наш гривенский партийный активист Зуб.

Мой младший брат Павлик на фронт мне писал, как Зуб его травил. Павлику ещё не пришло время призываться, но выглядел он старше своих лет. Зуб и написал на него как на сына «врага народа» донос: «Ему на фронт уже надо идти, а он в камыши смотрит...». Спрятаться, мол, собирается. Но беда как-то обошла Павлика. В своё время его призвали на фронт, и он ещё край войны захватил.

А с Зубом меня судьба столкнула в 45-м, когда я возвращался из госпиталя домой. На станции Тимашёвская, смотрю, идёт Зуб. И рядом два солдата с автоматами. Ну, на солдат я вначале не обратил внимания, тогда почти все военные ходили с оружием. Хотел подойти к Зубу, но автоматчики преградили мне дорогу – это был конвой. Зуб тяжело так посмотрел на меня изподлобья. Ничего не сказал...

Только через несколько лет я узнал его историю. Оказывается, когда немцы на Кубань пришли, Зуба, как партийного активиста, оставили в Гривенской для связи с партизанами. Как он эту связь держал, бог его знает. Но при освобождении Гривенской наши солдаты захватили переводчицу, которая работала на немцев в Гривенском гарнизоне и не успела с ними убежать. От неё и стало известно, что Зуб выдал немцам все каналы связи и партизанские базы,

которые знал.

«Под Стеблиевской меня розбудил кондуктор говорит что мол пора вылезать ато вагон обратно пойдет Я вылез пошел на элеватор и сейчас же поехал машиной в Красноармейскою. Когда слез с машины линул дождь. Тогда я закачал халоши и запиздил с удвоенной силой домой Ну дома встреча и все прочая ... Здесь я перестал мудить светом з дамочками прекратил гулять через что и потерпел крушение два раза..... правда. Но больше все начинаю оседлою жызнь».

ОБРАЩЕНИЕ АВТОРА

Найти родных и близких Григория Тимофеевича Лобаса мне пока, к сожалению, не удалось. Поиски продолжаются. Активную помощь в этом оказывают сотрудники администрации сельского поселения Гривенская во главе с неравнодушным человеком Ларисой Григорьевной Фикс, за что большая благодарность! Если кто-то из потомков нашего героя увидит эту публикацию, откликнитесь. Напишите мне на myasnikov-53@inbox.ru или позвоните +7(916) 028-74-82. Ради продолжения светлой памяти того, кто 75 лет назад защитил страну и дал вам жизнь...